

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

С.Ф. Шумилин

**Следственная деятельность:
цели и средства достижения**

Монография

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2017**

УДК 343.13
ББК 67.410.2
Ш 96

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

Шумилин, С. Ф.

Ш 96 Следственная деятельность: цели и средства достижения : монография /
С. Ф. Шумилин. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина,
2017. – 128 с.

ISBN 978-5-91776-198-5

Рецензенты:

Дикаев С.У., доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России);

Булыжкин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова);

Коцюмбас С.М., кандидат юридических наук (Белгородский областной суд).

В монографии формулируется понятие следственной деятельности, исследуется генезис представлений о целях следственной деятельности, на основе достижений различных научных знаний формулируется понятие целей следственной деятельности, определяется их система и средства достижения. Особое внимание уделяется исследованию проблемных вопросов получения объяснений, изъятия документов и предметов в ходе проверки сообщений о преступлениях, а также критическому осмыслению предложений о расширении средств достижения целей следственной деятельности путём включения в российское уголовное судопроизводство негласных (розыскных) следственных действий.

Предназначена для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел (следственных подразделений и подразделений дознания).

УДК 343.13
ББК 67.410.2

ISBN 978-5-91776-198-5

© РИО Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Цели следственной деятельности по российскому уголовно- процессуальному законодательству	6
§ 1. Понятие следственной деятельности в российском уголовном процессе	6
§ 2. Представления о целях уголовного судопроизводства в дореволюционный и советский период	18
§ 3. Современные представления о целях российского уголовного судопроизводства	34
§ 4. Способы определения целей следственной деятельности в современном российском законодательстве	51
Глава 2. Средства достижения целей следственной деятельности	61
§ 1. Понятие и система средств достижения целей следственной деятельности	61
§ 2. Получение объяснения как средство достижения целей следственной деятельности	74
§ 3. Изъятие документов и предметов как средство достижения целей следственной деятельности	87
§ 4. Проблемы негласных следственных действий как средств достижения целей следственной деятельности	95
Заключение	115
Библиографический список	116

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования, предпринятого в настоящей работе, обусловлена тем, что следственная деятельность в системе уголовного судопроизводства России выполняет функцию формирования фактической основы для разрешения уголовно-правовых конфликтов, возникающих в каждом случае получения органами уголовной юстиции (органами дознания и предварительного следствия) информации о совершённом (предполагаемом) преступлении, а также в пределах установленных уголовно-процессуальным законом полномочий – функцию их разрешения.

Соответственно, уголовно-процессуальный закон устанавливает цели следственной деятельности, которые являются её детерминантами и системообразующими факторами, а также критериями определения средств, достаточных и необходимых для достижения установленных целей. Чёткое представление органов уголовной юстиции о целях следственной деятельности и средствах их достижения в значительной мере обеспечивает эффективность уголовного судопроизводства в целом и следственной деятельности как его важнейшей составной части. Между тем получение органами уголовной юстиции представления о целях следственной деятельности и средствах их достижения существенно осложняется из-за отсутствия в уголовно-процессуальном законодательстве дефиниций «следственная деятельность», «цели следственной деятельности» и «средства достижения целей».

Отсутствие в законодательстве тех или иных дефиниций, как правило, восполняется разработанными их теоретическими конструкциями. Однако это не относится к данному случаю, что находит подтверждение в научной литературе по данной теме, в которой оперируют понятиями следственной деятельности, целей всего уголовного судопроизводства и отдельных его стадий, средств достижения целей.

Особенно впечатляют результаты изучения практики оперирования термином «цели уголовного судопроизводства» как ориентира (критерия) для формулирования понятия целей следственной деятельности. В научной литературе предложен настолько широкий спектр несовпадающих целей, что привести их «к общему знаменателю» не представляется возможным. Однако такое положение нельзя считать нормальным, поскольку отсутствие единого подхода к определению понятия целей в научной литературе находит своё отражение и в учебниках по уголовному процессу (уголовно-процессуальному праву), что не способствует формированию (и это мягко сказано) у будущих юристов представления об уголовно-процессуальной деятельности.

Приведенные соображения обусловили алгоритм предпринятого в настоящей работе исследования, который предполагает прежде всего формулирование авторской позиции относительно определения сущности следственной деятельности как базового для дальнейшего исследования.

Особое внимание уделяется исследованию генезиса представлений о целях уголовного судопроизводства, что необходимо для выяснения причин столь разительного расхождения во взглядах на цели одной и той же регулируемой уголовно-процессуальным законом деятельности, которые, исходя из деления целей на генерируемые субъектом деятельности и задаваемые извне, должны быть установлены уголовно-процессуальным законом.

Соответственно, в алгоритм исследования включается рассмотрение способов закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве целей отдельных элементов следственной деятельности, целей, достигаемых на определённых её этапах, а также конечных целей следственной деятельности.

Поскольку любая цель становится реальной, её достижение обеспечивается необходимыми и достаточными средствами, постольку в алгоритм предпринятого исследования включен вопрос о средствах достижения целей следственной деятельности.

При этом предмет исследования определялся с учётом двух основных факторов: уровня уже проведенных исследований и проблемного характера использования конкретных средств достижения целей следственной деятельности в настоящее время. Изучение следственной и судебной практики свидетельствует о том, что наибольшую сложность в настоящее время вызывает использование следователями и дознавателями таких средств достижения целей следственной деятельности, как получение объяснений, истребование документов (предметов) и их изъятие в ходе проверки сообщений о преступлениях.

В последнее время на постсоветском пространстве прокатилась волна пополнения средств достижений целей следственной деятельности, а в конечном итоге уголовного судопроизводства специальными (тайными, негласными, розыскными и т.п.) следственными действиями. В российской юридической науке до поры до времени такие законодательные новеллы не привлекали к себе пристального внимания, но с принятием в 2012 году нового УПК Украины в печати стали появляться статьи, в которых российскому законодателю адресованы явные и неявные меседжи относительно целесообразности рассмотрения вопроса включения института таких действий и в уголовно-процессуальное законодательство России. В связи с этим в предпринятом исследовании проводится критический анализ института негласных следственных (розыскных) действий УПК Украины.

Проведенное в настоящей работе исследование не может считаться исчерпывающим, а высказанные в его рамках суждения – бесспорными, и поэтому автором с пониманием и благодарностью будут восприняты любые замечания по поводу её содержания.

Глава 1.

Цели следственной деятельности по российскому уголовно-процессуальному законодательству

§ 1. Понятие следственной деятельности в российском уголовном процессе

Прежде чем приступить к анализу целей следственной деятельности, необходимо дать авторское определение следственной деятельности как одного из исходных положений предпринимаемого анализа.

Необходимость определения понятия «следственная деятельность» обусловлена следующими обстоятельствами. Словосочетание «следственная деятельность» достаточно часто встречается в юридической литературе, однако не всегда понятно его содержание, вследствие чего возникают сомнения в корректности его использования.

Так, например, в автореферате кандидатской диссертации, предметом которой являлась тактико-криминалистическая основа следственной деятельности, автор поставил ряд задач, в том числе «раскрыть структуру и специфику следственной деятельности» и «выявить условия осуществления следственной деятельности». Однако, излагая содержание первого параграфа первой главы диссертации, автор ограничился констатацией того, что в ней «представлена характеристика следственной деятельности, показаны её криминалистические начала»¹.

Вполне возможно, что в диссертации содержится определение исходного положения исследования, т.е. следственной деятельности, но из содержания автореферата можно лишь предполагать, что автор в понятие следственной деятельности включает только производство следственных действий.

Сказанное выше относится и к статье Ю.А. Цветкова «Следственная деятельность как операционная система». Минуя определение понятия «следственная деятельность», автор пишет: «Как операционная система, следственная деятельность состоит из трёх подсистем: планирующей, перерабатывающей и обеспечивающей, а также из интернального (входного) и экстернального (выходного) блоков»².

Характеризуя интернальный блок, автор пишет: «Интернальный блок (ИБ) операционной системы *следственной деятельности* (выделено мною. – С.Ш.) образуют вводимые, в первую очередь информационные, ресурсы. Ис-

¹ Жуков О.И. Тактико-криминалистическая основа следственной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. С. 5, 10.

² Цветков Ю.А. Следственная деятельность как операционная система // Российский следователь. 2014. № 23. С. 17-18.

ходным информационным ресурсом операционной деятельности следователя (выделено мною. – С.Ш.) является сообщение о преступлении»³.

Исходя из содержания приведенного суждения, можно сделать вывод о том, что автор считает тождественными понятия «следственная деятельность» и «деятельность следователя». В таком случае возникает вопрос о том, насколько правомерно использование разных терминов для обозначения одного и того же уголовно-процессуального феномена.

Рассматривая подсистему обеспечения операционной системы следственной деятельности, Ю.А. Цветков пишет: «В СК России в подсистему обеспечения входят следующие подразделения: главное управление криминалистики, главное управление обеспечения деятельности, управление кадров, правовое управление, управление международно-правового сотрудничества; управление по рассмотрению обращений граждан и документационному обеспечению, управление физической защиты, управление по защите государственной тайны, управление взаимодействия со СМИ, ФГОУ ВО «Академия СК России»⁴.

Это порождает вопрос о том, каким образом деятельность названных подразделений СК России связана со следственной деятельностью? Из содержания процитированной выше статьи получить ответ на поставленный вопрос не представилось возможным.

Нередко отождествляются понятия следственной деятельности и деятельности следователя в работах по юридической психологии.

Так, например, в работе Г.Г. Шиханцова «Юридическая психология» в главе первой «Психологическая характеристика следственной деятельности. Психология следователя» (раздела IV «Психология предварительного следствия») параграф первый называется «Психологическая характеристика следственной деятельности», однако начинается он словами «психологическая характеристика деятельности следователя (выделено мною. – С.Ш.) предполагает раскрытие ее психологической структуры...»⁵

Вместе с тем в некоторых случаях возникает сомнение в том, что авторы, используя термины «следственная деятельность» и «деятельность следователя», придают им одинаковый смысл.

В ряде работ Ю.В. Чуфаровского один из параграфов главы, посвященной психологическим основам предварительного расследования, называется «Общая характеристика психологических особенностей следственной деятельности». Несмотря на то, что в названии используется термин «следственная деятельность» в тексте параграфа наряду с ним используется термин «деятельность следователя». Так, например, автор пишет: «В деятельности следователя (выделено мною. – С.Ш.) важное значение имеет процесс получения инфор-

³ Цветков Ю.А. Следственная деятельность как операционная система // Российский следователь. 2014. № 23. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. – М., 1998.

мации путём общения. В *следственной деятельности* (выделено мною. – С.Ш.) проблема общения приобретает свою специфику»⁶.

Приведенное суждение даёт основание предполагать, что термину «деятельность следователя» Ю.В. Чуфаровский придаёт более широкое значение, чем термину «следственная деятельность». Однако это всего лишь предположение, поскольку в остальном тексте данного параграфа термины «следственная деятельность» и «деятельность следователя» используются как тождественные.

В некоторых случаях понятие «следственная деятельность» используется как тождественное понятию «профессиональная деятельность следователя».

В частности, А.И. Аминов пишет, что *профессиональная деятельность следователя* (выделено мною. – С.Ш.) характеризуется рядом признаков, в том числе «...экстремальными психологическими условиями *следственной деятельности* (выделено мною. – С.Ш.)»⁷. Завершая параграф, в котором высказано данное суждение, автор пишет: «*Следственная деятельность* (выделено мною. – С.Ш.) как разновидность социально-психологической деятельности состоит из познавательных, реконструктивных, удостоверительных, коммуникативных и воспитательных компонентов, эффективность которых напрямую зависит от профессиональных качеств следователя»⁸.

Однако и в данном случае возникает вопрос: понятия «профессиональная деятельность следователя» и «следственная деятельность» понятия тождественные или следственная деятельность составная часть профессиональной деятельности следователя?

Как правило, отсутствие легального определения того или иного понятия в законе или подзаконном нормативном правовом акте замещается теоретической конструкцией соответствующего понятия (термина). Однако это не относится к понятию следственной деятельности, в чём убеждают результаты изучения работ, в которых авторы оперируют данным понятием. Это обстоятельство детерминирует необходимость сформулировать авторскую позицию относительно содержания понятия следственной деятельности.

Содержание работ или их отдельных частей, в которых используется термин «следственная деятельность», даёт основание полагать, что некоторые авторы считают понятие «следственная деятельность» производным от термина «следователь», и, соответственно, включают в него всю уголовно-процессуальную деятельность следователя.

Между тем в русском языке «следственный», «следственная» и «следственное» – это прилагательные от слова «следствие» в уголовном процессе, т.е. «собираение и проверка доказательств по уголовному делу, необходимых для

⁶ Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: теоретические аспекты, практическое применение. – М., 1996. С. 232; Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие. – М., 2006. С. 147.

⁷ Аминов И.И. Юридическая психология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности (030501) «Юриспруденция». – М., 2008. С. 163-164.

⁸ Там же. С. 164.

его правильного разрешения»⁹. Таким образом, исходным положением при определении понятия «следственная деятельность» является уяснение содержания термина «следствие».

Одним из первых российских уголовно-процессуальных законов, в котором содержалась формулировка понятия «следствие», на наш взгляд, был Свод законов уголовных 1832 года (далее – Свод законов).

Книга вторая «О судопроизводстве по преступлениям» Свода законов начиналась статьёй 766 следующего содержания: «Производство уголовных дел состоит: 1) *в следствии или в изыскании всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и в собрании доказательств к открытию и обличению виновного* (выделено мною. – С.Ш.); 2) в суде, который состоит в проверке следствия, в суждении, по силе доказательств и улик, о вине или невиновности подсудимого и в постановлении приговора по закону; 3) в исполнении приговора»¹⁰.

Формулировка п. 1 ст. 766 Свода законов была конкретизирована в разделах II «Предварительное следствие» и III «Формальное следствие» книги второй.

«Изыскание всех обстоятельств дела или происшествия» начиналось уже с момента получения извещения о преступлении или доноса¹¹. В ст.ст. 794 и 808 Свода законов было закреплено правило, согласно которому при получении извещения (доноса) немедленно расспрашивать того, кто учинил извещение (доносителя), об обстоятельствах преступления (происшествия).

Глава вторая книги второй называлась «Об исследовании происшествия, и об осмотре». В первом отделении этой главы были сформулированы общие положения исследования происшествия: в каждом уголовном деле исследовать сначала, действительно ли происшествие, заключающее в себе преступление, учинилось (ст. 820); для получения сведений и открытия следов преступления расспрашивать всякого без изъятия, кто может иметь о том сведение (ст. 823); каким образом поступать с найденными при предварительном следствии инструментами, орудиями и вещами, могущими служить доказательством или объяснением происшествия.

При этом в «положениях особенных об исследовании и осмотре некоторых особенных родов преступлений» (отделение второе главы второй) применительно к «смертоубийству и отравлению» было закреплено следующее правило: «Во всех случаях, когда причина смерти неизвестна и есть признаки, за-

⁹ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984. Т. 4. С-Я, 1984. С. 134.

¹⁰ Свод законов уголовных. – СПб., 1832. Статья 766 Свода законов уголовных 1832 г. и другие статьи, которые приведены далее по тексту, были воспроизведены в сводах законов уголовных 1842 и 1857 гг. См.: Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Книга первая. Законы уголовные. Книга вторая. О судопроизводстве по преступлениям. – СПб., 1842; Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Т. 15. Книга первая. Законы уголовные. Книга вторая. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. – СПб., 1857.

¹¹ «799. Доносом признаётся явное обвинение кого-либо в преступлении».

ставляющие подозревать, что она приключилась от насилия или отравы, надлежит дать знать полиции, которая распоряжается в учинении телу медицинского осмотра, по правилам, предписанным в Книге III Свода Учреждений и Уставов Врачебных (ст. 826)».

Иначе говоря, в ст. 826 Свода законов было предусмотрено производство экспертизы (по современной терминологии) как способа «изыскания всех обстоятельств дела или происшествия».

Особое значение в Своде законов придавалось такому способу «изыскания всех обстоятельств дела или происшествия», как выемка. Об этом свидетельствует то, что этим следственным действиям была посвящена самостоятельная глава третья книги второй «О выемках и обысках» (ст.ст. 838-843).

В разделе третьем «О формальном следствии» глава вторая была посвящена допросу обвиняемого (ст. 900), а также лиц, «коих подсудимый¹² оговорит в соучастии» (ст. 922).

В связи с допросом обвиняемого обращает на себя внимание ст. 921 Свода законов, в которой было закреплено следующее положение: «Когда окажется по следствию, что преступление учинено в сумасшествии: то обвиняемого отсылать для свидетельства во врачебную управу». По сути, речь идёт о назначении в нынешнем понимании судебно-психиатрической экспертизы.

Примечательно то, что в главе третьей «О собрании доказательств» предусматривалось истребование документов от присутственных мест, частных лиц и маклеров, а также обязанность последних исполнять такие требования, причём присутственные места и граждане за сокрытие или утайку имеющихся у них документов могли быть привлечены к ответственности как соучастники преступления (ст. 931).

В ходе формального следствия могли производиться: личный осмотр следов преступления и предметов (ст.ст. 939-942); получение показаний сведущих людей (т.е. заключение экспертов¹³); допрос свидетелей (ст.ст. 963-981); повальный обыск (ст.ст. 982-993)¹⁴; очные ставки (ст.ст. 994-1001).

Особое внимание следует обратить на содержание ст. 1000 Свода законов, которая регламентировала производство очной ставки: «Если обвиняемый не узнает на очной ставке оговоренного, или узнавши (выделено мною. – С.Ш.), сговорит с него: то надлежит исследовать, не склонил ли его к тому кто-либо иной». Выделенные слова дают основание полагать, что очная ставка выполняла в определённых случаях функцию следственного действия, известного в современном уголовном процессе как «предъявление для опознания».

¹² В сводах законов уголовных 1832, 1842 и 1857 гг. термины «обвиняемый» и «подсудимый» в ряде случаев применялись как тождественные.

¹³ «Если точное узнавание встречающегося в деле обстоятельства предполагает особенные сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле: то надлежит истребовать о том показание и мнение сведущих людей, соображаясь с правилами главы об исследовании происшествия и осмотра (ст. 943)».

¹⁴ «Если потребно удостовериться о таком в деле обстоятельстве, которое может быть известно всем или многим жителям какого-либо места, как-то, о поведении подсудимого: то надлежит сделать об оном повальный обыск, то есть, допросить оковых жителей (ст. 982)».

Профессор Императорского Санкт-Петербургского университета Я.И. Баршев объяснял смысл разграничения предварительного и формального следствия тем, что следствию по уголовному делу должно предшествовать установление факта совершения преступления, и поэтому первые действия следователя «должны клониться к тому, чтобы исследовать, учинено ли деяние, которое кажется преступлением и причины подозрения столь ли сильны, что с подозреваемым можно уже действовать как с подсудимым»¹⁵.

В конечном итоге Я.И. Баршев пришёл к следующему выводу: «*Предварительное следствие* есть только *предварительное* и *приготовительное* исследование первых поводов и причин к процессу, которое клонится к тому, чтобы увериться в справедливости их и привести на первый раз в возможную известность состав преступления и собрать возможно определённые улики относительно виновника его. Напротив, *формальное следствие* состоит в производстве его над известным уже лицом, которое по предварительному следствию оказалось уже довольно подозрительным и поэтому могло быть поставлено в состояние обвинения»¹⁶.

Таким образом, по Своду законов предварительное следствие проходило в два этапа: первый этап можно условно назвать «следствие о преступлении», а второй – «следствие об обвиняемом» или, следуя современной терминологии, и с известной долей условности, «уголовное преследование».

В суде первой степени (по современной терминологии – «суд первой инстанции»), в который поступало уголовное дело после окончания предварительного следствия, судебного следствия в современном его понимании не существовало, поскольку основанием для постановления приговора были главным образом письменные материалы. Однако это не значит, что действия суда ограничивались только изучением материалов дела.

Постановлению приговора предшествовали предусмотренные главой первой «О рассмотрении и дополнении следствия» (раздел четвертый «О производстве дел уголовных в первой степени суда») действия суда первой степени:

- в случае необходимости производство вторичных допросов подсудимого (ст. 1009), при этом «подсудимого, запирающегося в преступлении, когда есть основательное на него подозрение», суд старался «без истязаний уликами, а в случае нужды и увещанием священника, привести к открытию истины» (ст. 1011)¹⁷. Смысл последнего предписания состоял в том, что по Своду законов различались доказательства совершенные и несовершенные (ст. 1023), при этом собственное признание подсудимого считалось как «лучшее свидетельство всего света» (ст. 1030) и доказательством, совершенным при наличии сле-

¹⁵ Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб., 1841. С. 108-109.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ «При производстве дел в суде первой степени, освобождаются от вторичных допросов удельные крестьяне, потому что засвидетельствование их допроса присутствующим при следствии над ними удельным чиновником, служит удостоверением в истине их показаний. Из сего исключаются только те случаи, которые при производстве следствия не были в виду, а к разрешению дела необходимы (ст. 1013 Свода)».

дующих условий: «1) когда оно учинено добровольно; 2) когда оно учинено в судебном месте перед судьей; 3) когда оно совершенно сходно с происшедшим действием; 4) когда показаны притом такие обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине оно сомневаться невозможно (ст. 1031)».

Согласно ст. 1032 «если признание найдено будет во всём сообразным предыдущим правилам, тогда не требуется уже дальнейших доказательств, и судья не может опасаться учинить по делу приговор».

Вот как описывал постановление приговора Я.И. Баршев: «Уголовный суд должен быть судом коллегиальным, и приговоры его составляются только посредством подачи голоса каждым его членом. Поэтому, по самому свойству дела уголовного суда, каждый член его должен бы сам прочитывать и изучать те акты, которые должны служить основанием приговора; но потому что это невозможно без большого замедления, вредного для отправления правосудия и частного интереса, то необходимо, чтобы это дело было поручено кому-либо из членов суда с тем, что он, рассмотрев подлинные акты, представил суду выписку или письменное извлечение из дела в таком виде, чтобы суд был в состоянии так узнать и обсудить подлежащий уголовный случай, как будто бы каждый член его сам читал и изучал подлинные акты его»¹⁸.

Таким образом, следствие по первым кодифицированным уголовно-процессуальным законам представляло собой систему следственных действий, производство которых осуществлялось преимущественно на стадии предварительного следствия. Кроме того, начальным моментом следствия был, как было отмечено, расспрос, который также входил в содержание следствия.

Просуществовавшие почти тридцать лет своды законов уголовных послужили основой для разработки Устава уголовного судопроизводства, утверждённого 20 ноября 1964 г. (далее – Устав)¹⁹. Во всяком случае, это относится к содержанию главы 4 «Об исследовании события преступления» (раздел второй «О предварительном следствии», книги второй «Порядок производства в общих судебных местах»).

В Уставе не было статьи, аналогичной статье 766 Свода законов уголовных 1832 г., и соответствующих статей сводов законов уголовных 1842 и 1857 гг. Однако в упомянутой выше главе 4 «Об исследовании события преступления» было предусмотрено производство с этой целью следственных действий: осмотра и освидетельствования (ст.ст. 315-356); обысков и выемок в домах (ст.ст. 357-370); собирания и сохранения вещественных доказательств (ст.ст. 371-376).

Кроме того, в ходе предварительного следствия могли быть произведены: допрос обвиняемого (ст.ст. 398-414); допрос свидетелей (ст.ст. 433-450); дознание через окольных людей (ст.ст. 454-466).

Точно так же, как и по сводам законов уголовных, при получении объявления о преступлении или жалобы судебный следователь или полицейское

¹⁸ Баршев Я. Указ. работа. С. 225.

¹⁹ Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 1. Судебные уставы. 1892. Устав Уголовного Судопроизводства. URL: <http://www.civil.consultant.ru>.

должностное лицо немедленно расспрашивали объявителя или жалобщика об обстоятельствах происшествия или об известных ему признаках преступного деяния (ст. 307).

Вместе с тем с принятием Устава в структуре судебного разбирательства появилось судебное следствие, которое производилось путем выполнения следующих действий: допросов подсудимых, не признающих в преступлениях (ст.ст. 683-686); оглашения протоколов об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, если этого потребуют стороны, либо судьи или присяжные заседатели признают это необходимым (ст. 687); при необходимости заслушивание объяснений лиц, производивших освидетельствование (ст. 690); производство нового освидетельствования по замечанию сторон или присяжных заседателей, или по собственному усмотрению суда (ст. 692); осмотр вещественных доказательств (ст. 697); допрос потерпевших (ст. 700); допрос свидетелей (ст.ст. 701-726).

Соотношение между предварительным и судебным следствием очень чётко охарактеризовал А.А. Квачевский в одной из первых фундаментальных работ, изданных после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Рассматривая вопросы общего понятия предварительного следствия, автор писал: «Предварительное следствие имеет своим предметом приведение в известность всех данных, которыми определяются преступление и виновность преступника, для предания его суду и правильного производства судебного следствия. Самое название уясняет признаки и свойства этой части уголовного судопроизводства, указывает на её значение. Она называется следствием, под которым разумеется ряд действий, имеющих в виду изыскание, раскрытие истины; но изысканию полагается предел, обозначаемый наименованием следствия предварительным, предшествующим другому – судебному. Преследуя одну и ту же цель – открытие истины, разъяснение преступления и вины преступника, оба следствия составляют одно целое и различаются между собой лишь по степени участия своего в общей цели, соответственно, с особым назначением каждого из них: предварительное следствие вырабатывает материал для разрешения вопроса о предании обвиняемого суду и, предшествуя судебному следствию, служит для него подготовкой; судебное следствие, поверяя предварительное, даёт содержание для решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого и, в случае признания виновности, для судебного приговора об уголовной ответственности осуждённого, для применения в отношении к нему закона о наказании и вознаграждении за вред и убытки от преступления»²⁰.

Отсюда следует вывод о том, что наличие в уголовном судопроизводстве судебного следствия, с одной стороны, исключает ограничение понятия «следственная деятельность» только уголовно-процессуальными действиями следователя, а с другой – не допускает включение в это понятие кроме действий, выполняемых в целях установления обстоятельств совершения преступления,

²⁰ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. Ч. III. О предварительном следствии. Выпуск 1. – СПб., 1869. С. 3-4.

иных уголовно-процессуальных действий, поскольку их выполнение не предусмотрено в судебном следствии.

В первых уголовно-процессуальных кодексах РСФСР (1922 и 1923 гг.) понятием «следствие» охватывались только следственные действия. На стадии предварительного расследования это были: допрос обвиняемого, допрос свидетелей и экспертов, обыски выемки, выемка почтово-телеграфной корреспонденции, осмотры и освидетельствования.

В судебном заседании (именно так называлась глава XXII УПК 1922 и 1923 гг.) предусматривалось производство таких следственных действий, как допрос подсудимого, который не признавал правильным предъявленное ему обвинение и желал дать показания по существу; допрос свидетелей и оглашение их показаний; допрос экспертов; осмотр вещественных доказательств; осмотр места преступления²¹.

Некоторые изменения в содержании понятия «следствие» произошли с принятием УПК РСФСР 1960 г.²², в котором в отличие от УПК 1922 и 1923 г. было предусмотрено истребование необходимых материалов и получение объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении (ч. 2 ст. 109).

В разделе II «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие» предусматривалось производство таких следственных действий, как допрос обвиняемого (ст.ст. 150-152), допрос свидетеля и потерпевшего (ст.ст. 155-161), очная ставка (ст.ст. 162-163), предъявление для опознания (ст.ст. 164-166), выемка и обыск (ст.ст. 167-173), выемка почтово-телеграфной корреспонденции (ст.ст. 174), осмотр и освидетельствование (ст.ст. 178-182), следственный эксперимент (ст. 183), производство экспертизы (ст.ст. 184-191), допрос эксперта (ст. 192).

В судебном следствии производилось: допрос подсудимого и оглашение показаний подсудимого (ст.ст. 280-281); допрос свидетелей и оглашение показаний свидетелей (ст.ст. 285-286); допрос потерпевшего (ст. 287); производство экспертизы (ст. 288); допрос эксперта (ст. 289); осмотр вещественных доказательств (ст. 291); оглашение документов (ст. 292); осмотр местности и помещения (ст. 293).

Отсюда следует, что исследование события преступления начиналось уже со стадии возбуждения уголовного дела, поскольку истребование необходимых материалов и получение объяснений производилось в целях обнаружения признаков преступления, а значит, начало следственной деятельности, перемещалось со стадий судебного разбирательства и предварительного расследования на стадию возбуждения уголовного дела.

²¹ Об Уголовно-процессуальном кодексе: постановление Центрального Исполнительного Комитета от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230; Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 февраля 1923 года // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

²² Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом): Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Надо ли говорить о том, что в действующем УПК такое положение сохранилось и, более того, приобрело ярко выраженный характер, за счёт расширения способов проверки сообщений о преступлениях (проведение исследований предметов, документов и трупов, осмотр места происшествия, предметов, документов и трупов, производства освидетельствования, производства судебных экспертиз).

В свете вышеизложенного следует признать адекватно отражающими сущность понятия «следствие» дефиниции, в которых это понятие определяется как «выяснение различных обстоятельств, связанных с каким-н. уголовным делом, для установления обстановки и характера преступления, а также лиц, виновных в совершении преступления (офиц., право)²³»; «выяснение обстоятельств, связанных с преступлением, с целью установления фактов преступления и виновных лиц»²⁴; «выяснение, расследование обстоятельств, собрание и проверка данных, связанных с преступлением»²⁵ и т.п.

Сформулированные общим образом определения следствия требуют своего уточнения применительно к уголовному судопроизводству. Так, например, в российской юридической энциклопедии сформулирована следующая дефиниция: «СЛЕДСТВИЕ – в уголовном процессе собрание и проверка доказательств, необходимых и достаточных для выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания. С. – собирательное понятие, охватывающее: *предварительное следствие* – самостоятельную стадию уголовного процесса, следующую за возбуждением уголовного дела; *судебное следствие* – составную часть судебного разбирательства в суде первой инстанции»²⁶.

С приведенным определением следствия нельзя согласиться по следующим причинам. Во-первых, предварительное следствие как форма предварительного расследования не ограничивается действиями по собиранию и проверке доказательств. Наряду с указанными здесь выполняется ряд других действий (например, по применению мер процессуального принуждения, по обеспечению прав участников уголовного судопроизводства и др.), которые не могут быть включены в понятие следствия. Во-вторых, действия по собиранию и проверке доказательств производятся не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии возбуждения уголовного дела, а значит, следствие как собрание и проверка доказательств начинается уже на этой стадии уголовного судопроизводства.

С этой точки зрения противоречивым представляется суждение В.И. Рохлина о следственной деятельности. Рассматривая вопросы полномочий следователя, автор писал, в частности: «По нашему мнению, следственная деятельность – это государственная деятельность, которая значительно шире, чем расследование уголовного дела. На следователей возложена и проверка поступив-

²³ Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <http://www.ushakovdictionary.ru>.

²⁴ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М., 2000.

²⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук, проф. И.Л. Скворцова. – 27-е изд., испр., – М., 2016. С. 1073.

²⁶ Российская юридическая энциклопедия. – М., 1999. С. 892.

ших заявлений и сообщений, содержащих указания на преступления. Это сложная и ответственная деятельность»²⁷.

Если учесть, что следственная деятельность начинается с момента производства любых следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств совершения преступления, то с утверждением В.И. Рохлина следует согласиться, поскольку такие действия могут производиться уже на стадии возбуждения уголовного дела. Однако нельзя согласиться с тем, что следственная деятельность шире расследования, поскольку расследование, как уже было отмечено, не ограничивается производством следственных и иных процессуальных действий, которые включаются в понятие следствия.

Понятие следствия может быть рассмотрено и в иной плоскости, если в качестве исходного положения использовать термин «след». Как известно, любое преступление оставляет в реальной действительности два вида следов – материальные и идеальные, по которым в уголовном судопроизводстве восстанавливается «картина» преступления путём обнаружения таких следов и установления причинно-следственных связей между ними и совершённым преступлением. Такое объяснение не противоречит ранее приведенным суждениям по поводу определения следствия как исходного положения для уяснения понятия следственной деятельности.

Для того чтобы получить более или менее полное представление о следственной деятельности, необходимо уяснить социально-правовую природу ситуации, которая возникает в каждом случае получения органами предварительного расследования информации о совершённом преступлении.

Системное толкование дефинитивных норм, закреплённых в п.п. 56 и 9 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)²⁸, приводит к выводу о том, что уголовное судопроизводство начинается в каждом случае получения сообщения о преступлении. С момента получения сообщений о преступлении в обществе создаются ситуации различной степени неопределённости²⁹ относительно обстоятельств их возникновения, а следовательно, относительно факта совершения преступления.

В юридической науке достаточно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой в момент совершения преступления между лицом, его совершившим, и государством возникает общественное отношение, которое называется уголовно-правовым отношением, поскольку подлежит регулированию на основе норм уголовного права.

²⁷ Рохлин В. Следователь: положение и полномочия // Законность. 2005. № 10. С. 21.

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

²⁹ В теории права такого рода ситуации называются «юридическими». См., напр.: Шипунов И.В. Юридическая ситуация как общетеоретическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. С. 8, 12-13; Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. – М., 2010. С. 56-58.

Эта точка зрения не бесспорна по следующей причине. Одним из обязательных признаков правоотношения, в том числе и уголовно-правового, как известно, является наличие у субъектов правоотношения права и обязанностей. Таким образом, если следовать логике, то у государства с момента совершения преступления возникает право назначить совершившему его лицу наказание либо освободить его от уголовной ответственности или наказания, а у лица, совершившего преступление, соответственно, возникает обязанность претерпевать неблагоприятные последствия применения к нему мер уголовно-правового воздействия.

Однако такие права и обязанности, в отличие от других сфер общественной жизни, могут возникать только после официального признания от имени государства данного лица виновным в совершении преступления. Если признать, что уголовно-правовое отношение возникает в момент совершения преступления, то возникает парадоксальная ситуация, суть которой состоит в следующем. У лица появляется обязанность претерпевать применение к нему мер уголовно-правового воздействия вопреки положениям ст. 49 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 14 УПК РФ, согласно которым *обвиняемый* (а данное лицо ещё не имеет вообще никакого процессуального статуса) считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Кроме того, в результате установления обстоятельств возникновения ситуации неопределённости могут быть обнаружены обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния, предусмотренные ст.ст. 37-42 УК РФ либо свидетельствующие о том, что запрещённое уголовным законом деяние совершено лицом, находившимся в состоянии невменяемости.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что в основе ситуации неопределённости, возникающей в связи с получением сообщения о преступлении, лежит действительный или предполагаемый уголовно-правовой конфликт, требующий своего разрешения одним из следующих способов: 1) официальным признанием факта совершения определённым лицом преступления в приговоре (постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям) и назначением ему наказания либо освобождением от уголовной ответственности или наказания; 2) официальным признанием отсутствия события преступления (отсутствия в деянии состава преступления, непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления) в постановлении об отказе в возбуждении уголовного, в постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо в оправдательном приговоре; 3) официальным признанием факта совершения запрещённого уголовным законом деяния лицом, находившимся в состоянии невменяемости, и применением к нему принудительной меры медицинского характера.

Функцию формирования фактической основы для разрешения уголовно-правовых конфликтов выполняет следственная деятельность, при этом её содержание и субъектный состав различаются в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой она осуществляется.

На стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в следственной деятельности доминирующее положение занимает обнаружение предполагаемых следов преступления, их изъятие и последующее изучение с точки зрения наличия причинно-следственных связей между обнаруженными следами и совершённым преступлением. Субъектами следственной деятельности на этих стадиях уголовного судопроизводства являются следователь и дознаватель.

На стадии судебного разбирательства основным способом осуществления следственной деятельности является оценка доказательств, полученных на стадии возбуждения уголовного и предварительного расследования, что не исключает собирание доказательств судом.

Таким образом, *следственная деятельность – это система уголовно-процессуальных действий, выполняемых следователем, дознавателем и судом для установления обстоятельств возникновения уголовно-правового конфликта и его разрешения предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами.*

Предметом дальнейшего рассмотрения в настоящей работе является следственная деятельность, осуществляемая в досудебных стадиях уголовного процесса, поскольку преимущественно на этих стадиях устанавливаются обстоятельства возникновения уголовно-правовых конфликтов и формируется фактическая основа для их законного и обоснованного разрешения.

§ 2. Представления о целях уголовного судопроизводства в дореволюционный и советский период

Актуальность вопроса целей уголовного судопроизводства объясняется методологическим значением целей как в следственной деятельности, так и в научных исследованиях. В философии цель рассматривается «как один из элементов сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определённых средств, ... выступает как способ интеграции различных действий человека в некоторую последовательность или систему, как одна из форм детерминации человеческой деятельности»³⁰.

Приведенные свойства цели в полной мере распространяются на цели, которые должны быть достигнуты в уголовном судопроизводстве.

³⁰ Огурцов А.П. Цель / Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. С. 751. См. также: Чунаева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). – Л., 1979. С. 9; Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: учебник для студентов высш. учеб. заведений. – М., 2006. С. 209; Психологический словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. – М., 2007. С. 739.

Особо следует отметить способность цели выполнять функцию детерминанты³¹ средств, необходимых и достаточных для её достижения. В работе «Наука логики», написанной в 1812-1816 гг., Гегель писал: «...мы ставим себе в жизни цель. При этом размышляем о том, какими средствами мы можем их достичь. Цель есть здесь всеобщее, руководящее, и мы обладаем средствами и орудиями, деятельность которых мы определяем соответственно этим целям»³².

Приведенное выше суждение нашло своё дальнейшее развитие в современной философии.

В частности, как утверждает Т.А. Казакевич, «определенная цель требует и определенных соответствующих средств, средства – инструмент осуществления цели, и в этом плане средство выступает как подчиненное, цель как бы господствует над ним»³³.

Во взаимодействии средств и целей, по утверждению Б.А. Вороновича, «цель выступает как исходный момент взаимодействия, в соответствии с ней определяется и избирается средство»³⁴.

Экстраполяция указанных свойств цели на следственную деятельность дает основание утверждать о том, что цели следственной деятельности следователя, во-первых, являются критериями для законодательного закрепления средств их достижения и, во-вторых, представляют собой единственный критерий, на основании которого можно судить о достаточности средств достижения той или иной цели.

Вместе с тем использование целей следственной деятельности как инструмента научного исследования проблематично, поскольку в российском уголовно-процессуальном законодательстве не было и нет дефиниции целей следственной деятельности.

Однако отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве легального определения цели следственной деятельности не означает, что эта деятельность является исключением из общепризнанного положения, согласно которому любая сознательная деятельность человека всегда направлена на достижение определенной цели³⁵. В связи с этим термин «цели следственной деятельности», во избежание возможных недоразумений при его использовании, нуждается в уточнении. Поскольку цель, как было отмечено, является элементом сознательной деятельности человека, постольку применительно к следственной деятельности термин «цель» при строгом его использовании относится

³¹ Детерминант (от лат. *determinants* – «определяющий»), то же, что «определитель» / Советский энциклопедический словарь. – М., 1981. С. 384.

³² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. – М., 1974. Т. 1. С. 116.

³³ Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. – Л., 1969. С. 45-48.

³⁴ Воронович Б.А. Философский анализ структуры практики. – М., 1972. С. 117.

³⁵ Трубников Н. Цель / Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. – М., 1970. Т. 5. С. 459; Зеленецкий Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. – М., 1971. С. 96; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М., 1978. С. 14; Крутецкий В.А. Психология. – М., 1986. С. 56; Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1990. С. 102; Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000. С. 294.

только к должностным лицам, уполномоченным на её осуществление (следователь, дознаватель и судья).

Таким образом, понятие цели следственной деятельности носит условный характер и означает в реальной действительности цели уголовно-процессуальной деятельности следователя (дознавателя, судьи), которая охватывается понятием «следственная деятельность».

Как уже было отмечено ранее, отсутствие в законодательстве дефиниций, как правило, восполняется их теоретическими конструкциями. Однако это не относится к дефиниции цели следственной деятельности, впрочем, так же, как и вообще к дефинициям любых других целей, достигаемых в уголовном судопроизводстве, хотя термины «цель» и «цели» в теории уголовного процесса используются достаточно часто.

Отсутствие легального определения целей следственной деятельности детерминирует разработку её теоретической конструкции. При этом исходным положением разработки теоретической конструкции цели (ориентиром, критерием) по логике вещей должно быть понятие промежуточных и конечной цели уголовного судопроизводства. Отсюда следует вывод о том, что для определения авторской позиции по поводу дефиниции цели следственной деятельности необходимо выяснить, в каком состоянии находится в теории уголовного процесса решение вопроса о целях уголовного судопроизводства, а для этого следует изучить накопленный в науке уголовного процесса опыт использования терминов «цель уголовного судопроизводства» и «цели уголовного судопроизводства».

Однако прежде чем приступить к этой работе, необходимо сделать одну принципиально важную оговорку. В теории уголовного процесса практически не встречается термин «цели следственной деятельности», что можно объяснить тем, что авторы отождествляют следственную деятельность с предварительным следствием (предварительным расследованием). Для этого сугубо теоретически допустим правомерность такого отождествления и попытаемся уяснить генезис понятия целей уголовного судопроизводства на различных этапах развития теории уголовного процесса.

В настоящее время вряд ли можно установить, когда именно вопрос о цели уголовного судопроизводства стал предметом обсуждения в отечественной теории уголовного процесса. По крайней мере, в работах, изданных в первой половине XIX века, уже высказывались суждения о цели уголовного судопроизводства, а также о целях предварительного и формального следствия.

Из числа известных нам работ наибольший интерес в этом отношении представляют работы ординарного профессора уголовных и полицейских законов в Императорском Санкт-Петербургском университете доктора права Я.И. Баршева и профессора Ришельевского лицея В.А. Линовского, посвящен-

ные исследованию уголовного судопроизводства, осуществляемого по Сводам законов Российской империи 1832 и 1842 гг.³⁶

Излагая общие предварительные понятия об уголовном судопроизводстве, Я.И. Баршев следующим образом определил цель уголовного судопроизводства по Своду законов Российской империи 1832 года: «Все уголовное право основывается на законе правды и справедливости, который требует, чтобы преступные деяния были подвергаемы заслуженному ими наказанию; из сего следует, что *главная цель* уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы исследовать и открывать учиняемые преступления, и преступников подвергать заслуженному ими наказанию. *Цель каждого отдельного уголовного процесса* заключается в том, чтобы, собрав материалы, необходимые для верного и справедливого приговора относительно вины или невинности изобличаемого в каком-либо преступлении лица, признать его невинным или достойным известного наказания».

Процитированное понятие цели Я.И. Баршев конкретизировал по отношению к предварительному и формальному следствию следующим образом.

В частности, автор утверждал о том, что «цель предварительного следствия»³⁷ определяет предмет его», а предметом предварительного следствия считал: «1) приведение в известность или возможно большую вероятность действительности того обстоятельства, на котором основывается деяние, кажущееся преступлением; 2) раскрытие его вероятно преступного свойства; 3) собрание улик, изобличающих в известном лице виновника его; 4) собрание всех доказательств дела, которые или сами собой представляются на вид, или суть такого свойства, что впоследствии нельзя уже будет получить их, а должно отыскивать их и собирать по горячим следам»³⁸.

«Цель формального следствия, – писал далее Я.И. Баршев, – состоит в том: 1) чтобы преступление, которое в предварительном следствии доведено только до вероятности, привести в полную известность; 2) чтобы объяснить всю степень вины или невинности того лица, которое признано в нем подозрительным; одним словом, доставить столь подробное и полное исследование дела, чтобы на нем можно было основать впоследствии решительный, обвинительный или оправдывающий приговор»³⁹.

³⁶ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб., 1841; Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – Одесса, 1849.

³⁷ Напомним, что Я.И. Баршев исходил из того, что предварительное следствие – это «объем всех тех действий относительно исследования уголовных дел, которые предпринимаются для уяснения поводов к уголовному суду, для приведения в возможную известность состава преступления и для раскрытия тех причин, которые на какое-либо лицо указывают как на вероятного виновника преступления», а формальное – «объем всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения по причине известного преступления, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания» (Указ. работа. С. 107, 134).

³⁸ Баршев Я.И. Указ. работа. С. 111.

³⁹ Там же. С. 135.

Скорее всего, в основу приведенных суждений были положены следующие правила, закреплённые в Своде законов 1832 г.:

- «в каждом уголовном деле надлежит исследовать сначала, действительно ли происшествие, заключающее в себе преступление, учинилось (а); сие исследование надлежит производить даже и в таком случае, когда бы дело началось добровольным признанием в преступлении (б)» (ст. 820 Свода законов);

- «следствием о преступлении должно быть обнаружено и приведено в совершенную известность, над каким лицом или имуществом оно учинено, в каком действии состояло, каким способом или орудием, когда, где, кем, с намерением или без намерения произведено, и вообще должно быть открыто всё то, что может служить к пояснению обстоятельств происшествия, преступления или вины обвиняемого» (ст. 883 Свода законов).

Позицию Я.И. Баршева по вопросу о цели уголовного судопроизводства в целом, а также о целях предварительного и формального следствия поддержал В.А. Линовский в названной выше работе.

Автор писал, в частности: «Следствие есть изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление и собрание доказательств к открытию и обличению виновного (Св. Зак. Т. XV, ст. 882). Это определение совершенно согласно с определением, сделанным в Кратком изображении процессов, в котором сказано следующее: «процесс есть дело судимое, через который случающиеся тяжёлые дела основательным представлением, и из обстоятельств дела, обретенные доказов, явные сочиняются, и потом от судов по изобретению оных причин решение чинится» (Кр. Изоб. Проц. Гл. II, ст. 1). Из самого этого определения видно, что цель уголовного следствия состоит в том, чтобы посредством его привести в возможно полную известность все обстоятельства, которые обуславливают приложение уголовного закона к известному случаю и на основании которых можно сделать решительный приговор, т.е. обвинительный, или освобождающий совершенно, или только в известном отношении»⁴⁰.

В Кратком изображении процесса сказано «процесс есть, когда судья ради своего чину по должности судебной вопрос и розыск чинит, *где, каким образом, как и от кого такое учинено преступление* (Гл. II, ст. 2). Многие последующие законы подтвердили правило, установленное Императором Петром I, об исследовании прежде всего, учинилось ли происшествие, заключающее в себе преступление: так в Учреждении об управлении губерний сказано, что следователь должен учинить немедленное исследование происшедшего преступления (14392, ст.ст. 110 и 243). В Уставе Благочиния следователю предписывается исследовать в случае учинения уголовного преступления: 1) над кем, или каким, или во вред чей, или чему, 2) что, 3) чем, 4) когда, 5) где, 6) как, 7) кем учинено (1782 апр. 8 (15379), ст. 105). Наконец, в указе 1801 апреля 23 (19847) сказано: «в случае доносов или усмотренного со стороны полиции преступления, наперёд удостовериться, что преступление не есть каковая-либо ложь, клевета или вымыслы, и потом уже во взыскании участвующих в оном поступать».

⁴⁰ Линовский В. Указ. работа. С. 73-74.

«Соображая всё сказанное нами, можно вывести заключение, что в настоящее время, на основании наших положительных законов, предмет следствия есть приведение в возможно полную известность всего состава преступления, т.е. действительно ли учинено преступление и какое, кем оно учинено и в какой степени преступление должно быть вменено его виновнику»⁴¹.

Вместе с тем в теории отечественного уголовного процесса относительно цели уголовного судопроизводства высказывались иные суждения.

Так, например, исследованию различных систем уголовного судопроизводства, сложившихся в Европе к середине XIX века, П.И. Дегай предпослал следующее утверждение: «Как бы ни было различно судопроизводство по местности и политическим обстоятельствам каждого народа, оно всегда будет иметь *двоякую цель: наказание за преступление*, соответствующее началам утешения и исправления, и *удовлетворение за понесенный вред*, соответствующее началу возмездия». Однако, рассматривая вопрос о содержании уголовного судопроизводства, автор писал: «Три главных орудия представляет уголовное судопроизводство: лица, коими проводится следствие и суд, судебные доказательства, служащие как тем, так и другим средством *к открытию истины*, и самое производство суда»⁴². В последнем из приведенных суждений достаточно четко указана еще одна цель уголовного судопроизводства – открытие истины. Хотя автор прямо об этом и не пишет, но к такому выводу приводит его утверждение о том, что судебные доказательства являются средствами открытия истины. Поскольку средства всегда используются для достижения определенных целей, постольку открытие истины в контексте настоящей работы следует рассматривать как цель уголовного судопроизводства.

Точка зрения, согласно которой установление истины является целью уголовного судопроизводства, скорее всего, сформировалась под влиянием Наказа Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения (1767 г.), в котором помимо прочих были сформулированы следующие положения: «Вообще стараться должно об истреблении преступлений, а наипаче тех, кои более людям вреда наносят» (ст. 225) и «Где законы ясны и точны, там долг Судьи не состоит ни в чем ином, как вывести наружу действие» (ст. 178)⁴³. Поскольку эти положения были составной частью главы X, посвященной описанию обрядов криминального суда, а его деятельность рассматривалась как основное содержание уголовного судопроизводства, то следует признать, что целями уголовного судопроизводства (в современном понимании) считались борьба с преступностью и установление истины по уголовным делам.

Почти век спустя идея об установлении истины как цели уголовного судопроизводства, в самом общем виде сформулированная в Наказе 1767 года, нашла свое воплощение в Основных положениях уголовного судопроизводства Российской империи от 29 сентября 1862 года. В предисловии к Основным по-

⁴¹ Линовский В. Указ. работа. С. 75-76.

⁴² Дегай П.И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. – СПб., 1847. С. 1, 3.

⁴³ Цит. по работе: Систематическое изложение законов о производстве следствий по 1831 год, составленное Титулярным Советником и Кавалером Андрианом Неклюдовым. – М., 1833. С. 12.

ложениям было сформулировано следующее определение цели уголовного судопроизводства: «Достоинство как уголовного, так и гражданского судопроизводства определяются, во 1-х, целью, к которой должно быть направлено производство, и во 2-х, средствами, которые закон разрешает или предписывает употребить для достижения сей цели. Целью уголовного судопроизводства есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка. Посему, в уголовном судопроизводстве все действия, предшествующие решению дела, должны быть направлены к получению удостоверения в действительном совершении преступления обвиняемым и в степени его виновности»⁴⁴.

В отечественной теории уголовного процесса приведенная выше официальная точка зрения относительно цели уголовного судопроизводства нашла как сторонников, так и оппонентов.

В одном из первых исследований форм и обрядов уголовного судопроизводства по судебным уставам 1864 года А.А. Квачевский писал об установлении истины как цели предварительного и судебного следствия⁴⁵.

В.К. Случевский, рассматривая обнаружение материальной истины и применение к виновнику преступления уголовной кары как главную задачу уголовного процесса, решение которой возлагается на предварительное следствие, писал о том, что общим между предварительным и судебным следствием является то, что оба они стремятся обнаружить материальную истину и что они производятся носителями судебной власти при соблюдении форм и обрядов, установленных на этот предмет законом. Но в преследуемой же ими цели и в способах судебного их производства коренится и существенное различие, обо-собляющее их друг от друга. Достижение материальной истины составляет отличительную преследуемую ими цель, но цель только конечную; ближайшие же цели определяются у них различно. Судебное следствие стремится к окончательной проверке уголовных доказательств, в видах разрешения вопроса о виновности лица. Предварительное же следствие имеет значение лишь для подготовительной стадии процесса, и притом значение вполне служебное. Оно задается целью собрать материал для разрешения вопроса о предании суду и обеспечить для судебного следствия пользование такими уголовными доказательствами, которые иначе могли бы не дойти до рассмотрения его. Поэтому оно заботится об установке неодинаковой степени юридической достоверности выясняемых уголовных доказательств, сравнительно со следствием судебным. Для последнего нужно выяснить по делу такую степень достоверности, которая могла бы привести судей к убеждению виновности или невиновности преданного суду лица. Для предварительного следствия достаточно такой степени

⁴⁴ Цит. по: Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. - 2 изд., доп. Ч. 2. - СПб., 1867.

⁴⁵ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Ч. 1. - СПб., 1866. С. 10; Квачевский А. Указ. раб. Ч. 3. О предварительном следствии. Выпуск 1. - СПб., 1869. С. 3-4.

достоверности, на основании которой могло бы создаться достаточное подозрение против обвиняемого для предания его суду и которая при этом может быть недостаточной для осуждения его⁴⁶.

Об установлении истины как цели уголовного судопроизводства с различной степенью полноты и определенности писали также К.К. Арсеньев, А.Ф. Кистяковский, Д.Г. Тальберг, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий и др.⁴⁷

Иную позицию по вопросу целей уголовного судопроизводства занимали Н.Н. Розин, П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский и другие авторы.

В частности, Н.Н. Розин утверждал, что «чистый уголовный процесс, построенный на естественном и здоровом предположении невиновности подсудимого, пока его вина не доказана в судебном порядке, не может стремиться к достижению материальной истины: он имеет своей задачей признать основательность доказательств, представляемых обвинителем...» Рассматривая вопрос об общих чертах гражданского и уголовного процесса, Н.Н. Розин пришел к выводу о том, что «одинаковой юридической природе деятельности гражданского и уголовного суда соответствует и логическое единство этой деятельности, так как во всех случаях как гражданского, так и уголовного разбирательства суд, в главнейших стадиях своей работы, стремится к разрешению правового спора, к утверждению или отрицанию правового притязания, притязания истца в процессе гражданском, обвинителя – в процессе уголовном»⁴⁸.

Считая неточными определения цели уголовного судопроизводства как «разрешение правового спора» или «осуществление правомочия, вытекающего из совершения преступления», П.И. Люблинский утверждал, что «конечной целью процесса является не решение правового спора и не осуществление карательного права государства, а *постановление правосудного приговора*»⁴⁹.

В результате критического осмысления представлений о целях уголовного судопроизводства, сформировавшихся в отечественной и зарубежной теории уголовного процесса к началу XX века, Н.Н. Полянский пришел к выводу о том, что цель уголовного процесса заключается «в *установлении для конкретного случая существования (т.е. существует ли) права государства на наказа-*

⁴⁶ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913. С. 515, 516-517.

⁴⁷ Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. – СПб., 1871. С. 114; Кистяковский А.Ф. Нуждается ли общественная безопасность в других наказаниях, кроме определяемых по суду?: сборник государственных знаний / под ред. В.П. Безобразова. – СПб., 1877. Т. 4. С. 159; Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. – Киев, 1889. Т. 1. С. 6-7, 21; Тарновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей председательствующего по уголовным делам: пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. – Тула, 1901. С. 1, 2, 8-13, 15-17; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1912. Т. 1. С. 4; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. – М., 1915. С. 1 и др.

⁴⁸ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. – 3 изд., пересмотр. – Петроград, 1916. С. 13, 14.

⁴⁹ Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса / Журнал министерства юстиции. 1916 г. Февраль. – СПб., 1917. С. 137-138.

ние и эвентуально (т.е. если оно существует) тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению»⁵⁰.

Изменение государственного строя России, происшедшее после известных событий 1917 года, повлекло смещение акцента при определении целей уголовного судопроизводства.

Генезис представлений о целях уголовного судопроизводства в период с 1917 по 1923 годы К.Ф. Гуценко охарактеризовал так: «Не осталось «бесцельным» и «неозадаченным» уголовное судопроизводство, формировавшееся сразу же после событий 1917 г. Но словесное оформление новых целей (задач) стало существенно иным. Оно не могло испытать на себе влияние суперрадикальной фразеологии и популистских деклараций, соответствовавших идеологическим установкам пришедших к власти сил. В правовых актах той поры, в том числе по вопросам уголовного судопроизводства, принимавшихся в большой спешке, без достаточно глубокой проработки, в состоянии т.н. революционной эйфории, эти цели (задачи) четко не определялись. О них можно было судить лишь фрагментарно по модным в те времена и «вкрапленным» в разные правовые акты отсылкам к «пролетарскому правосознанию», «защите революционных завоеваний», «защите интересов трудящихся», «необходимости слома старорежимных судов» и т.д. Более или менее полное представление об **общесоциальных** целях (задачах) уголовного судопроизводства сложилось несколько позже. Например, в ст. 1 Положения о судоустройстве РСФСР 1922 г. отмечалось, что система судебных учреждений на территории РСФСР действует в целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечений интересов государства, прав трудящихся и их объединений. Что касается **непосредственных** целей (задач), то они фиксировались в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. в качестве конкретных положений (о необходимости установления истины, полноте, всесторонности и объективности разрешения каждого уголовного дела и т.п.), воспроизводивших в значительной мере сказанное в УУС»⁵¹.

Поскольку одной из основных функций государства после событий 1917 года считалось сохранение революционных завоеваний от посягательств как извне, так и внутри страны, постольку на уровень государственной политики была возведена борьба с имевшими место и предполагаемыми попытками свержения советской власти. Это нашло свое отражение в том, что в первые годы советской власти ее представители главными целями уголовного судопроизводства считали применение уголовной репрессии к антигосударственным элементам и борьбу с преступностью⁵².

Соответственно, и в теории уголовного процесса высказывались суждения о том, что целью уголовного процесса является: осуществление каратель-

⁵⁰ Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса. – Ярославль, 1919. С. 21.

⁵¹ Гуценко К.Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса / Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. – М., 2005. С. 13-14.

⁵² Луначарский А.В. Революция и суд // Правда. 1917. № 193; Стучка П.И. Правосудие нового строя // Известия ВЦИК. 1918. № 102 и др.

ного права государства посредством приведения в действие тех уголовных законов, которыми это право определяется⁵³; борьба с преступностью⁵⁴ и т.п.

Вместе с тем в теории уголовного процесса тех лет не была предана забвению идея об установлении истины как цели уголовного судопроизводства. Так, например, В.А. Рязановский в учебном пособии, которое было напечатано в «Трудах профессоров Иркутского университета» (1920 г.) и переиздано в г. Харбине (1924 г.), полемизируя с авторами, по мнению которых целью уголовного процесса является достижение материальной истины, а гражданский процесс ограничивается достижением истины формальной, писал: «И гражданский, и уголовный, и административный процесс одинаково имеют верховным постулатом истину, одинаково должны стремиться к достижению материальной истины. И если организация процесса (гражданского, уголовного или административного) в положительном праве того или другого государства лишает суд возможности установить материальную истину и ограничивает задачи суда достижением истины формальной – значит, в этом государстве неправильно организовано правосудие и процесс требует серьезной реформы, но это не значит, что так и должно быть, что какой-либо процесс по своему существу ограничивается установлением формальной истины»⁵⁵.

М.С. Строгович последовательно отстаивал точку зрения, согласно которой целью уголовного судопроизводства является обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и назначение справедливого наказания лицу, совершившему преступление⁵⁶.

Некоторые отступления от занимаемой позиции М.С. Строгович допустил в учебнике 1938 года, где он писал, в частности: «...задачи уголовного процесса заключаются в защите от всяких преступлений общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, прав и интересов граждан СССР, прав интересов государственных и общественных учреждений и организаций. Тем самым советский уголовный процесс представляет собой метод борьбы с изменниками родины, вредителями, расхитителями социалистической собст-

⁵³ Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. – М., 1927. С. 51. Вместе с тем следует отметить, что впоследствии Н.Н. Полянский утверждал, что уголовный процесс «это – средство для наказания преступника, но вместе с тем он – защита от ошибочного наказания того, кто не совершил преступления, или от наказания несправедливого, свыше меры содеянного». См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М., 1956. С. 52.

⁵⁴ Тагер А.С. О предмете и пределах науки об уголовном суде / Право и жизнь. 1924. Кн. 1. С. 53-55; Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Вып. 1. – Харьков, 1928. С. 6 и др.

⁵⁵ Рязановский В.А. Единство процесса: учебное пособие. – М., 2005. С. 34-35 (напечатана по изданию 1924 года. – С. III).

⁵⁶ Строгович М.С. 1) Принципы советского уголовного процесса // Советское право. 1927. № 1. С. 96-97; 2) Уголовный процесс. – М., 1934. С. 15; 3) Учение о материальной истине в уголовном процессе. – М.-Л., 1947; 4) Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С. 23.

венности и другими врагами народа, с грабителями, ворами, хулиганами и иными преступниками»⁵⁷.

Отсутствие здесь упоминания об истине как цели уголовного судопроизводства вполне объяснимо, если вспомнить, что в это время в сфере уголовного судопроизводства доминировала установка: «признание обвиняемого – царица доказательств». В такой обстановке прямое указание на истину как цель уголовного процесса было неуместным. Тем не менее и в этой работе М.С. Строгович хотя и завуалировано, но отстаивает идею об истине как цели уголовного процесса. К такому выводу приводит продолжение приведенного выше суждения М.С. Строговича: «Вместе с тем уголовный процесс организует такое проведение следствия и судебного разбирательства уголовных дел, которое обеспечивает осуждение и наказание лиц, действительно совершивших преступления, и в соответствии с их виной, гарантируя тем самым граждан от неосновательного привлечения, неосновательного стеснения их прав, неправильного, несправедливого приговора»⁵⁸.

Сформировавшиеся во второй половине XIX – первой половине XX века представления о цели (целях) уголовного судопроизводства, несмотря на различия по содержанию, имели общее свойство: они базировались главным образом на субъективном представлении авторов о том, какие цели должны быть достигнуты в этой сфере юридической деятельности. В теории уголовного процесса такой подход к определению понятия цели уголовного судопроизводства оставался практически неизменным до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года (далее – Основы уголовного судопроизводства)⁵⁹ и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 года (далее – УПК РСФСР)⁶⁰.

Интерес к уголовно-процессуальному законодательству как источнику информации о цели (целях) уголовного судопроизводства в теории уголовного процесса возник в связи с тем, что в названных выше законодательных актах помимо прочих были закреплены следующие положения:

«Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития» (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, ст. 2 УПК РСФСР).

⁵⁷ Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. – М., 1938. С. 50-51.

⁵⁸ Там же. С. 50-51.

⁵⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

⁶⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Законодательное определение задач уголовного судопроизводства послужило импульсом для теоретических исследований, направленных на определение цели (целей) уголовного судопроизводства, в основу которых был положен анализ содержания ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР). При этом в теории уголовного процесса сформировалось два основных подхода к решению вопроса о цели (целях) уголовного судопроизводства.

Основой формирования одного из них, получившего в теории уголовного процесса достаточно широкое распространение, послужило утверждение Н.Н. Полянского о том, что достижение цели уголовного процесса в конкретном деле – путь к осуществлению задач правосудия. При этом Н.Н. Полянский отождествлял задачи уголовного судопроизводства и задачи правосудия, а целью уголовного процесса считал то, на что направлена деятельность суда в каждом конкретном уголовном процессе, и что достигается в последней его стадии⁶¹.

После реформы уголовно-процессуального законодательства 1958-1960 гг. одним из первых к вопросу о разграничении целей и задач уголовного судопроизводства, насколько нам известно, обратился В.Т. Томин. В одной из ранних своих работ В.Т. Томин следующим образом разграничил цель и задачи уголовного процесса: «Цель уголовного процесса представляет собой цель производства по конкретному уголовному делу, а задачи процесса – задачи, решаемые уголовным судопроизводством как отраслью (систематически функционирующей отраслью) государственной деятельности. Достижение цели уголовного процесса по подавляющему большинству дел обеспечит выполнение задач уголовного судопроизводства, которые сформулированы в ч. 2 ст. 2 Основ уголовного судопроизводства и в ч. 1 ст. 1 Основ уголовного законодательства»⁶². При этом целью уголовного процесса В.Т. Томин считает изобличение лиц, виновных в совершении преступлений, применение к ним справедливого наказания или иных мер государственного или государственно-общественного воздействия, обеспечивающих в конкретном случае достижение целей уголовного наказания без назначения наказания, а также внесение изменений в качественную и количественную характеристики наказаний в случаях, когда такие изменения будут способствовать достижению целей наказания⁶³.

⁶¹ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М., 1956. С. 52.

⁶² «Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств» (ч. 1 ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

⁶³ Томин В.Т. Понятие цели советского уголовного процесса // Правоведение. 1969. № 4. С. 70. Впоследствии В.Т. Томин пришел к выводу о том, что цели уголовного процесса установлены в ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР (тем самым перечень целей, указанных в приведенной выше работе, дополнен такой целью, как раскрытие преступлений), а его задачи установлены в ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР (тем самым из числа задач исключены задачи, закрепленные в ч. 1 ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В.И. Радченко, под ред. В.Т. Томина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. С. 16.

Л.Д. Кокорев, считая необоснованным проведенное В.Т. Томиным разграничение целей и задач, писал о том, что «решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, обуславливает достижение его целей»⁶⁴. При этом Л.Д. Кокорев утверждал, что целями уголовного судопроизводства являются: установление истины (цель доказывания); реализация норм уголовного права (особая цель); цели правосудия, предусмотренные ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик (конкретная цель). Достижение указанных целей, по мнению автора, обеспечивает решение задач, изложенных в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства⁶⁵.

По мнению В.И. Власова, признаком, на основе которого можно провести разграничение запланированных законодателем целей и задач, служит временная возможность их абсолютного достижения, реализации⁶⁶. Экстраполируя этот признак на уголовное судопроизводство, автор приходит к выводу о том, что в ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР закреплены задачи, а в части второй этой же статьи – цели уголовного судопроизводства. При этом решение задач уголовного судопроизводства предопределяет достижение его целей⁶⁷.

Вместе с тем А.М. Ларин был против попыток свести цели уголовного судопроизводства как сложной системы к какой-то единственной цели. Разделяя точку зрения А.Г. Мамиконова (специалиста в области теории деятельности и принятия решений) о том, что «в сложных системах достаточно высокого уровня не удастся однозначно определить цель в виде одномерной функции», и поэтому «возникают некоторые частные цели, совокупность которых может рассматриваться как некоторая общая цель системы»⁶⁸, и рассматривая через призму приведенных суждений сформулированное М.С. Строговичем определение цели⁶⁹, А.М. Ларин пришел к выводу о том, что «в этом определении цель представлена пятью компонентами: а) обнаружение истины по делу; б) установление виновности лица, совершившего преступление; в) справедливое наказание этого лица; г) реабилитация невиновного; д) воспитательное воздействие на граждан»⁷⁰.

Однако впоследствии А.М. Ларин, возвратившись к вопросу о целях уголовного судопроизводства, писал: «Конечные цели отдельных компонентов процессуальной деятельности выражены в предписаниях закона, определяющих предмет итоговых решений по уголовному делу (ст.ст. 43, 56, 57 Основ, ст.ст. 208, 209, 259, 301, 303, 309-310, 313-317, 321 УПК РСФСР). Анализ этих предписаний позволяет выделить следующие частные цели, в своей совокупности образующие общую цель уголовного судопроизводства: установление объ-

⁶⁴ Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. – Воронеж, 1971. С. 69.

⁶⁵ Там же. С. 71-72.

⁶⁶ Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. – Саратов, 1988. С. 27.

⁶⁷ Там же. С. 27-28, 31.

⁶⁸ Мамиконов А.Г. Управление и информация. – М.: Наука, 1975. С. 21.

⁶⁹ Строгович М.С. 1) Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С. 24; 2) Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. Т. 1. С. 41.

⁷⁰ Ларин А.М. Эффективность применения уголовно-процессуального закона / Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М., 1979. С. 226.

ективной истины; изобличение виновных и определение меры их ответственности; ограждение виновных от чрезмерно сурового наказания и реабилитацию невиновных; компенсацию за вред, причиненный преступлением; освобождение от взысканий по неосновательному иску в уголовном процессе; устранение обстоятельств, способствующих преступлениям; обеспечение порядка производства по уголовному делу, установленного законом»⁷¹.

Если предположить, что А.М. Ларин уточнил свою позицию и считает целями уголовного процесса те, которые названы в последней работе, то задачи, судя по всему, остаются прежними. В этой связи возникает вопрос, по каким признакам изобличение виновных в первой работе автор рассматривает как задачу, а во второй – как цель уголовного процесса?

По мнению В.Г. Дрёмова, П.А. Лупинской, Л.Д. Самыгина и других авторов, целью уголовного судопроизводства является установление истины, достижение которой обеспечивается решением задач, закрепленных в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР)⁷².

В теории уголовного процесса относительно разграничения целей и задач уголовного судопроизводства были высказаны суждения, в которых задачи отождествлялись со средствами достижения целей. В частности, А.С. Кобликов, не усматривая достаточных оснований для противопоставления понятий цели и задачи, в то же время утверждал: «Цель – то, к чему стремятся, чего хотят достигнуть, а задача – это то, что надо сделать для достижения цели». Соответственно, целью уголовного процесса А.С. Кобликов считал защиту личности и общества от преступных посягательств путем справедливого правосудия, а задачами – раскрытие преступлений, изобличение виновных, привлечение их к справедливой ответственности, восстановление нарушенных преступлением прав⁷³.

В основу второго подхода к решению вопроса о цели (целях) уголовного судопроизводства был положен тезис, согласно которому между понятиями «цель» и «задача» нет принципиальных различий.

Наиболее отчетливо сущность второго подхода была сформулирована в монографии П.С. Элькинд «Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве». В этой работе П.С. Элькинд подвергла критике предпринятые попытки разграничения целей и задач уголовного процесса⁷⁴, поскольку предлагаемые ими критерии разграничения категорий «цели» и «задачи», по её мнению, противоречат «общепризнанному в философии положению

⁷¹ Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. С. 11-12.

⁷² Лупинская П.А. Общие положения теории доказательств / Советский уголовный процесс: учебник / под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. – М., 1980. С. 124-125, 126; Дремов В.Г. Понятие целей и средств уголовно-процессуальной деятельности / Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судостроительстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре. – М., 1981. С. 5-8; Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М., 1989. С. 32 и др.

⁷³ Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник для вузов. – М., 1999; URL: <http://www.ufa.muh.ru/scanbook/0431/0431.1.htm>.

⁷⁴ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976. С. 37.

о том, что цели (в смысле задач) могут быть ближайшими и перспективными, общими и конкретными и др.»⁷⁵ Исходя из этого положения, П.С. Элькинд пришла к выводу о том, что весь механизм целей уголовного процесса можно уяснить при помощи следующей их классификации: 1) цели перспективные и ближайшие; 2) цели общие для уголовного судопроизводства в целом и конкретные, характерные для каждой отдельной стадии уголовного процесса; 3) цели, выражающие направленность всей уголовно-процессуальной деятельности, и цели функциональные; 4) цели официальные и неофициальные⁷⁶.

Попытки классифицировать цели уголовного судопроизводства, основанные на признании тождества понятий «цель» и «задача», хотя и с некоторыми оговорками, предпринимали и другие авторы.

В частности, А.Д. Бойков, исходя из тезиса о том, что «и цель и задача – это то, к чему надо стремиться, то, что требует разрешения, осуществления», предложил классифицировать цели (задачи) уголовного судопроизводства применительно к этапам процессуальной деятельности на непосредственные, промежуточные, конечные и перспективные. Помимо перечисленных задач (целей) А.Д. Бойков обособил общую цель процессуальной деятельности – обеспечение и защиту социалистического правопорядка⁷⁷.

К.Ф. Гуценко, не разграничивая цели и задачи уголовного процесса, пришел к выводу о том, что в ст. 2 УПК РСФСР законодатель сгруппировал два блока задач (целей): блок непосредственных задач, которые должны выполняться в ходе производства по конкретным делам (ч. 1), и блок общесоциальных задач (ч. 2)⁷⁸.

Б.Т. Безлепкин в связи с рассмотрением задач уголовного процесса сформулировал тезис, согласно которому «задача – это ближайшая цель, а цель – это задача на перспективу», и предложил следующую классификацию целей (задач): ближайшая цель (задача) уголовного процесса; более отдаленные цели (задачи) уголовного процесса; перспективная цель всего уголовного судопроизводства⁷⁹.

Анализ предложенных классификаций целей уголовного судопроизводства приводит к выводу о том, что в них больше различий, чем совпадений.

Прежде всего, обращает на себя внимание несовпадение оснований классификации, неодинаковая группировка и разное количество целей уголовного судопроизводства. В результате оказывается, что по названию совпадают лишь три группы целей (задач) – ближайшие, непосредственные и перспективные, которые при этом не совпадают по содержанию.

⁷⁵ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976. С. 38.

⁷⁶ Там же. С. 39.

⁷⁷ Бойков А.Д. Правосудие и уголовный процесс / Курс советского уголовного процесса. Общая часть. – М., 1989. С. 43-44.

⁷⁸ Гуценко К.Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса / Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. – М., 1997. С. 14.

⁷⁹ Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии: курс лекций. – М., 1998. С. 14.

Так, например, *ближайшие* цели уголовного процесса по классификации, предложенной П.С. Элькинд, – это все закрепленные в ч. 1 ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР) задачи уголовного судопроизводства⁸⁰, а по классификации Б.Т. Безлепкина – лишь быстрое и полное раскрытие преступления и правильное применение уголовного закона, устанавливающего ответственность за данное преступление. Достижение указанных целей (задач), по мнению Б.Т. Безлепкина, «обеспечивает продвижение к другим, более отдаленным», т.е. «позволяет подвергнуть справедливому наказанию каждого совершившего преступление и не допустить привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновного»⁸¹.

Таким образом, в предложенную Б.Т. Безлепкиным классификацию не включена такая цель (задача), как «изобличение виновных».

Непосредственными целями (задачами) уголовного процесса по классификации, предложенной К.Ф. Гуценко, считаются: быстрое и полное раскрытие преступления; изобличение виновных; правильное применение закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден»⁸². По классификации А.Д. Бойкова, непосредственные цели – это «задачи отдельного процессуального действия, состоящие, как правило, в получении и проверке доказательственной информации или в обеспечении возможности ее получения и проверки»⁸³.

Перспективными целями (задачами) уголовного судопроизводства (процесса) в приведенных выше классификациях считаются: искоренение преступности⁸⁴; достижение воспитательно-предупредительного эффекта уголовного судопроизводства, влияние его на формирование социалистического правового и нравственного сознания⁸⁵; способствование укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан⁸⁶.

Диапазон приведенных выше суждений о целях уголовного судопроизводства дает основание сделать вывод о том, что предпринятые в теории уголовного процесса попытки определить цели уголовного судопроизводства исходя из содержания ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР) не дали ожидаемого результата. Спектр предложенных целей уголовного судопроизводства настолько широк и внутренне противоречив, что выделить из него какие-либо цели уголовного судопроизводства, которые послужили бы критерием для определения понятия целей следственной деятельности, невозможно.

⁸⁰ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 39-40.

⁸¹ Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии (курс лекций). С. 14.

⁸² Гуценко К.Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса. С. 14-15.

⁸³ Бойков А.Д. Правосудие и уголовный процесс. С. 43.

⁸⁴ Элькинд П.С. Указ. раб. С. 39-40.

⁸⁵ Бойков А.Д. Указ. раб. С. 43.

⁸⁶ Безлепкин Б.Т. Указ. раб. С. 14.

§ 3. Современные представления о целях российского уголовного судопроизводства

В теории уголовного процесса интерес к вопросу о целях уголовного судопроизводства заметно снизился в последнее десятилетие действия УПК РСФСР 1960 года. На наш взгляд, это было обусловлено двумя основными факторами.

Во-первых, попытки определить цели уголовного судопроизводства путем анализа ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР), как уже отмечалось, не дали ожидаемого эффекта. Исходя из содержания названных статей, в теории уголовного процесса было высказано столько несовпадающих между собой суждений о цели (целях) уголовного судопроизводства, что привести их к «общему знаменателю» крайне затруднительно, а, скорее всего, невозможно.

Во-вторых, Верховный Совет РСФСР 24 октября 1991 г. одобрил Концепцию судебной реформы в Российской Федерации, в которой были намечены магистральные направления очередной реформы российского законодательства, в том числе и уголовно-процессуального. В этом документе положение, согласно которому «целью системы уголовной юстиции является борьба с преступностью», было объявлено вульгарной идеей, а целью уголовной юстиции провозглашена защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, а также защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции⁸⁷. Такое определение цели уголовной юстиции, естественно, потребовало корректировки сформировавшихся в теории уголовного процесса представлений о целях уголовного судопроизводства.

Намеченное в Концепции изменение приоритетов в деятельности органов уголовной юстиции, как известно, нашло законодательное закрепление в ч. 1 ст. 6 УПК РФ, согласно которой «уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Появление в УПК РФ приведенной формулировки и отсутствие в нем статьи, аналогичной по содержанию ст. 2 УПК РСФСР, послужили импульсом к продолжению поисков ответа на вопрос о цели (целях) уголовного судопроизводства. Однако при этом вышеназванные новации уголовно-процессуального законодательства неоднозначно воспринимаются в юридической науке, что нашло свое отражение в подходах к решению данного вопроса, сформировавшихся в современной теории уголовного процесса, и, соответственно, в суждениях о цели (целях) уголовного судопроизводства по действующему УПК РФ.

Изучение работ, изданных после 2002 г., приводит к выводу о том, что в современной теории уголовного процесса сформировались следующие подходы к решению вопроса о цели (целях) уголовного судопроизводства.

⁸⁷ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. С. 19.

А. Формулируется тезис о том, что цели уголовного судопроизводства в УПК РФ не определены и, соответственно, формулируются предложения по внесению в УПК РФ необходимых изменений и дополнений.

Так, например, И.И. Иванов предлагает заголовок ст. 6 УПК РФ переименовать в «Цель и задачи уголовного судопроизводства» и указать в части первой этой статьи, что «целью уголовного судопроизводства является установление объективной истины о совершенном преступлении»⁸⁸.

По мнению А.С. Барабаша, УПК РФ следует дополнить самостоятельной статьей 6¹ «Цели уголовно-процессуальной деятельности» и в части первой данной статьи закрепить положение, согласно которому в ходе осуществления деятельности по расследованию и рассмотрению уголовных дел должны быть установлены следующие обстоятельства: 1) наличие или отсутствие события, преступный характер которого предполагается, а если установлено событие – время, место, способ и последствия его совершения; 2) лицо, совершившее деяние; 3) виновность или невиновность лица в его совершении; при установлении виновности – форма вины и мотивы; 4) обстоятельства, способствовавшие совершению деяния; 5) обстоятельства, влияющие на определение степени общественной опасности, указанные в ст.ст. 61 и 63 УК РФ; 6) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого⁸⁹.

В связи с этим возникает вопрос о целесообразности дублирования в предлагаемой статье УПК РФ предписаний, которые уже содержатся в ст. 73 этого же Кодекса?

Рассматривая вопрос о цели и назначении уголовного процесса, А.Р. Белкин пишет о том, что новый УПК РФ не только не определил цели уголовного процесса, но вообще исключил и упоминание о его задачах, а вместо этого появилась туманная и имеющая предельно общий характер ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства». Отметив тот факт, что назначение и цель – весьма разные категории и что в отличие от цели назначение оказывается понятием совершенно не конкретным, не вовлеченным в системный подход к проблеме, А.Р. Белкин приходит к следующему выводу: сформулированные в предельно общем виде в УПК РФ пункты части первой статьи 6 не могут служить целями вообще и тем более целями именно уголовного процесса, а содержание части второй этой же статьи уместнее было бы сформулировать как один из принципов уголовного судопроизводства⁹⁰.

Рассматривая далее вопрос о цели уголовного процесса, А.Р. Белкин предложил ее общую формулировку как *справедливое разрешение уголовно-процессуальных отношений*⁹¹.

⁸⁸ Иванов И.И. Оптимизация профилактической функции уголовного судопроизводства // Правоведение. 2002. № 4. С. 73.

⁸⁹ Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – СПб., 2005. С. 131.

⁹⁰ Белкин А.Р. Уголовный процесс как бесцельное времяпрепровождение? / Воронежские криминалистические чтения: сборник научных трудов / под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 2007. Вып. 8. С. 65-66.

⁹¹ Там же. С. 69.

Б. Вербальной формой законодательного определения цели (целей) уголовного судопроизводства признается содержание ст. 6 УПК РФ.

В одном из первых комментариев ст. 6 УПК РФ А.П. Гуляев высказал суждение о том, что в этой статье в принцип уголовного судопроизводства возведено назначение самой уголовно-процессуальной деятельности, т.е. ее задачи и цели. При этом А.П. Гуляев различает *главную цель* судопроизводства – защиту прав и законных интересов участников общественных отношений, пострадавших от преступлений, и *попутную цель*, хотя и весьма важную, – защиту в ходе уголовного судопроизводства личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод⁹².

Аналогичную позицию по данному вопросу занимают Г.П. Химичева и О.В. Химичева, однако при этом утверждают, что установленные в ч. 1 ст. 6 УПК РФ цели уголовного судопроизводства конкретизируются в части второй этой же статьи⁹³.

Комментируя ст. 6 УПК РФ, Т.Н. Москалькова утверждает, что «термин «назначение» включает в себя совокупность целей и задач, которые стоят перед уголовным процессом»⁹⁴. Вместе с тем неясно, что автор считает целями уголовного судопроизводства, поскольку далее речь идет только о задачах уголовного процесса: «главной задачей УПК РФ названа защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и обвиняемых в совершении преступлений»; «в настоящем УПК РФ более рельефно, чем прежде, определена *двудеиная задача* уголовного судопроизводства»; «задачей уголовного процесса является также *профилактика правонарушений*»⁹⁵.

Не вносит ясности в этот вопрос и дополнение приведенного комментария утверждением о том, что «при формулировании целей судопроизводства на первое место поставлена защита прав личности потерпевшего и обвиняемого»⁹⁶, поскольку в таком случае защита прав потерпевшего обвиняемого является одновременно и главной задачей и целью уголовного судопроизводства.

Другие сторонники данного подхода к определению целей уголовного судопроизводства считают, что в ст. 6 УПК РФ установлены непосредственные (правозащитные) цели уголовного судопроизводства, и поэтому кроме этих целей различают: *конечную цель* уголовно-процессуальной деятельности (постановление законного и обоснованного приговора)⁹⁷; *общесоциальные цели* (охрана прав и свобод человека и гражданина в широком смысле этих слов, а рав-

⁹² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М., 2002. С. 42.

⁹³ Химичева Г.П., Химичева О.В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. 2002. № 10. С. 36.

⁹⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2002. С. 23.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Н. Башкатов, Б.Е. Безлепкин [и др.]; отв. ред. И.Л. Петрухин. – 6-е изд. перераб. и доп. – М., 2008. С. 24.

⁹⁷ Малахова Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность (Общие положения): дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2002. С. 80-91.

но других многоплановых интересов общества и государства)⁹⁸; **перспективные цели** (укрепление законности, предупреждение преступлений и правонарушений; охрана прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций; воспитание граждан в духе соблюдения Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации, уважения к обществу)⁹⁹; **цель восстановления общественного мира**, которая находит свое отражение в примирительной деятельности мирового судьи, суда, прокурора, следователя, дознавателя¹⁰⁰ и др.

Особую позицию по вопросу закрепления целей уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ занимает Л.М. Володина.

Рассматривая вопрос о назначении уголовного судопроизводства, Л.М. Володина пишет о том, что «часть первая ст. 6 УПК РФ как будто вполне определенно и достаточно четко говорит о необходимости защиты прав и законных интересов потерпевших от преступления»¹⁰¹. Далее, в результате критического осмысления содержания ч. 2 ст. 6 УПК РФ, Л.М. Володина утверждает: «В силу того, что общество заинтересовано в стабильности и правопорядке, оно требует от государства осуществления уголовного преследования преступника и его наказания в соответствии с законом. Без обнаружения преступника, его изобличения едва ли может быть достигнута *основная цель уголовного процесса – восстановление нарушенных прав потерпевшего* (выделено мною. – С.Ш.)». Приведенное суждение можно было бы считать авторским определением основной цели уголовного судопроизводства, если бы не последовавшее за ним утверждение Л.М. Володиной о том, что «уголовное преследование и наказание виновного в совершении преступления могут рассматриваться и как разновидности средств достижения *основной цели – защиты прав потерпевшего, защиты общества* (выделено мною. – С.Ш.)»¹⁰².

Возникшая неопределенность относительно понятия цели уголовного судопроизводства усугубляется следующими суждениями Л.М. Володиной: «признав целью уголовного процесса *защиту прав и законных интересов личности и общества в той сфере отношений, которые регламентируются нормами уголовно-процессуального права* (выделено мною. – С.Ш.), следует определить задачи уголовного процесса»; «назначением уголовно-процессуального законодательства является обеспечение достижения цели уголовного процесса – *защиты прав и свобод личности, общества и государства* (выделено мною. – С.Ш.)»; «цель правосудия – *защитить личность, общество от последствий преступного деяния* (выделено мною. – С.Ш.)»; «...общая цель уголовного процесса, направленная на *защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, законных интересов общества и государства* (выделено мною. –

⁹⁸ Гуценко К.Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса. С. 14-16.

⁹⁹ Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. – М., 2005. С. 24-26.

¹⁰⁰ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. - 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. С. 20.

¹⁰¹ Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика: монография. – М., 2006. С. 16.

¹⁰² Там же. С. 17.

С.Ш.) может быть достигнута...»¹⁰³; «целью уголовного процесса должна быть защита прав потерпевшего, защита интересов общества и государства от преступления, его последствий»¹⁰⁴.

Н.В. Азарёнок и А.А. Давлетов признают, что, используя в ч. 1 ст. 6 УПК РФ термин «защита», законодатель фактически указывает на цель уголовного судопроизводства, однако сама формулировка далека от совершенства, поскольку объектами защиты от преступлений названы лица и организации, тогда как к ним в первую очередь необходимо отнести общество, государство в целом¹⁰⁵. Тем самым авторы, по сути дела, обосновывают высказанное в этой же работе суждение о том, что, концентрируя цель уголовного судопроизводства до ее возможного нормативного закрепления, можно предложить такую формулировку: «Целью уголовно-процессуальной деятельности является защита человека и общества от преступления»¹⁰⁶.

Авторы учебного пособия «Актуальные проблемы уголовно-процессуального права» пишут: «В УПК РФ впервые введен термин *«назначение уголовного судопроизводства»*, с которым связано изменение концепции целей уголовного судопроизводства».

В ранее действовавшем УПК РСФСР предусматривались «задачи уголовного судопроизводства», к которым относились быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечён к уголовной ответственности и осуждён (ст. 2). В период действия УПК РСФСР преимущественное значение придавалось защите государства и общества и предполагалось, что следствием такой защиты является защищённость личности. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство непосредственно ставило задачи борьбы с преступностью путём быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных. УПК РФ 2001 г. устранены прежние задачи по борьбе с преступностью и её искоренением, которые порождали стремления сотрудников правоохранительных органов достичь их любыми путями и средствами, что нередко приводило к необоснованным и незаконным ограничениям прав и свобод личности.

Семантически «назначение» определяется как «область, сфера применения кого-чего-нибудь; цель, предназначение»¹⁰⁷, целесообразное применение, цель¹⁰⁸.

¹⁰³ Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика: монография. – М., 2006. С. 24, 28, 35, 58.

¹⁰⁴ Володина Л.М. Уголовно-процессуальный закон и некоторые проблемы противодействия расследованию преступлений / Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сборник научных трудов. – М., 2007. С. 117.

¹⁰⁵ Азарёнок Н.В., Давлетов А.А. Программа уголовного судопроизводства: цель, задачи и условия деятельности // Правоведение. 2007. № 2. С. 128.

¹⁰⁶ Там же. С. 126.

¹⁰⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., 1999. С. 382.

¹⁰⁸ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2013. С. 328.

Следовательно, назначение уголовного судопроизводства – это его цель, к достижению которой направлена деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство»¹⁰⁹.

Справедливости ради следует отметить, что такой подход к определению целей уголовного судопроизводства не является общепризнанным.

Высказывается мнение о том, что основная задача любого уголовного судопроизводства – это раскрытие преступлений и изобличение виновных в их совершении, а также установление истины по делу, выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступления¹¹⁰.

Есть мнение о том, что попытка сконцентрировать задачи уголовного судопроизводства исключительно на защите прав и законных интересов личности малопродуктивна, поскольку за её рамками остаются иные государственные задачи; уголовное судопроизводство не может выполнить свои задачи, не учитывая задач уголовного права¹¹¹.

В этой связи представляет интерес суждение И.А. Пикалова о том, что «в соответствии с *назначением уголовного судопроизводства*, которое отражено в ст. 6 УПК РФ, уголовно-процессуальное право преследует цель защиты прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступления», и потому «начиная уголовно-процессуальную деятельность по уголовному делу, дознаватель и следователь обеспечивают раскрытие преступлений, устанавливают лиц, виновных в совершении этих преступлений, путём производства следственных действий, перечень которых содержится в разделе 8 УПК РФ, доказывают их виновность, после чего направляют уголовное дело с обвинительным заключением либо обвинительным актом, утверждённым прокурором, в суд, который, в свою очередь, также выполняя функцию охраны законных прав и интересов граждан, рассматривает его по существу и выносит решение в виде приговора, определения либо постановления»¹¹².

Кроме того, как справедливо утверждает автор, должностные лица, уполномоченные на осуществление уголовного судопроизводства, обязаны принимать меры для исключения возможности привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных лиц. В конечном итоге И.А. Пикалов приходит

¹⁰⁹ Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. – М., 2014. С. 10-11.

¹¹⁰ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006. С. 24; Хурамшина З.С., Зинатуллин Т.З. Вопросы, требующие своего разрешения в уголовно-процессуальном законодательстве / Науч. тр. РАЮН. Вып. 9. – М., 2009. Т. 3. С. 1090-1091; Проценко В.П. Национальные проекты развития России и основы уголовно-процессуального права / Науч. тр. РАЮН. Вып. 7. – М., 2007. Т. 2. С. 680 и др.

¹¹¹ Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2002. С. 9; Божьев В.П. Влияние Уголовного кодекса Российской Федерации на формирование норм и институтов уголовно-процессуального права / Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: материалы межведомственного «круглого стола» / под ред. О.А. Галустяна, О.И. Цоколовой. – М., 2003. С. 35.

¹¹² Пикалов И.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. С. 4-5.

к выводу о том, что изобличить и наказать *виновного* и не допустить уголовное преследование и наказание *невиновного* – это цель уголовного судопроизводства и на её достижение направлена уголовно-процессуальная деятельность¹¹³.

Далее И.А. Пикалов пишет: «Говоря о задачах уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что непосредственно УПК РФ нормативно их не закрепляет. Однако, учитывая неразрывную связь уголовного и уголовно-процессуального права, можно сделать вывод, что задачи материального и формального права должны иметь единую направленность, то есть общие положения уголовно-процессуальной деятельности закреплены в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Это охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Указанные положения полностью соответствуют содержанию ст. 8 Конституции РФ, а также согласуются с положениями ст. 6 УПК РФ»¹¹⁴.

Как пишет В.Т. Томин, «хотя ... в составе назначения уголовного судопроизводства прямо не названа охрана государства, общества (в том числе, подчеркнём, гражданского общества), она тоже является назначением отечественного уголовного судопроизводства». Основанием для такого вывода, как полагает автор, наряду с толкованием п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ является содержание ст. 2 УК РФ¹¹⁵.

В.И. Качалов считает, что «современный уголовный процесс выдвигает две группы целей». Первая группа целей, по мнению автора, закреплена в ч. 1 ст. 6 УПК РФ. «Вторая группа целей уголовного процесса по своей сущности, имея публично-правовой характер, преследует публичную цель¹¹⁶ (странно как-то: группа целей преследует цель! – С.Ш.), которая предусматривает уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, а также отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ)¹¹⁷.

А.В. Смирнов также считает термины «цель» и «назначение» синонимами и, соответственно, утверждает, что цель уголовного судопроизводства закреплена в п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ¹¹⁸. Вместе с тем автор обращает внимание на то, что «в ст. 6 УПК РФ говорится о защите прав и интересов лишь физических

¹¹³ Пикалов И.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. С. 5.

¹¹⁴ Там же. С. 5-6.

¹¹⁵ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. В.Т. Томина, М.П. Полякова. - 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2012. С. 39.

¹¹⁶ Уголовно-процессуальное право РФ: учебник для вузов / под ред. И.А. Петрухина. - 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. С. 6.

¹¹⁷ Уголовно-процессуальное право: учебник для магистров / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М., 2012. С. 29-30.

¹¹⁸ Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. - 5-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 31-32.

и юридических лиц (организаций), однако уголовное судопроизводство – отрасль публичного права, и большинство уголовных дел являются делами не частного, а публичного обвинения (ч. 5 ст. 20 УПК РФ). В ходе уголовно-процессуальной деятельности могут серьёзно ограничиваться некоторые права и свободы граждан, а также права юридических лиц. На цели подобной деятельности прямо указывает ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Поэтому содержание ч. 1 ст. 6 УПК РФ следует толковать расширительно, а в уголовном процессе должна осуществляться защита не только частных интересов отдельных физических и юридических лиц, но и публичных интересов, а именно: *основ конституционного строя, нравственности, обороны страны и безопасности государства*.

Согласно ч. 2 ст. 6 УПК РФ уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, а также отказ от уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности и реабилитация не являются целями уголовного судопроизводства как такового. Они лишь отвечают общей правозащитной цели судопроизводства, т.е. соответствуют ей, работают на неё, являясь особенными целями стороны обвинения, стороны защиты либо суда. Так, целью стороны обвинения (уголовного преследования) является установление события преступления, изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Цель стороны защиты состоит в доказывании невиновности подозреваемого или обвиняемого и необходимости его реабилитации либо освобождения от уголовной ответственности и наказания либо применения к подзащитному минимальной меры наказания. Цель суда – назначение виновным справедливого наказания либо реабилитация невиновных в случаях, предусмотренных законом, освобождение обвиняемых от ответственности и наказания, а также защита конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Соединённые воедино в рамках процесса, эти цели обеспечивают достижение названных выше общих правозащитных целей уголовного судопроизводства.

Кроме правозащитной цели уголовного судопроизводства можно, на наш взгляд, говорить также и о такой его цели, как *восстановление общественного мира*. Она находит отражение в правопримирительной деятельности мирового судьи, суда, прокурора, следователя, дознавателя. Примирение сторон влечёт прекращение уголовного дела или уголовного преследования (ч. 2 ст. 20, ст. 25, ч. 5-6 ст. 319 УПК РФ).

Цели в уголовном судопроизводстве следует отличать от выполняемых задач. Если цель – это предмет стремления, то, что надо желательно осуществить, то задача – это то, что требует безусловного исполнения, разрешения¹¹⁹. Если цель уголовного судопроизводства, как говорилось выше, состоит в защи-

¹¹⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. работа. С. 193, 861.

те прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно лиц, незаконно и необоснованно обвинённых или осуждённых за совершение преступления либо незаконно ограниченных в их правах и свободах, то задача уголовного судопроизводства – это разрешение конкретных уголовных дел. В свою очередь, уголовное дело в широком смысле слова – это жизненный случай, требующий разрешения вопроса о необходимости применения к нему в процессуальных формах норм материального уголовного права. Таким образом, *задачу уголовного судопроизводства* следует понимать как выяснение и разрешение в процессуальных формах вопроса о необходимости и возможности применения норм материального права к конкретному жизненному случаю¹²⁰.

В. Содержание ст. 6 УПК РФ признается вербальной формой определения целей уголовного судопроизводства, однако в последующем формулируются выводы о целях уголовного судопроизводства, которые не имеют ничего общего с формулировками, закрепленными в этой статье.

Так, например, И.Б. Михайловская утверждает, что ст. 6 УПК РФ «достаточно радикально изменила содержательную формулировку *социальных целей уголовного судопроизводства* (выделено мною. – С.Ш.), обозначив их как его «назначение», и в то же время «сохранила паритет двух целей (защита прав потерпевшего и защита личности от незаконного преследования)»¹²¹. Учитывая то, что И.Б. Михайловская не разграничивает социальные и конечные цели¹²², ст. 6 УПК РФ в контексте приведенного суждения представляет собой вербальную форму закрепления конечных целей уголовного судопроизводства. Однако данное предположение опровергается утверждением автора о том, что «*на уровне функционирования всей системы уголовного судопроизводства целью является разрешение конфликтов между личностью и государственной властью с наименьшими негативными последствиями для общества*». Далее И.Б. Михайловская формулирует тезис, согласно которому «цель уголовного судопроизводства может рассматриваться на двух уровнях: на уровне конечного результата, который желателен, полезен для общества в целом, и на уровне результата, который должен быть достигнут при рассмотрении конкретного уголовного дела», и, судя по дальнейшим суждениям, целью первого уровня считает разрешение конфликта между личностью и государством, а целью второго уровня – достижение истины¹²³.

По мнению А.С. Александрова, содержание ст. 6 УПК РФ дает основание для вывода о том, что целями уголовного процесса законодатель считает «как

¹²⁰ Смирнов А.В., Калиновский К.Б.; Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. - 5-е изд., перераб. – М., 2013. С. 32-33.

¹²¹ Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М., 2003. С. 33.

¹²² Подтверждением тому является суждение автора о том, что «выделению «несущих конструкций» уголовного судопроизводства, от характера которых зависит форма процесса, препятствовало не только различное понимание его *конечных (социальных) целей* (выделено мною. – С.Ш.)». См.: Михайловская И.Б. Указ. раб. С. 9.

¹²³ Михайловская И.Б. Указ. раб. С. 36.

привлечение к уголовной ответственности виновного, так и оправдание и реабилитацию невиновного, незаконно, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию». Однако далее, не излагая своего отношения к такой позиции законодателя, автор утверждает, что «если оставаться исключительно на юридической позиции (т.е. формальной), то цель уголовного процесса можно определить как принятие окончательного правильного решения по уголовному делу, т.е. разрешение уголовного дела в порядке, установленном законом», а «используя категорию «уголовный иск», можно сказать короче: целью уголовного судопроизводства является разрешение судом уголовного иска, проверка и удостоверение обоснованности уголовно-правовых притязаний обвинительной власти к обвиняемому»¹²⁴.

Г. Выводы о целях уголовного судопроизводства формулируются без учета содержания ст. 6 УПК РФ.

Этот подход к установлению целей уголовного судопроизводства, который можно назвать традиционным, отличается от других широким спектром несовпадающих между собой, а в ряде случаев и внутренне противоречивых выводов. Проиллюстрируем данное утверждение выводами о целях уголовного судопроизводства, сформулированными в работах А.В. Агутина, Б.А. Лукичева, А.П. Попова и других авторов.

Так, например, А.В. Агутин по результатам исследования материалов дискуссии относительно цели уголовного судопроизводства сформулировал вывод о том, что «при всей кажущейся поливариантности имеющихся позиций по данной проблеме их смысл заключается в одном – целью уголовного процесса является наказание лиц, виновных в совершении преступления»¹²⁵. Конкретизируя данное суждение, автор различает четыре уровня целей: цель первого уровня (главная цель уголовного процесса) – назначение справедливого наказания или иных мер государственно-общественного воздействия, обеспечивающих в конкретных случаях достижение целей уголовного наказания без назначения наказания; цель второго уровня – определение меры вины; цель третьего уровня – изобличение лица, совершившего преступление; цель четвертого уровня – это цель конкретного процессуального действия¹²⁶.

А.П. Попов в связи с рассмотрением вопроса об установлении истины как цели уголовного процесса пишет о том, что познание истины в большинстве случаев является необходимым условием достижения цели уголовного процесса при производстве по конкретному уголовному делу, а «сама же цель – постановление справедливого приговора и обращение его к исполнению»¹²⁷. Однако далее А.П. Попов утверждает, что цель уголовного процесса состоит из обязательных и факультативных элементов. При этом содержание обязательного

¹²⁴ Александров А.С. Понятие и сущность уголовного процесса / Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров [и др.]; под науч. ред. В.Т. Томина. – М., 2003. С. 23.

¹²⁵ Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. С. 27.

¹²⁶ Агутин А.В. Указ. раб. С. 27-28.

¹²⁷ Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. С. 100.

элемента или ядра цели уголовного процесса, по мнению автора, регламентировано в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а факультативными элементами цели уголовного процесса являются: возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления; внесение изменений в качественные и количественные характеристики принудительных мер воздействия (на судебном уровне) с тем, чтобы достичь целей наказания, установленных уголовным законодательством; реабилитация и возмещение вреда реабилитированному¹²⁸.

В полемике с Л.И. Малаховой по поводу ее утверждения о том, что в ст. 6 УПК РФ речь идет о целях уголовного судопроизводства, Б.А. Лукичев¹²⁹, со ссылкой на работу В.В. Лапаевой, пишет: «Совершенно очевидно, что цель уголовного процесса сложнее, многообразнее и представляет собой понятие большего объема, чем это видится первоначально, так как в целях правовой материи, в их содержании находят отражение объективные социальные потребности. Именно в них «все социальные цели уже представлены в правовой форме»¹³⁰. Из этих суждений автор делает неожиданный вывод о том, что «цель уголовно-процессуальной деятельности субъектов уголовного процесса следует определенным образом разграничивать на общую, особенную и отдельную»¹³¹. Конкретизируя последнее суждение, автор считает отдельной целью уголовно-процессуальной деятельности – цель каждого следственного либо судебного действия и решения; особенной целью – установление объективной (материальной) истины по уголовному делу; общей целью – осуществление правосудия, т.е. справедливого, «праведного» суда, суда по праву (правде и закону)¹³².

Приведенный выше спектр мнений дает основание для вывода о том, что в современной отечественной теории уголовного процесса нет устоявшегося представления о целях уголовного судопроизводства. В связи с этим возникает необходимость в определении собственной позиции по данному вопросу, а для этого следует сформулировать понятие цели как исходного положения принимаемого исследования.

В связи с отсутствием в теории уголовного процесса более или менее устоявшегося понятия цели обратимся к её определениям, разработанным в таких отраслях научных знаний, как филология, философия и психология.

Разработанное в филологии понятие «цель» отражает главным образом смысловое значение цели, которое ему придается в повседневной практической деятельности, а именно: «идеальное мысленное предвосхищение результата деятельности»¹³³; «то, к чему стремятся, чего хотят достичь»¹³⁴; «предвосхище-

¹²⁸ Попов А.П. Указ. раб. С. 107-110.

¹²⁹ Лукичев Б.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов государственного пожарного надзора и пути ее совершенствования. – Екатеринбург, 2007. С. 14.

¹³⁰ Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. – М., 1987.

¹³¹ Лукичев Б.А. Указ. работа. С. 14.

¹³² Там же. С. 14-15.

¹³³ Советский энциклопедический словарь. С. 1480.

¹³⁴ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. - 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984. Т. 4. 1984. С. 638.

ние в мышлении результата деятельности и пути его достижения с помощью определенных средств»¹³⁵; «то, к чему стремятся, чего хотят достичь; главная задача»¹³⁶ и т.п.

На общефилософском уровне целью принято считать: «идеальный, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные деятельности; их идеальный, внутренне побуждающий мотив»¹³⁷; идеальное предвосхищение результата деятельности¹³⁸; один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств, способ интеграции различных действий человека в некоторую последовательность или систему, одну из форм детерминации человеческой деятельности¹³⁹; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс¹⁴⁰ и др.

По мнению известного отечественного психолога К.К. Платонова, термин «цель» имеет два значения: «*объективная цель* – явление, которое надо достичь... или выполнить...» и «цель как *психическое явление* – субъективный образ желаемого результата действия или деятельности»¹⁴¹.

Кроме того, в психологии понятие цели применяется в одном из следующих значений: «осознанный образ предстоящего результата, на достижение которого направлена деятельность человека»¹⁴²; «заранее мыслимый результат сознательной деятельности»¹⁴³; «формальное описание конечных ситуаций, задаваемых любой системой»¹⁴⁴; «предвосхищение результата, образ возможного как прообраз действительного»¹⁴⁵ и т.п.

Анализ сформулированных в различных отраслях науки определений цели приводит к выводу о том, что обязательным признаком понятия «цель» яв-

¹³⁵ Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В.И. Бородулин, А.П. Горкин, А.Н. Гусев [и др.]. – М., 2001. С. 795.

¹³⁶ Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2002. С. 914.

¹³⁷ Трубников Н. Цель / Философская энциклопедия. – М., 1970. Т. 5. С. 459.

¹³⁸ Чунаева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). – Л., 1979. С. 9.

¹³⁹ Огурцов А.П. Указ. работа. С. 731.

¹⁴⁰ Словарь философских терминов / под науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. – М., 2007. XVI. С. 659.

¹⁴¹ Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: учебное пособие для учеб. заведений профтехобразования. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1984. С. 164.

¹⁴² Психологический словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. – М., 2007. С. 739.

¹⁴³ Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. – 2-е изд. – Ростов н/Д., 2006. С. 745-746; Шапарь В.Б. Словарь практикующего психолога. – М., 2005. С. 638.

¹⁴⁴ Тихомиров О.К. Понятие «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования. – М., 1977. С. 5. Аналогичное определение понятия «цель» см. также Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990. С. 441.

¹⁴⁵ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: учебник. – 6-е изд., стер. – М., 2006. С. 209.

ляется *результат*, для достижения которого собственно и осуществляется та или иная деятельность. Поскольку уголовное судопроизводство как вид юридической деятельности в этом отношении не является исключением, постольку *исходным положением предпринимаемого в настоящей работе исследования является понятие цели как результата, необходимость достижения которого предопределяет назначение уголовного судопроизводства.*

Как уже было отмечено, в современной теории уголовного процесса сформировались две диаметрально противоположные точки зрения по вопросу законодательного определения цели (целей) уголовного судопроизводства: а) цель (цели) уголовного судопроизводства в российском уголовно-процессуальном законодательстве не определены и б) цели уголовного судопроизводства закреплены в ст. 6 УПК РФ. Наличие указанных взаимоисключающих точек зрения детерминирует необходимость решения вопроса о том, является ли содержание ст. 6 УПК РФ вербальной формой законодательного определения целей уголовного судопроизводства.

Утверждению о том, что цели уголовного судопроизводства определены в ст. 6 УПК РФ, как правило, предшествует признание тождества понятий «назначение» и «цель». На наш взгляд, отождествление этих понятий нельзя признать корректным, поскольку в современном русском языке термином «назначение» принято обозначать основную функцию чего-либо или предназначенность для чего-либо¹⁴⁶, а целью принято считать «то, к чему стремятся, чего хотят достичь; заранее намеченное задание, замысел»¹⁴⁷. В связи с этим следует согласиться с тем, что «в ст. 6 УПК РФ ... в виде назначения изложена функция уголовного судопроизводства»¹⁴⁸.

Теперь обратимся к содержанию ч. 1 ст. 6 УПК РФ и проанализируем его через призму понятия цели как результата, необходимость достижения которого предопределяет назначение уголовного судопроизводства. Такое ограничение предмета исследования объясняется тем, что только ч. 1 ст. 6 УПК РФ с большой долей условности может рассматриваться как предписание нормативного характера. По поводу содержания второй части этой статьи в юридической науке обоснованно высказываются критические замечания: содержащееся в ней утверждение уместнее было бы сформулировать как один из принципов уголовного процесса; содержание ч. 2 ст. 6 УПК РФ больше напоминает научно-практический комментарий, написанный группой авторов с определенной точкой зрения и т.п.

Итак, согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ «уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод».

¹⁴⁶ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 2. 1983. С. 354.

¹⁴⁷ Указ. раб. Т. 4. 1984. С. 638.

¹⁴⁸ Калинин В.Н. Цели, задачи, функции и назначение уголовного судопроизводства // Следователь. 2003. № 3. С. 9.

Буквальное (грамматическое) толкование приведенной формулировки дает основание утверждать, что ч. 1 ст. 6 УПК РФ не может рассматриваться как вербальная форма закрепления целей уголовного судопроизводства по следующим причинам.

Цель – это всегда *результат* деятельности, в том числе и уголовно-процессуальной. Между тем назначением уголовного судопроизводства является защита указанных в ч. 1 ст. 6 УПК РФ лиц и организаций, а защита – это *действия по значению глагола* защитить, т.е. «оградить от посягательства, нападения, неприязненных или враждебных действий и т.п.; предохранить от чего-либо»¹⁴⁹. Таким образом, защита не может быть целью уголовного судопроизводства, поскольку как правильно отметил Рудольф фон Иеринг: «Удовлетворение, ожидаемое от деяния желающим совершить оное, есть *цель* его хотения. Самое деяние никогда не бывает целью, а лишь средством, ведущим к цели»¹⁵⁰.

Исходя из понятия цели как результата деятельности, целями уголовного судопроизводства по смыслу ч. 1 ст. 6 УПК РФ могут быть результаты действий, осуществляемых для ограждения лиц и организаций от преступных посягательств, а подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений – от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения их прав и свобод.

Не вызывает сомнений возможность достижения целей уголовного судопроизводства путем выполнения действий, направленных на ограждение лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения их прав и свобод. Достижение цели в данном случае объективируется в результатах выполнения соответствующих действий: исключения из обвинения отдельных эпизодов; отмены меры пресечения; прекращения уголовного преследования; постановления оправдательного приговора и др.

Однако уголовное судопроизводство, как правило, не может быть средством достижения такой цели, как ограждение лиц и организаций от преступных посягательств, поскольку уголовное судопроизводство начинается тогда, когда права и законные интересы лиц и организаций уже нарушены. Исключением является пресечение уголовно-процессуальными средствами продолжаемого или длящегося преступления, когда в ходе предварительного расследования принимаются меры для пресечения готовящегося посягательства: осуществляется задержание лица, которое готовится к совершению преступления; к задержанному лицу применяется мера пресечения в виде заключения под стражу и т.д.

Поскольку защитить нарушенные права уже невозможно, постольку в теории уголовного процесса высказываются суждения о том, что целью уголовного судопроизводства является восстановление прав и законных интересов, нарушенных преступлением.

¹⁴⁹ Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 1981. С. 598.

¹⁵⁰ Иеринг Р. Цель в праве. – СПб., 1881. С. 8.

В этой связи следует согласиться с утверждением В.С. Шадрина о том, что «потерпевший, как гражданин, интересы которого государство не сумело оградить от преступного посягательства, вправе ждать от государства восстановления его нарушенных прав и социальной справедливости, включая возмещение причиненного преступлением вреда»¹⁵¹.

Результаты исследования по данному вопросу, проведенного автором настоящей работы,¹⁵² дают основание утверждать, что при наличии определенных условий результатом уголовно-процессуальной деятельности, а следовательно, целью уголовного судопроизводства может быть восстановление нарушенных преступлениями имущественных прав лиц и организаций, а также прав физических лиц на свободу и личную неприкосновенность. Вместе с тем возможности достижения указанной цели уголовно-процессуальными средствами весьма ограничены.

В частности, имущественные права, нарушенные преступлением, могут быть восстановлены непосредственно в уголовном судопроизводстве только тогда, когда у подозреваемого (обвиняемого) изъято похищенное имущество, и оно может быть возвращено потерпевшему по правилам, установленным пп. «б» п. 1 ч. 2 и пп. «а» ч. 3 ст. 81 УПК РФ. В остальных случаях возможности уголовного судопроизводства в этой части ограничиваются разрешением в приговоре суда вопроса об удовлетворении гражданского иска, а восстановление нарушенных прав осуществляется в рамках исполнительного производства. Это относится и к восстановлению нарушенной преступлением деловой репутации юридического лица (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), а также нарушенных преступлением чести, достоинства и репутации физического лица (ст.ст. 129 и 130 УК РФ).

Право лица на свободу и личную неприкосновенность нарушается в результате совершения какого-либо из предусмотренных УК РФ преступлений: похищение человека (ст. 126), незаконное лишение свободы (ст. 127), торговля людьми (ст. 127¹) и незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128). При этом уголовно-процессуальными средствами могут быть восстановлены только права, нарушенные в результате незаконного помещения лица в психиатрический стационар. Достижение указанной цели осуществляется путем выполнения адресованного суду, прокурору, следователю, органу дознания и дознавателю предписания «немедленно освободить ... незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар» (ч. 2 ст. 10 УПК РФ). Восстановление прав на свободу и личную неприкосновенность, нарушенных совершением других перечисленных выше преступлений, осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий и силовых операций.

Вместе с тем восстановление нарушенных прав не прекращает уголовно-процессуальную деятельность, и поэтому остается нерешенным вопрос о конечной цели уголовного судопроизводства.

¹⁵¹ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М., 2000. С. 36-37.

¹⁵² Шумилин С.Ф. Цели уголовного судопроизводства по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2004. Выпуск 3 (8). С. 176-188.

Кроме того, возникает вопрос о целях уголовного судопроизводства в тех случаях, когда нарушенные преступлением права восстановить невозможно (например, право на жизнь, нарушенное в результате умышленного убийства или причинения смерти по неосторожности, и др.) либо преступлением не нарушены права конкретных лиц и организаций (например, по уголовным делам о контрабанде, даче взятки и др.) и т.д.

Ключом к решению вопроса о целях уголовного судопроизводства является, на наш взгляд, правовая природа социально-правовой ситуации, которая возникает в случае получения сообщения о преступлении.

Квинтэссенцией социально-правовой ситуации, возникающей в каждом случае получения сообщения о преступлении, является предположение о наличии уголовно-правового конфликта, т.е. конфликта между лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние, и государством, установившим запрет на его совершение. Необходимость разрешения уголовно-правового конфликта и является фактором, предопределяющим содержание и направленность уголовного судопроизводства.

Разрешить уголовно-правовой конфликт – это значит официально признать факт совершения лицом запрещенного уголовным законом деяния либо констатировать отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления или непричастность подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления. В случае признания лица виновным в совершении запрещенного уголовным законом деяния разрешение уголовно-правового конфликта включает в себя назначение наказания либо освобождение от уголовной ответственности или наказания, применение принудительных мер воспитательного воздействия или принудительных мер медицинского характера.

В зависимости от характера установленных в уголовном судопроизводстве обстоятельств процессуальными способами разрешения уголовно-правового конфликта является постановление приговора (ч.ч. 1, 2 и 5 ст. 302, п.п. 2-6 ч. 1 ст. 389²⁰, ч. 1 и 2 ст. 432 УПК РФ) либо принятие одного из следующих решений: о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст.ст. 212, 254, п. 1 ч. 1 ст. 350 УПК РФ); о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч.ч. 2 и 3 ст. 427 УПК РФ); об освобождении лица, совершившего в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера либо о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера (ч.ч. 1 и 2 ст. 443 УПК РФ); об отмене приговора или иного обжалуемого решения и о прекращении производства по уголовному делу (п. 8 ч. 1 ст. 389²⁰, п. 2 ч. 1 ст. 401¹⁴, п. 2 ч. 1 ст. 412¹¹ УПК РФ).

Принятие любого из указанных выше решений означает достижение конечных результатов уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим в юридической науке высказываются суждения о том, что целью уголовного судопроизводства является разрешение конфликта (уголовно-правового конфлик-

та, уголовного конфликта)¹⁵³. С таким определением цели уголовного судопроизводства следует согласиться, однако с некоторыми уточнениями.

Во-первых, следует уточнить место указанной цели в системе целей уголовного судопроизводства. Учитывая то, что разрешение уголовно-правового конфликта осуществляется принятием решений, которыми завершается уголовно-процессуальная деятельность, достигаемая при этом цель является конечной целью уголовного судопроизводства.

Во-вторых, применение терминов «конфликт» и «криминальный конфликт» для обозначения цели уголовного судопроизводства представляется некорректным по следующим причинам.

В русском языке термин «конфликт» означает: «столкновение противоположных сторон, мнений, сил; серьезное разногласие, острый спор; осложнение в международных отношениях»¹⁵⁴.

В конфликтологии под конфликтом понимают: «отсутствие согласия»¹⁵⁵, «проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон»¹⁵⁶ и т.п.

Таким образом, конфликт может быть предметом разрешения не только уголовного судопроизводства, но и гражданского судопроизводства, а также производства по делам об административных правонарушениях. Более того, конфликтующие стороны в ряде случаев устраняют возникшее противоречие путем переговоров.

Использование термина «криминальный конфликт» нецелесообразно по той причине, что он ассоциируется с конфликтами, возникающими между преступными группировками и получившими название «криминальные конфликты» или «криминальные разборки».

С учетом приведенных выше соображений для обозначения конечной цели уголовного судопроизводства более точным представляется понятие уголовно-правового конфликта как формы проявления и разрешения диалектических

¹⁵³ Основы конфликтологии: учебное пособие / А.В. Дмитриев, Ю.Г. Запрудский, В.П. Казимирчу [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1997. С. 58-59; Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль. 2002. № 1. С. 111-119; Филин Д.В. Опасности уголовного судопроизводства и их классификация // Государство и право. 2002. № 9. С. 116; Галузин А. О криминогенных факторах-препятствиях реализации уголовно-процессуального законодательства // Уголовное право. 2003. № 3. С. 111-114; Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития): автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – М., 2003. С. 36; Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М., 2003. С. 35; Флямер М. Уголовно-правовое посредничество как способ примирения сторон // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 16-18 и др.

¹⁵⁴ Словарь русского языка: в 4-х т. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981. Т. 2. С. 96.

¹⁵⁵ Тонков Е.Е. Конфликтология правоохранительной деятельности. – Белгород-Харьков, 1998. С. 9.

¹⁵⁶ Дмитриев А.В. Конфликтология: учебное пособие. – М., 2002. С. 34.

противоречий, возникающих в сфере общественных отношений, охраняемых уголовным законом¹⁵⁷.

Достижение конечной цели любой деятельности обеспечивается путем достижения промежуточных целей. В своей работе, посвященной исследованию цели как философской категории, В.Г. Макаров пишет: «Конечная цель – главный определяющий мотив, своего рода фокус, в котором сходятся стремления человека в основных областях деятельности. К ней ведет длинный и сложный ряд действий, направляемых промежуточными целями»¹⁵⁸. Поскольку уголовное судопроизводство в этом отношении не является исключением, постольку получить полное представление о системе целей уголовного судопроизводства можно только путем установления его промежуточных целей. Однако прежде чем перейти к решению данного вопроса, необходимо сделать некоторые замечания относительно предмета и алгоритма дальнейшего исследования.

В первую очередь нуждается в уточнении термин «цели уголовного судопроизводства». На наш взгляд, этот термин носит условный характер, поскольку цель – это элемент осознанной деятельности человека. Как правильно отмечено в теории права, «понятие «цель» и связанные с ним понятия допустимо употреблять прежде всего применительно к человеку как к единственной системе, обладающей сознанием»¹⁵⁹. Отсюда следует вывод о том, что применительно к уголовному судопроизводству речь может идти только о целях деятельности следователя, дознавателя и суда. Поэтому термин «цели уголовного процесса» следует рассматривать как условный, в котором объединены цели, достигаемые следователем, дознавателем и судом.

§ 4. Способы определения целей следственной деятельности в современном российском законодательстве

Как известно, в УПК РФ нет статей, специально предназначенных для определения целей следственной деятельности, дознавателя и суда, однако это не означает, что в УПК РФ вообще отсутствуют указания на цели, достижение которых является обязанностью этих участников уголовного судопроизводства.

Исходя из деления целей на генерируемые самим субъектом деятельности и внешние, т.е. задаваемые извне¹⁶⁰, следует признать, что направленность следственной деятельности все же определяется уголовно-процессуальным законодательством.

¹⁵⁷ Баев О.Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). – Воронеж, 1981. С. 51.

¹⁵⁸ Макаров В.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. – Л., 1979. С. 20.

¹⁵⁹ Шундилов К.В. Цели и средства в праве: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. С. 16.

¹⁶⁰ Коган А.Ф. Психологическое моделирование целеполагания и принцип псевдосвободы выбора цели в учебной деятельности / Психология: сборник научных трудов. – Киев, 1999; URL: <http://flogiston.ru/articles/educational/kogan>.

Во введении к работе, посвященной исследованию правовой цели, Р. фон Иеринг писал: «Цель есть творческая сила всего права и нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели»¹⁶¹. Поскольку правовые положения, закрепленные в нормах УПК РФ, в этом отношении не являются исключением, постольку есть основания полагать, что некоторые из них обязаны своим происхождением целям уголовно-процессуальной деятельности следователя. При этом вовсе не обязательно, чтобы цели устанавливались в нормах УПК РФ с использованием термина «цель». Как правильно отмечено в литературе, «характер средств свидетельствует о действительной цели»¹⁶².

Так, в ряде норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок производства следственных действий, указано, что они производятся: «в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 176); «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела» (ст. 181); «в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 194).

Не представляет сложности определение целей производства остальных следственных действий, поскольку однозначный вывод о цели, которая должна быть достигнута при производстве конкретного следственного действия, следует из содержания нормы, регламентирующей его производство. Например, из содержания норм, регламентирующих допрос, следует вывод о том, что целью его производства является получение показаний, из содержания норм, регламентирующих обыск и выемку, очевидно, что целью их производства является обнаружение и изъятие (получение) документов и предметов, имеющих значение для уголовного дела (а путём производства обыска – также обнаружение разыскиваемого лица и трупа).

Несколько сложнее установить цели, которые должны быть достигнуты в следственной деятельности на том или ином этапе уголовного судопроизводства. Для решения этой задачи необходимо толкование норм УПК РФ, регламентирующих следственную деятельность.

Рассматривая вопрос о юридических нормах, Г.В. Мальцев выделяет в отдельную группу нормы-цели и пишет о том, что «к правилам поведения, которые ориентированы на регламентирование социального действия или деятельности, примыкают нормы, указывающие на определенную цель действия или деятельности, например, совершить поступок для чего-то или кого-то, добиться некоторого результата в количественном и качественном выражении, выполнить задание к установленному сроку»¹⁶³. Развивая приведенное суждение далее, Г.В. Мальцев следующим образом объясняет механизм законодательного определения целей: «в большинстве случаев законодатель, устанавливая нормы права, просто-напросто инкорпорирует цель в соответствующее правило поведения»¹⁶⁴, при этом «инкорпорируемая в норму цель не перестает

¹⁶¹ Иеринг Р. Цель в праве. – СПб., 1881. Т. 1. С. 2.

¹⁶² Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2001; URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/03v/volkov/ritorika/56.html>.

¹⁶³ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М., 2007. С. 694.

¹⁶⁴ Мальцев Г.В. Указ. раб. С. 695.

быть целью, не утрачивает свойства регулятора. Она действует и как бы ведет свою линию в регулятивном процессе, представляет аспекты правового поступка, выраженные в соотношении цели и средств, конечных (финальных) и промежуточных целей, в обосновании эффективности юридического действия, когда нужна ясность в том, чего стоило достижение той или иной цели либо целей»¹⁶⁵.

Исходя из тезиса, согласно которому «в интенциональной¹⁶⁶ природе целей лежат истоки их динамизма, прежде всего это воля и желания человека, устремленного к результату, который он положил для себя в качестве цели», Г.В. Мальцев приходит к следующему выводу: «Достижение результата возможно лишь в конце, *финале действия*, на определенном завершающем его этапе, когда подводятся итоги, даются оценки использованным методам и средствам»¹⁶⁷.

Для предпринятого в рамках настоящего параграфа исследования принципиальное значение имеет еще одно суждение Г.В. Мальцева: «*Норма-цель*, как и норма – правило поведения, регулирует поведение человека и социальных групп, она также обращена к поступку или деятельности, но ее своеобразие выражается в том, что она *предусматривает* не указание относительного того, как нужно себя вести, но *требование обязательного результата действия* (выделено мною. – С.Ш.)»¹⁶⁸.

Таким образом, для того чтобы установить промежуточные цели уголовного судопроизводства необходимо обнаружить в уголовно-процессуальном законодательстве нормы-цели, т.е. нормы, в которых содержится описание конечного результата уголовно-процессуальной деятельности следователя и суда на определенном этапе уголовного судопроизводства.

Оптимальным способом обнаружения таких норм, на наш взгляд, является моделирование алгоритма формирования в уголовном судопроизводстве целеустановок, исходя из понятия целеустановки как духовного процесса, который идейно готовит переход к действиям¹⁶⁹ или направления мыслей и деятельности личности к конкретной цели¹⁷⁰ и т.п.

Процесс формирования целеустановок в уголовном судопроизводстве начинается с момента получения сообщения о преступлении¹⁷¹ и протекает в следующем порядке.

¹⁶⁵ Мальцев Г.В. Указ. раб. С. 698.

¹⁶⁶ Интенциональная – производное понятия «интенция – (от лат. *intentio* – «стремление»), термин, обозначающий намерение; цель; в схоластической философии – направленность сознания на какой-либо предмет (или сам мыслимый предмет). См.: Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев [и др.]. - 2-е изд. - М., 1989. С. 218.

¹⁶⁷ Мальцев Г.В. Указ. раб. С. 700.

¹⁶⁸ Мальцев Г.В. Указ. раб. С. 707.

¹⁶⁹ Общество и сознание. – М., 1984. С. 141.

¹⁷⁰ URL: <http://www.krassilka-batik.ru/alphabet/index.php?word=1092>.

¹⁷¹ В настоящей работе рассматривается алгоритм формирования целеустановок в случае получения сообщений о преступлениях, обвинение в совершении которых осуществляется в публичном и частно-публичном порядке, поскольку формирование целеустановок по уголовным делам частного обвинения имеет существенную специфику, исследование которой выходит за пределы настоящей работы.

Получение сообщения о преступлении приводит в действие закрепленную в ч. 1 ст. 144 УПК РФ норму, которая оказывает информационное воздействие на психику следователя¹⁷² (управляющую подсистему его уголовно-процессуальной деятельности) и начинает формирование целеустановки на проверку и разрешение сообщения о преступлении. Процесс формирования целеустановки завершают нормы-цели, закрепленные в ч. 2 ст. 140 и ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

При этом закрепленная в ч. 2 ст. 140 УПК РФ норма-цель содержит указание на конечный результат проверки сообщения: установление основания для возбуждения уголовного дела. Однако цель считается достигнутой и в том случае, если установлено отсутствие основания для возбуждения уголовного дела.

Норма-цель, закрепленная в ч. 1 ст. 145 УПК РФ, устанавливает конечный результат следственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела: разрешение сообщения о преступлении путем принятия одного из перечисленных в ней решений (о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подсудности или в суд).

Таким образом, в следственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела различаются две цели: *установление наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела и разрешение сообщения о преступлении.*

Если в ходе следственной деятельности основания для возбуждения уголовного дела не установлено, следователь принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Это означает достижение конечной цели уголовного судопроизводства, поскольку, принимая данное решение, следователь констатирует отсутствие признаков уголовно-правового конфликта, что влечет прекращение уголовно-процессуальной деятельности.

Решение следователя о возбуждении уголовного дела, напротив, является процессуальным актом, в котором он констатирует достижение конечной цели стадии возбуждения уголовного дела и одновременно промежуточной цели уголовного судопроизводства.

Это обусловлено тем, что в постановлении о возбуждении уголовного дела следователь формулирует тезис о наличии признаков преступления (уголовно-правового конфликта), который требует подтверждения или опровержения путем приведения доказательств (ст. 74 УПК РФ), а для этого необходимо продолжить следственную деятельность, направленную на собирание, проверку и оценку доказательств, именуемую в УПК РФ доказыванием (ст. 85 УПК РФ).

С момента возбуждения следователем уголовного дела и принятия его к производству начинается стадия предварительного расследования и, соответственно, продолжается процесс формирования целеустановок в профессиональном правосознании следователя.

На данном этапе следственной деятельности функцию формирования целеустановки выполняют нормы, закрепленные в ст.ст. 85 и 73 УПК РФ. При этом формулировка ст. 85 УПК РФ: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств *в целях* (выделено мною. – С.Ш.) установления

¹⁷² Далее, если иное специально не оговорено, все то, что связано с формированием целеустановок относится также к дознавателю.

обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса», не дает никаких оснований для сомнения в том, что закрепленная в ней норма обладает признаками свойства нормы-цели. Вместе с тем в этой норме цели доказывания установлены самым общим образом и со ссылкой на ст. 73 УПК РФ.

Однако и закрепленная в ст. 73 УПК РФ норма не завершает формирование целеустановки, поскольку такие обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, как событие преступления и виновность лица в совершении преступления, конкретизируются в нормах УК РФ, содержащих описание объективной и субъективной стороны состава преступления, по признакам которого возбуждено уголовное дело.

Таким образом, формирование целеустановки в профессиональном правосознании следователя завершается после логического отождествления имеющихся в уголовном деле сведений с диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

При этом следует отметить, что по мере осуществления следственной деятельности целеустановки могут подвергаться корректировке (например, целеустановка на установление обстоятельств совершения кражи может измениться на установление обстоятельств совершения грабежа или разбойного нападения). В случае получения сведений о совершении подозреваемым (обвиняемым) другого преступления формируется дополнительная целеустановка.

Системное толкование ст.ст. 73 и 85 УПК РФ приводит к выводу о том, что *целью следственной деятельности на стадии предварительного расследования является установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.*

Такое понятие цели доказывания не противоречит понятию цели доказывания как установлению истины¹⁷³. Различие между этими понятиями заключается лишь в том, что первое из них отражает нормативный характер цели доказывания, а второе – ее гносеологическую сущность¹⁷⁴.

Однако цель доказывания имеет еще один аспект, который имеет существенное значение для установления конечных целей следственной деятельности на стадии предварительного расследования.

¹⁷³ Дорохов В.Я. Содержание истины как цели доказывания / Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин, - 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. С. 113-139; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. - 2-е доп. изд. – Казань, 1976. С. 25-34; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. – Воронеж, 1995. С. 6, 28-49; Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: научно-практическое пособие. – М., 2000. С. 8-13; Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2005. С. 10-21 и др.

¹⁷⁴ Мнение о том, что установить обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу – это значит установить истину, высказывается в работах ряда авторов. См., напр.: Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. С. 18; Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. – Омск, 2006. С. 19; Абдрахманов Р.С. Процесс доказывания и его цель / Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / под ред. А.П. Гуськовой, А.В. Ендольцевой. – М., 2007. С. 208-209 и др.

Результаты доказывания объективируются в системе доказательств, которые образуют фактическую основу для разрешения уголовно-правового конфликта и определяют способ его разрешения.

Если в ходе следственной деятельности не установлены обстоятельства, указанные в п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, либо указанные обстоятельства установлены, но при этом установлены также обстоятельства, исключающие преступность деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) или дальнейшее производство по уголовному делу (п.п. 3 и 4 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), следовательно разрешает уголовно-правовой конфликт путем прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Аналогичным способом уголовно-правовой конфликт может быть разрешен и в том случае, если доказан факт совершения подозреваемым (обвиняемым) преступления небольшой или средней тяжести и установлены основания, влекущие освобождение от уголовной ответственности (п. 7 ч. 1 ст. 73, ст.ст. 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ).

Поскольку прекращения уголовного дела исключает дальнейшее производство по уголовному делу, а прекращение уголовного преследования – производство предварительного расследования в отношении конкретного лица, постольку разрешение уголовно-правового конфликта указанным способом означает достижение конечной цели уголовного судопроизводства.

Несколько иначе решается вопрос о цели следственной деятельности тогда, когда результаты доказывания приводят к выводу о том, что уголовно-правовой конфликт не может быть разрешен путем прекращения уголовного дела (уголовного преследования). В таком случае целью следственной деятельности является создание предпосылок для разрешения уголовно-правового конфликта путем назначения уголовного наказания либо применения меры принудительного воздействия или принудительной меры медицинского характера.

Таким образом, *конечная цель следственной деятельности на стадии предварительного расследования носит альтернативный характер и может быть определена как разрешение уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела (уголовного преследования) или создание предпосылок для разрешения уголовно-правового конфликта в судебном разбирательстве.*

Процессуальными актами, в которых констатируется создание предпосылок для разрешения уголовно-правового конфликта в судебном разбирательстве, являются: постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и направлении уголовного дела в суд для применения меры уголовно-правового воздействия в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ); обвинительное заключение (ст. 220 УПК РФ); обвинительный акт (ст. 226 УПК РФ); обвинительное постановление (ст. 226.7 УПК РФ); постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ); постановление о направлении дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера (ч. 5 ст. 439 УПК РФ).

Способами разрешения уголовно-правового конфликта в суде первой инстанции являются: прекращение уголовного дела и уголовного преследования (ст.ст. 239 и 254 УПК РФ); постановление приговора (ст. 302 УПК РФ); применение к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия (ст.ст. 427, 431 и 432 УПК РФ); применение к лицу, совершившему запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, принудительной меры медицинского характера (ст. 443 УПК РФ); вынесение постановления об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 28.1 УПК РФ, и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде штрафа (ч. 5 ст. 446.3 УПК РФ).

Разрешение судом первой инстанции уголовно-правового конфликта любым из указанных способов означает достижение конечной цели стадии назначения судебного заседания или судебного разбирательства, а если постановленный судом приговор или иные принятые им решения не будут отменены судом апелляционной, кассационной или надзорной инстанции – достижение конечной цели уголовного судопроизводства.

Если уголовное дело рассматривается судом апелляционной, кассационной или надзорной инстанции, конечной целью уголовного судопроизводства является разрешение уголовно-правового конфликта путем принятия одного из решений: 1) оставить надзорные жалобы и представление без удовлетворения, а обжалуемые судебные решения без изменения или 2) отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу.

Проведенный анализ дает основание для вывода о том, что целями уголовного процесса являются: на стадии возбуждения уголовного дела – установление наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела и разрешение сообщения о преступлении; на стадии предварительного расследования – установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу и разрешение уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела (уголовного преследования) либо создание предпосылок для разрешения уголовно-правового конфликта в судебном разбирательстве; в судебных стадиях – разрешение уголовно-правового конфликта.

Достижение указанных целей предполагается в каждом случае получения сообщения о преступлении, что дает основание считать их постоянными целями уголовного судопроизводства.

Кроме постоянных целей в уголовно-процессуальном законодательстве установлены ситуативные цели, т.е. цели, достижение которых предполагается только при наличии определенных условий. Так, например, в ч. 3 ст. 145 УПК РФ закреплено положение, согласно которому «в случае принятия решения, предусмотренного п. 3 ч. 1 настоящей статьи, орган дознания, дознаватель, следователь принимают меры по сохранению следов преступления».

Таким образом, в ч. 3 ст. 145 УПК РФ закреплена норма-цель, которая устанавливает ситуативную цель следственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела – принятие мер по сохранению следов преступления в случае передачи сообщения о преступлении по подследственности или в суд.

Кроме того, в УПК РФ установлены такие ситуативные цели уголовного судопроизводства, как обеспечение условий, исключающих угрозу жизни и здоровья лицу, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления (ч. 3 ст. 10 УПК РФ); обеспечение безопасности участникам уголовного судопроизводства, перечисленным в ч. 3 ст. 11 УПК РФ; обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ (ч. 1 ст. 115, ст. 230 УПК РФ); возмещение процессуальных издержек (ч. 3 ст. 131 УПК РФ); обеспечение условий для возмещения вреда, причиненного гражданину в результате незаконного уголовного преследования или незаконно применения мер процессуального принуждения (ст.ст. 133-138 УПК РФ); принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений или других нарушений закона (ч. 2 ст. 158 УПК РФ); принятие мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и мер по обеспечению сохранности его имущества (ст. 160 УПК); установление места нахождения подозреваемого или обвиняемого (п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ).

В теории уголовного процесса предлагается иная классификация целей уголовного судопроизводства. В частности, А.П. Попов в ранее упомянутой работе пишет о том, что цель уголовного процесса состоит из обязательных и факультативных элементов. Обязательные элементы, как считает автор, установлены в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а факультативные цели уголовного процесса – это «такие его составляющие, которые определяют направленность уголовно-процессуальной деятельности по каждому уголовному делу»¹⁷⁵. Развивая приведенные суждения, автор утверждает, что признакам факультативных целей соответствуют четыре составляющих (элемента) цели уголовного процесса: возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления; внесение изменений в качественные и количественные характеристики принудительных мер воздействия (на судебном уровне) с тем, чтобы достичь целей наказания, установленных уголовным законодательством; реабилитация и возмещение вреда реабилитированному¹⁷⁶.

Даже если не обращать внимания на явное противоречие приведенных суждений автора его же утверждению о том, что целью уголовного процесса является «постановление справедливого приговора и обращение его к исполнению», с предлагаемой классификацией целей нельзя согласиться по следующим причинам.

¹⁷⁵ Попов А.П. Указ. раб. С. 107-110.

¹⁷⁶ Попов А.П. Указ. раб. С. 110.

Во-первых, представляется некорректным предлагаемое деление целей уголовного судопроизводства на обязательные и факультативные. В русском языке прилагательное «факультативный» означает «необязательный, выбираемый по желанию, для дополнительной специализации»¹⁷⁷. Следовательно, достижение целей, которые А.П. Попов считает факультативными, является необязательным и зависит от желания участников уголовного судопроизводства, уполномоченных возбуждать уголовные дела, производить по ним предварительное расследование и судебное разбирательство.

Однако это противоречит уголовно-процессуальному законодательству, в котором установлены обязанности следователя (дознателя) и суда: обеспечить возмещение потерпевшему имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде (ч. 3 ст. 42 УПК РФ); принять меры к возмещению вреда, причиненного гражданину в результате незаконного уголовного преследования или применения мер процессуального принуждения (ст.ст. 133-138 УПК РФ)¹⁷⁸.

Иначе говоря, в уголовно-процессуальном законодательстве не установлены цели, достижение которых необязательно, что означает отсутствие парной категории – обязательных целей.

Во-вторых, выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ является целью доказывания и поэтому включается в понятие цели уголовного судопроизводства как установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

В-третьих, достижение в уголовном судопроизводстве такой цели, как возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, возможно лишь в том случае, если у подозреваемого (обвиняемого) изъято похищенное у потерпевшего имущество, и оно может быть возвращено потерпевшему по правилам, установленным пп. «б» п. 1 ч. 2 и пп. «а» ч. 3 ст. 81 УПК РФ. В остальных случаях возможности уголовного судопроизводства в этой части ограничиваются разрешением в приговоре суда вопроса об удовлетворении гражданского иска, а восстановление нарушенных прав осуществляется в рамках исполнительного производства.

В-четвертых, возмещение вреда, причиненного гражданину в результате незаконного уголовного преследования или незаконного применения мер процессуального принуждения, не может быть целью уголовного судопроизводства, поскольку реальное возмещение такого вреда наступает уже после завершения производства по уголовному делу.

¹⁷⁷ Словарь русского языка: в 4-х т. - 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984. Т. 4. 1984. С. 549.

¹⁷⁸ Вопрос о правомерности отнесения к факультативным такой цели, как «внесение изменений в качественные и количественные характеристики принудительных мер воздействия (на судебном уровне), с тем, чтобы достичь целей наказания, установленных уголовным законодательством» остается открытым, поскольку содержание указанной цели уголовного судопроизводства нуждается в уточнении.

В связи с этим целью уголовного судопроизводства в данном случае, как было отмечено выше, является обеспечение условий для возмещения вреда, причиненного гражданину в результате незаконного уголовного преследования или незаконного применения мер процессуального принуждения.

Результаты проведенного выше анализа уголовно-процессуального законодательства не могут претендовать на исчерпывающее решение всех вопросов, возникающих в связи с установлением целей уголовного судопроизводства, однако дают основание сделать следующий вывод.

Высказываемые в теории уголовного процесса утверждения о том, что в УПК РФ не установлены цели уголовного судопроизводства, не соответствуют реальной действительности. Направленность на достижение конкретных целей уголовному судопроизводству придает система норм-целей, в которых установлены конечные результаты уголовно-процессуальной деятельности следователя и суда на определенных этапах уголовного судопроизводства.

Таким образом, для достижения целей уголовного судопроизводства необходимо, чтобы в УПК РФ была закреплена статья, специально посвященная их описанию, что невозможно с точки зрения юридической техники. Для этого достаточно точного исполнения предписаний, которые сформулированы в рассмотренных выше нормах-целях.

Глава 2.

Средства достижения целей следственной деятельности

§ 1. Понятие и система средств достижения целей следственной деятельности

По результатам проведенного в первой главе настоящей работы анализа и обобщения суждений о целях, сформулированных в различных отраслях научных знаний, в качестве исходного положения дальнейшего исследования целей следственной деятельности было сформулировано авторское определение цели как результата, необходимость достижения которого предопределяет назначение уголовного судопроизводства. Такой подход к определению понятия цели обусловлен тем, что в уголовном судопроизводстве находит своё воплощение принцип деления целей человеческой деятельности на генерируемые самим субъектом деятельности и внешние, т.е. задаваемые извне¹⁷⁹. Применительно к следственной деятельности это выражается в том, что в УПК РФ установлены цели производства следственных и иных процессуальных действий, образующих систему следственной деятельности, а также цели, которые должны быть достигнуты на определённых этапах следственной деятельности.

Устанавливая цели уголовного судопроизводства, в том числе и следственной деятельности, которые должны быть достигнуты на том или ином этапе уголовного судопроизводства или следственной деятельности, законодатель по логике вещей должен установить и необходимые средства их достижения.

На это обстоятельство ещё в период действия Свода законов 1832 года обратил внимание Я.И. Баршев, который в своей ранее цитированной работе писал: «Для достижения цели уголовного следствия, т.е. для приведения в возможную известность всех обстоятельств относительно действительности какого-либо преступления, произведения его известным лицом и степени его виновности, необходимы известного рода средства, или *источники*, из которых можно бы было почерпнуть эту известность»¹⁸⁰.

Продолжая приведенное выше утверждение, Я.И. Баршев пришел к следующему выводу: «*Источник*, из которого можно почерпать историческую истину, или известность о каком-либо обстоятельстве может заключаться или в *собственном непосредственном убеждении в предмете*, причем тот, кто должен получить убеждение в нем, признает истинным только то, что он узнает или с помощью своих чувств, или посредством умозаключения, или он состоит в *убеждении посредственном*, когда известность о каком-либо обстоятельстве

¹⁷⁹ Коган А.Ф. Психологическое моделирование целеполагания и принцип псевдосвободы выбора цели в учебной деятельности / Психология: сборник научных трудов. – Киев, 1999. Вып. 3(6). С. 212-213.

¹⁸⁰ Баршев Я. Указ. раб. С. 51.

получается от других, которые в нем имеют непосредственное убеждение. Это последнее может быть сделано не только устно, но и письменно, и даже посредством таких, самих в себе уже доказанных обстоятельств, от действительности которых можно сделать заключение к действительности того или другого предмета исследования. На этом основании источники, из которых может быть почерпнута истина в делах уголовных, разделяются на *два главных класса*: 1) такие, которые *непосредственно* зависят от судьи или следователя, и 2) такие, которые доставляют ему убеждение в действительности чего-либо *посредственно*»¹⁸¹.

По мнению Я.И. Баршева, источниками непосредственного убеждения являются *личный осмотр* и *осмотр посредством лиц, сведущих в предмете исследования*, а источниками, из которых черпается убеждение в делах уголовных *посредственным образом* – *собственное признание, показание свидетелей и письменные доказательства* (акты)¹⁸².

На наш взгляд, предложенная Я.И. Баршевым классификация источников убеждения не в полной мере соответствовала нормам Свода законов 1832 г. в той части, где автор включает в источники непосредственного убеждения следователя (судьи) *осмотр, посредством лиц, сведущих в предмете исследования*.

По Своду законов 1832 г. доказательствами по уголовным делам признавались «*показания сведущих людей*» (п. 4 ст. 929). Это положение следующим образом конкретизировалось в ст. 943 Свода законов: «Если точное знание встречающегося в деле обстоятельства предполагает особенные сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле: то надлежит истребовать о том *показание и мнение* (выделено мною. – С.Ш.) сведущих людей, соображаясь с правилами, изложенными в главе об исследовании происшествия и осмотре». Хотя в статьях 821-825 Свода законов, в которых были изложены правила осмотра, не предусматривался осмотр посредством сведущих людей, вполне понятно, что такой осмотр мог и должен был производиться, в противном случае сведущие люди не могли бы дать показания или изложить своё мнение. Однако по своей правовой природе показания и мнения сведущих людей ближе к показаниям свидетелей, которые Я.И. Баршев включил в источники, из которых убеждение следователь (судья) получает *посредственным образом*.

Средствами достижения цели формального следствия Я.И. Баршев считал «1) допрос обвиняемого и 2) собрание разного рода уголовных доказательств»¹⁸³.

Разделяя в целом приведенные выше суждения, В.А. Линовский писал: «Источники для открытия истины бывают двоякие: или они в душе следователя производят полное убеждение в действительности какого-либо события, или они порождают в душе следователя борьбу между причинами, опровергающими обстоятельства происшествия. Первые источники, на которых основывается убеждение в действительности какого-либо события, называются доказательст-

¹⁸¹ Баршев Я. Указ. раб. С. 75.

¹⁸² Баршев Я. Указ. раб. С. 75-76.

¹⁸³ Баршев Я. Указ. раб. С. 136.

вами; второго же рода источники, порождающие борьбу в душе следователя и которые допускают вероятность события, называются уликами»¹⁸⁴.

Из приведенных суждений можно сделать вывод о том, что средствами достижения целей уголовного следствия (по современной терминологии – следственной деятельности) Я.И. Баршев и В.А. Линовский считали сведения о преступлении и лице, его совершившем, полученные следователем (судьей) путём производства следственных действий.

В более поздний период вопрос средств достижения целей уголовного судопроизводства рассматривался в одной из глав монографии П.С. Элькинд «Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве».

Рассматривая понятие, основные свойства и классификацию средств достижения целей в уголовно-процессуальном праве П.С. Элькинд отметила, что уголовное судопроизводство в целом – это средство достижения целей уголовно-процессуального права, а уголовно-судебные доказательства – единственные средства установления истины по уголовному делу и что в иных, более конкретных аспектах взаимосвязи речь может идти о средствах производства следственных и судебных действий, о средствах обнаружения, собирания, закрепления и проверки уголовно-судебных доказательств и др.¹⁸⁵ Однако далее исследование перешло в плоскость анализа метода уголовно-процессуального регулирования, поскольку, по мнению П.С. Элькинд, «средства достижения целей, заключенных в уголовно-процессуальном праве, находясь в прямой зависимости от особенностей предмета уголовно-процессуального регулирования, образуют сами по себе компонент присущего данной сфере правового регулирования метода»¹⁸⁶. В конечном итоге приведенные выше суждения о средствах достижения целей уголовного судопроизводства так же, как и уголовно-процессуального права, не получили дальнейшего развития.

По результатам анализа метода уголовно-процессуального регулирования П.С. Элькинд сформулировала вывод, согласно которому одним из его важнейших компонентов является **«система средств воздействия на поведение субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей в направлении достижения целей уголовно-процессуального регулирования»**¹⁸⁷. Эти средства, по мнению П.С. Элькинд, должны быть дозволены законом, этическими, подлинно научными, максимально эффективными и экономичными¹⁸⁸.

Рассмотрение указанных вопросов П.С. Элькинд завершила суждением о том, что все средства достижения целей уголовно-процессуального регулирования могут быть разграничены: 1) на общие (экономические, политические, идеологические) и специальные (соответственно, юридические); 2) на используемые в правотворческой и правоприменительной деятельности; 3) на общеправовые (обеспечения соблюдения правовых требований и дозволений мерами правового убеждения и принуждения) и собственно уголовно-процессуальные

¹⁸⁴ Линовский В.А. Указ. раб. С. 76-77.

¹⁸⁵ Элькинд П.С. Указ. работа. С. 60.

¹⁸⁶ Там же. С. 60-62.

¹⁸⁷ Там же. С. 62.

¹⁸⁸ Там же. С. 62-67.

(например, обеспечения их специфическими санкциями норм уголовно-процессуального права); 4) на осуществляемые компетентными органами государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) и другими субъектами уголовно-процессуальных прав и обязанностей (экспертами, специалистами и т.д.); 5) на типичные для всех или почти всех стадий уголовного процесса (например, привлечение общественности в различных формах к участию в возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении дел о преступлениях и т.д.) и используемые лишь в некоторых стадиях уголовного процесса (например, гласное судебное разбирательство как средство воспитательного воздействия на присутствующих в зале судебного заседания граждан)¹⁸⁹.

С таким разграничением средств достижения целей уголовно-процессуального права в целом можно согласиться, однако следует отметить его несогласованность с предложенной в этой же работе классификацией целей (перспективные и ближайшие; общие для уголовного судопроизводства в целом и конкретные, характерные для каждой отдельной стадии уголовного процесса; выражающие направленность всей уголовно-процессуальной деятельности и функциональные; официальные и неофициальные)¹⁹⁰.

Таким образом, П.С. Элькинд наметила контур средств достижения целей уголовного судопроизводства, однако при этом вопрос о конкретных средствах остался без ответа, поскольку предметом дальнейшего рассмотрения являются проблемы единства и дифференциации уголовного судопроизводства; убеждения, уголовно-процессуального принуждения, санкций и уголовно-процессуальной ответственности; процессуальных аспектов использования научно-технических средств в уголовном судопроизводстве.

Рассматривая уголовно-процессуальную деятельность как применение соответствующих средств в обусловленных сложившейся ситуацией комбинациях, А.Я. Дубинский утверждал, что средствами являются процессуальные решения и процессуальные действия, связанные с их исполнением, поскольку каждое процессуальное решение и процессуальное действие имеет определенные цели, все они сориентированы на достижение непосредственных целей уголовно-процессуальной деятельности¹⁹¹. Кроме того, достижению целей уголовно-процессуальной деятельности, по мнению автора, может служить и принятие непроцессуальных мер. Будучи в данном случае вспомогательными по отношению к процессуальным средствам, они могут носить разнообразный характер и применяться как правоприменителем в пределах его компетенции, так и другими органами в порядке взаимодействия с ним¹⁹².

Среди работ, изданных после принятия УПК РФ 2001 года, следует отметить работу О.Л. Васильева, предметом рассмотрения которой являются процессуальные средства органов и должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие.

¹⁸⁹ Элькинд П.С. Указ. работа. С. 68.

¹⁹⁰ Там же. С. 39-59.

¹⁹¹ Дубинский А.Я. Понятие, структура и содержание уголовно-процессуальной деятельности / Проблемы социалистической законности: научный сборник. – Харьков, 1989. Выпуск 24. С. 50.

¹⁹² Там же. С. 50-51.

Рассмотрению указанных выше средств предваряют утверждения автора о том, что средство – это «прием, способ действия или достижения чего-нибудь»¹⁹³, и, следовательно, к средствам в уголовном процессе можно отнести определенные процессуальные полномочия, процессуальные действия, процессуальные решения, а также процессуальные формы. Затем самым общим образом обозначаются понятия «процессуальная форма», «процессуальное действие», «полномочие» и формулируется вывод, согласно которому «...процессуальные средства органов расследования – это конкретные полномочия, предоставляемые для осуществления процессуальных действий и принятия решений, сами процессуальные действия (решения) и процессуальные формы, в которые указанные действия и решения облечены»¹⁹⁴.

По мнению О.Л. Васильева, эти средства, исходя из решаемых с их помощью задач, можно разделить как минимум на четыре группы: *средства, определяющие движение процесса* (самостоятельное направление органами расследования хода расследования; возбуждение уголовного дела и отказ в его возбуждении; привлечение лица в качестве обвиняемого; прекращение уголовного дела и уголовного преследования; окончание предварительного расследования); *средства по сбору материалов и по доказыванию* (следственные действия и розыскные меры); *обеспечительные средства* (задержание и применение мер пресечения); *правоохранительные средства*, т.е. средства, которые охраняют права граждан – участников процесса (разъяснение и обеспечение прав участников; принятие мер безопасности в отношении участников процесса; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту; обеспечение права пользоваться родным языком; уведомление родственников, иных лиц и учреждений; уведомление близких родственников или родственников покойного о вынесении постановления об эксгумации; меры попечения о детях, об иждивенцах задержанного или заключенного под стражу подозреваемого (обвиняемого) и меры по обеспечению сохранности его имущества; допущение представителя гражданского ответчика; меры по обеспечению неприкосновенности частной жизни; признание права на реабилитацию; разрешение ходатайств; самоотвод)¹⁹⁵.

В процессуальной литературе предпринята также попытка определить систему средств достижения целей уголовного судопроизводства, используя в качестве исходного положения содержание ч. 2 ст. 6 УПК РФ. В таком случае средствами достижения целей уголовного судопроизводства считаются: уголовное преследование виновных; назначение виновным справедливого наказания; отказ от уголовного преследования невиновных; освобождение невиновных от наказания; реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию¹⁹⁶.

¹⁹³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2000. С. 760.

¹⁹⁴ Васильев О.Л. Процессуальные средства органов и должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2003. № 4. С. 3-4.

¹⁹⁵ Там же. С. 4-25.

¹⁹⁶ Химичева Г.П., Химичева О.В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. 2002. № 10. С. 37; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М., 2003. С. 29.

Как полагает Л.М. Володина, уголовное преследование и наказание виновного в совершении преступления могут рассматриваться как разновидности средств достижения основной цели – защиты прав потерпевшего, защиты общества¹⁹⁷.

Точки зрения по обсуждаемому вопросу можно было бы приводить и дальше, однако в этом нет необходимости, поскольку уже приведенные дают основание для вывода о том, что в отечественной теории уголовного процесса, нет устоявшегося представления о средствах достижения целей уголовного судопроизводства. Это обстоятельство диктует необходимость в определении авторской позиции по данному вопросу, что невозможно сделать без предварительного уяснения понятия «средство».

В общеупотребительном смысле средство – это «1. Прием, способ действия для достижения чего-либо. 2. То, что служит какой-либо цели, необходимо для достижения, осуществления чего-либо. 3. *во множественном числе* Предметы, приспособления или совокупность их, необходимые для осуществления чего-либо»¹⁹⁸.

Неопределенность понятия «средство» в общеупотребительном смысле существенно затрудняет его использование для уяснения средств, обеспечивающих достижение целей уголовного судопроизводства. Подтверждением тому является тот факт, что приведенные выше суждения о средствах достижения целей уголовного судопроизводства, которые, судя по всему, основаны на понятии средства в общеупотребительном значении, не имеют практически ни одной точки соприкосновения.

Иначе решается вопрос о понятии «средств» в философии: средствами, как правило, считаются деятельность человека и применяемые в процессе деятельности предметы.

Исследуя философские аспекты соотношения целесообразности и целей, Т.А. Казакевич писала, в частности: «Цель выступает как сложное соотношение ряда взаимосвязанных сторон, элементов: 1) субъективная цель – идеальный образ будущего явления; 2) материальные и духовные средства, которые применяются для достижения цели; 3) объект, подлежащий изменению, на который направлена целесообразная деятельность и 4) сам преобразующий труд. ... Соединение субъекта цели с объектом его деятельности совершается с помощью средств и целесообразной деятельности»¹⁹⁹. Обращаясь к средствам достижения цели, Т.А. Казакевич пришла к выводу о том, что «сама деятельность людей, материальная и духовная выступает как важнейшее средство осуществления цели»²⁰⁰.

В ходе анализа цели как научной категории, А.А. Чунаева пришла к выводу о том, что средства включают в себя не только предметы, явления природы и созданные человеком орудия труда, но и процессуальную сторону дея-

¹⁹⁷ Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. С. 17.

¹⁹⁸ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. С. 239.

¹⁹⁹ Казакевич Т.А. Указ. работа. С. 45-46.

²⁰⁰ Казакевич Т.А. Указ. работа. С. 48.

тельности, поскольку основное назначение средств – служить цели, а таким свойством обладает и сама деятельность человека²⁰¹.

По мнению М.Г. Макарова, в качестве средства выступают используемые человеком явления, а в широком смысле, как отмечал еще Аристотель, и все его собственные действия в соотношении с целями и объектами воздействия²⁰².

Если приведенные выше суждения экстраполировать на уголовное судопроизводство, то следует согласиться с утверждением П.С. Элькинд о том, что уголовное судопроизводство в целом – это средство достижения целей уголовно-процессуального права. Это обусловлено тем, что основой уголовного судопроизводства является деятельность следователя и суда, в процессе которой могут применяться различного рода научно-технические средства, а деятельность и предметы, как было отмечено выше, являются признаками понятия «средство».

Вместе с тем следует признать, что понятие средства как деятельности и предметов, применяемых в процессе деятельности, носит абстрактный характер и не дает ответа на вопрос о том, какие конкретно средства обеспечивают достижение целей следственной деятельности.

На наш взгляд, ответ на вопрос о средствах достижения целей следственной деятельности, хотя и неисчерпывающий, содержится в нормах УПК РФ, регламентирующих проверку сообщений о преступлениях и соби-
рание доказательств.

1. Как было отмечено в предыдущей главе настоящей работы, первой целью следственной деятельности является *установление наличия (отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела*. Содержание этой цели конкретизировано в ч. 2 ст. 140 УПК РФ, согласно которой «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Если перевести данное положение в практическую плоскость, то оказывается, что целью следственной деятельности, установленной в ч. 2 ст. 140 УПК РФ, является получение сведений как минимум о наличии признаков объекта и объективной стороны состава преступления.

Данные, достаточные для вывода о наличии признаков преступления, могут содержаться в сообщении о преступлении. Кроме того, к сообщению о преступлении, как правило, прилагаются документы или предметы, подтверждающие достоверность сообщения о преступлении.

Как писал М.Ю. Рагинский, «изучение материалов, представленных заявителем, анализ фактических данных, содержащихся в заявлении или сообщении, несомненно, представляют проверку этого заявления (сообщения) и могут дать реальную возможность для обоснованного вывода о наличии или отсутствии признаков преступления»²⁰³.

²⁰¹ Чунаева А.А. Указ работа. С. 14.

²⁰² Макаров В.Г. Указ. работа. С. 29.

²⁰³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова и А.К. Орлова. – М., 1981. С. 150.

Такого же мнения придерживался Н.П. Кузнецов в кандидатской диссертации, посвященной доказыванию в стадии возбуждения уголовного дела. Так, автор писал: «Установив наличие повода, следует выяснить, есть ли основание для возбуждения уголовного дела. С этой целью поступившие сведения должны быть в каждом случае проверены. Способы такой проверки могут быть различными: в одних случаях они заключаются в анализе, сопоставлении между собой уже имеющихся сведений, а в других – в их дополнительной проверке путём получения новых данных (истребование необходимых материалов, получение объяснений и т.п.)»²⁰⁴.

Таким образом, одним из средств достижения цели установления наличия (отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела является изучение полученного сообщения о преступлении на предмет наличия в нём сведений о признаках преступления и отсутствия внутренней противоречивости излагаемых в сообщении сведений.

Если из сообщения о преступлении и приложений к нему невозможно сделать вывод о наличии (отсутствии) признаков преступления, то согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ сообщение подлежит проверке с использованием указанных в ней средств: получения объяснений и образцов для исследования; истребования документов и предметов и их изъятия в порядке, установленном УПК РФ; производства экспертизы; осмотра места происшествия, документов, предметов, трупа; освидетельствования; требования производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов и трупа с привлечением специалистов; направления органу дознания обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

2. Достижение цели разрешения сообщения о преступлении обеспечивается достижением предыдущей цели следственной деятельности, т.е. установлением наличия (отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела. Как писала П.С. Элькинд в цитированной выше работе, «...каждая ближайшая цель, будучи достигнута, становится средством обеспечения последующей цели»²⁰⁵.

3. Средствами достижения такой цели, как установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), по смыслу ч. 1 ст. 74 УПК РФ являются доказательства, поскольку в ней закреплено положение, согласно которому «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». В свою очередь, доказательства могут быть получены путем производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). В связи с этим возникает закономерный вопрос, что в таком случае следует считать средствами установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголов-

²⁰⁴ Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1980. С. 6.

²⁰⁵ Элькинд П.С. Указ. работа. С. 60.

ному делу: доказательства или способы их получения, т.е. производство следственных и иных процессуальных действий.

На наш взгляд, установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, обеспечивается процессуальными средствами, расположенными на трех уровнях. Однако для того, чтобы уяснить их расположение и существующие между ними иерархические связи, необходимо ответить на вопрос о том, какие действия в контексте ч. 1 ст. 86 УПК РФ являются следственными, а какие – иными процессуальными.

Как известно, в УПК РФ нет дефинитивных норм, в которых давалось бы легальное определение следственных и иных процессуальных действий. Нет единого мнения по вопросу понятия и системы указанных действий и в теории уголовного процесса.

Автор настоящей работы неоднократно обращался к рассмотрению проблемы следственных и иных процессуальных действий²⁰⁶, в результате чего была сформулирована следующая позиция.

Системное толкование норм, закрепленных в п. 19 ст. 5, ст. 176, ч. 1 ст. 178, ст.ст. 179, 181, 182-186, 189, 192-194, 195, 275, 277-278, 282, 283-284, 287-290 УПК РФ, дает основание считать следственными действиями: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, допрос, очную ставку, опознание, проверку показаний, назначение и производство судебной экспертизы.

К иным процессуальным действиям относятся: поручение органу дознания проведения оперативно-розыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); получение документов и предметов, представляемых участниками уголовного судопроизводства, для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ); эксгумация трупа (ч.ч. 3-4 ст. 178 УПК РФ); получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ); помещение подозреваемого (обвиняемого) в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ); направление компетентным органам или должностным лицам иностранного государства запроса о правовой помощи (ч. 1 ст. 453 УПК РФ)²⁰⁷.

²⁰⁶ Шумилин С.Ф. 1) Общие вопросы производства следственных действий / Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – М., 1997. С. 244-245; 2) Следственные действия: процессуальный порядок и тактика производства. – Белгород, 2002. С. 5-7; 3) Общие вопросы производства следственных действий / Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М., 2005. С. 278-279; 4) Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. – М., 2006. С. 266-276; 5) Общие вопросы производства следственных действий / Руководство по расследованию преступлений: науч.-практ. пособие / отв. ред. А.В. Гриненко. – М., 2008. С. 354-357; 6) Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2010. С. 236-255.

²⁰⁷ В приведенной системе следственных и иных процессуальных действий не упоминается «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1 УПК РФ). Это объясняется тем, что УПК РФ был дополнен этой статьей после выхода в свет перечисленных работ.

Таким образом, установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, обеспечивается системой процессуальных средств, расположенной на трех уровнях.

Первый уровень – производство иных процессуальных действий, которые обеспечивают предпосылки для производства следственных действий, и поэтому подлежат включению в систему средств, обеспечивающих установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Второй уровень – производство следственных действий как способ получения сведений, которые становятся доказательствами после их проверки по правилам, установленным в ст. 87 УПК РФ, и оценки с точки зрения относимости, допустимости и достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Третий уровень – результаты производства следственных действий, т.е. доказательства, на основании которых формулируется вывод о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Такой подход к определению средств достижения рассматриваемой цели следственной деятельности основан на философском положении, согласно которому «всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности...»²⁰⁸.

В зависимости от конкретных процессуальных ситуаций, складывающихся в ходе производства по уголовному делу, в систему средств, обеспечивающих достижение рассматриваемой цели уголовного судопроизводства, включается: задержание подозреваемого; применение меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого; временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого. В результате применения данных мер процессуального принуждения не устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, однако они включаются в систему средств достижения целей уголовного судопроизводства потому, что их применение обеспечивает надлежащие условия для получения сведений, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

4. *Разрешение уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела (уголовного преследования) или создание предпосылок для разрешения уголовно-правового конфликта в судебном разбирательстве.* Поскольку решение вопроса о том, каким именно способом должен быть разрешен уголовно-правовой конфликт, зависит от результатов доказывания, поскольку достижение указанной цели обеспечивается главным образом достижением предыдущей цели, т.е. установлением наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Кроме того, в систему средств, обеспечивающих законность и обоснованность решения о передаче уголовного дела в суд, включается привлечение лица в качестве обвиняемого и его допрос.

²⁰⁸ Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность / Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв [и др.]. - 2-е изд. – М., 1989. С. 160.

Вопрос о средствах достижения целей следственной деятельности не исчерпывается приведенными соображениями. Как было отмечено в первой главе работы, цели уголовного судопроизводства делятся на постоянные и ситуативные.

Следственная деятельность как деятельность, направленная на исследование события преступления, не предполагает достижение ситуативных целей. Вместе с тем достижение ситуативных целей как обязанность следователя (дознавателя) является средством обеспечения целей следственной деятельности. Это объясняется тем, что без обеспечения безопасности таких участников уголовного судопроизводства, как потерпевший и свидетель, получение от них сведений о событии преступления и других обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, в ряде случаев было бы невозможно. Многолетняя следственная и судебная практика неоднократно подтверждала данное обстоятельство, что и привело в конечном итоге к введению в российское уголовно-процессуальное законодательство института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Вопрос о средствах обеспечения ситуативных целей следующим образом решён в уголовно-процессуальном законодательстве.

Обеспечение безопасности потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Средствами достижения указанной цели являются: 1) сохранение в тайне данных о личности указанных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ лиц при составлении протокола следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); 2) осуществление контроля и записи переговоров лиц, указанных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ; 3) предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); 4) рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); 5) допрос свидетеля в судебном разбирательстве в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Кроме того, безопасность участников уголовного судопроизводства при наличии определённых условий может обеспечиваться непроцессуальными средствами, установленными Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В соответствии со ст. 6 названного закона такими средствами являются: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; 4) переселение на другое место жительства; 5) замена документов; 6) изменение внешности; 7) изменение места работы (службы) или учебы; 8) временное помещение в безопасное место; 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказа-

ния, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое»²⁰⁹.

Установление места нахождения подозреваемого или обвиняемого (п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ). Процессуальным средством достижения указанной цели является поручение органу дознания розыска подозреваемого (обвиняемого), место нахождения которого неизвестно (ч. 1 ст. 209 УПК РФ).

Следует отметить, что в действующем УПК РФ не установлены средства достижения таких ситуативных целей, как обеспечение условий, исключающих угрозу жизни и здоровья лицу, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления (ч. 3 ст. 10 УПК РФ), и принятие мер по сохранению следов преступления в случае передачи сообщения по подследственности или в суд (ч. 3 ст. 145 УПК РФ).

Представляется, что вопрос о средствах достижения названных целей нуждается в самостоятельном исследовании, выходящем за пределы настоящей работы.

Помимо перечисленных средств достижения целей следственной деятельности уголовно-процессуальный закон предусматривает использование криминалистических и психолого-педагогических средств.

«Криминалистические средства и методы, по определению Р.С. Белкина, – разрабатываемые криминалистикой специальная аппаратура, материалы, инструменты, способы действия, рекомендации и пр. по осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений»²¹⁰.

Согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств».

Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве нет запрета на использование в следственной деятельности разработанных в криминалистике тактических приёмов. Более того, о том, что использование тактических приёмов в следственной деятельности допустимо, свидетельствует одно из общих правил проведения допроса, закреплённое в ч. 2 ст. 164 УПК РФ: «Задавать наводящие вопросы запрещается. *В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса* (выделено мною. – С.Ш.)».

Уголовно-процессуальный закон, допуская возможность применения при производстве следственных действий технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, а также тактических приёмов, не указывает, какие именно технические средства и способы, а также тактические приёмы могут применяться при производстве следственных действий.

²⁰⁹ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁰ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. - 2-е изд. доп. – М., 2000. С. 103.

Это объясняется двумя причинами: во-первых, разработка технических средств и способов их применения, способов (правил) применения в уголовном судопроизводстве технических средств общего назначения, тактических приемов и методики расследования преступлений является предметом науки криминалистики, а, во-вторых, уголовно-процессуальный закон не предназначен для перечисления в нём конкретных технико-криминалистических средств и тактических приёмов, применение которых допустимо при производстве следственных действий.

Использование психолого-педагогических средств достижения целей следственной деятельности предусматривается статьями 191 и 425 УПК РФ.

Буквальное толкование норм, устанавливающих особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ст. 191 УПК РФ) и особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 425 УПК РФ), приводит к выводу о том, что психолого-педагогическим средством, обеспечивающим достижение целей следственной деятельности, является участие в производстве указанных следственных действий педагога или психолога.

В теории и практике уголовного процесса высказаны различные мнения относительно целей участия педагога и психолога в следственных действиях с участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого. Однако при всём имеющемся различии точек зрения почти общепризнано то, что основной целью участия педагога и психолога является обеспечение психологического контакта между следователем (дознавателем) и несовершеннолетними участниками следственных действий. Многолетняя следственная практика знает множество примеров успешного использования психолого-педагогических средств для достижения именно этой цели, что, в свою очередь, обеспечивало достижение целей производства конкретных следственных действий, а в конечном итоге – следственной деятельности на определённом этапе уголовного судопроизводства.

Вместе с тем психолого-педагогические средства могут применяться следователем (дознавателем) при производстве следственных действий с участием совершеннолетних. Однако при этом в качестве психологических средств следователь (дознаватель) непосредственно использует разработанные в общей и юридической психологии приёмы для установления контакта с участниками уголовного судопроизводства, для подготовки к проведению отдельных следственных действий (чаще всего допроса), для психологической подготовки участников уголовного судопроизводства к предстоящим следственным действиям (очной ставке, предъявлению для опознания), а в ряде случаев – к участию в предстоящем судебном разбирательстве.

Исследованию вопросов использования криминалистических и психолого-педагогических средств достижения целей отдельных следственных действий и следственной деятельности посвящён значительный массив учебной и монографической литературы, что убеждает в невозможности осуществления даже самого поверхностного анализа этих вопросов в рамках настоящей работы, в связи с чем они не включены в предмет дальнейшего рассмотрения настоящей главы.

Как показывает изучение следственно-судебной практики, в настоящее время проблемный характер носит использование таких средств достижения целей следственной деятельности, как получение объяснений, а также истребование документов и предметов и их изъятие.

Особого внимания заслуживают предложения о расширении средств достижения целей следственной деятельности путём закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве России так называемых негласных следственных (розыскных) действий.

В связи с этим предметом дальнейшего рассмотрения в настоящей главе являются вопросы использования в качестве средств доказывания получения объяснений, истребования документов и предметов и их изъятие, а также вопросы целесообразности расширения средств достижения целей следственной деятельности путём закрепления в УПК РФ негласных следственных (розыскных) действий.

§ 2. Получение объяснения как средство достижения целей следственной деятельности

В российском уголовно-процессуальном законодательстве получение объяснения как средство проверки сообщения о преступлении предусматривалось как минимум с 1832 года, т.е. с момента издания Свода законов уголовных²¹¹, который состоял из двух книг: «Книга 1. О преступлениях и наказаниях вообще» и «Книга 2. О судопроизводстве по преступлениям» (далее по тексту Книга 2 обозначена «Свод законов 1832 г.»)²¹².

В ст. 791 Свода законов 1832 г.²¹³ были перечислены следующие поводы к начатию следствия: извещение²¹⁴; жалоба; донос²¹⁵; доношения прокуроров и стряпчих; явка с повинной (ст. 912 Свода законов 1842 г., ст. 34 Свода законов 1857 г.).

²¹¹ Свод законов уголовных. Книга вторая. О судопроизводстве по преступлениям. – СПб., 1832.

²¹² Нумерация статей в Своде законов уголовных была сквозной: Книга 1 включала в себя статьи 1-765, а Книга 2 – статьи 766-1594.

²¹³ Статьи главы первой «О поводах к начатию следствия» Раздела второго «О предварительном следствии» Свода законов 1832 г. были воспроизведены в последующих изданиях: «Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленные. Законы уголовные. – СПб., 1842» (далее по тексту «Свод законов 1842 г.») и «Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Т. 15. Законы уголовные. – СПб., 1857» (далее по тексту «Свод законов 1857 г.»).

²¹⁴ «Всякий обязан доводить до сведения надлежащего начальства об известных ему признаках учинённого преступления (а). Таковое простое донесение не подвергает извещающего ни обязанности доказывать преступление, ни ответственности в случае, когда оно не будет доказано (б)» (ст. 793 Свода законов 1832 г., ст. 913 Свода законов 1842 г., ст. 36 Свода законов 1857 г.).

²¹⁵ «Доносом признаётся явное обвинение кого-либо в преступлении» (ст. 799 Свода законов 1832 г., ст. 920 Свода законов 1842 г., ст. 44 Свода законов 1857 г.).

В ст. 794 Свода законов 1832 г. содержалось требование следующего рода: «по получении извещения, немедленно *расспрашивать того, кто учинил оное*, об обстоятельствах происшествия, а равно и о том, на чём утверждается вероятность его показаний» (ст. 915 Свода Законов 1842 г., ст. 37 Свода законов 1857 г.).

При этом расспрос (по современной терминологии – получение объяснения) имел решающее значение при принятии решения о начатии следствия или об отказе от начатия следствия. Так, в ст. 795 Свода законов 1832 г. было сформулировано правило следующего содержания: «Если извещение найдено будет вовсе неосновательным, то не производить никакого следствия» (ст. 916 Свода законов 1842 г., ст. 38 Свода законов 1857 г.).

Согласно ст. 808 Свода законов 1832 г. средством проверки достоверности сведений, изложенных в доносе, был также расспрос доносителя, который должен был быть произведен немедленно по получении доноса (ст. 931 Свода законов 1842 г., ст. 55 Свода законов 1857 г.).

Последствия расспроса были изложены в ст. 809 Свода законов 1832 г. следующим образом: «Если доносителем не представлено никакого доказательства или поручительства в вероятности доноса, а основан он на одних слухах и подозрениях, то хотя и надлежит записывать о том в протокол для ведома впредь, но не производить никакого следствия» (ст. 934 Свода законов 1842 г., ст. 58 Свода законов 1857 г.).

Значение расспроса как основного средства проверки достоверности сведений о совершенном преступлении или проступке сохранилось и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее по тексту – *Устав*)²¹⁶.

Так, в ст. 307 Устава было сформулировано императивное предписание следующего содержания: «По получении объявления или жалобы судебный следователь или полицейское должностное лицо немедленно расспрашивает объявителя или жалобщика об обстоятельствах происшествия или об известных ему признаках преступного деяния...».

В литературе тех лет расспрос как средство проверки объявлений и жалоб получил высокую оценку. В частности, А.А. Квачевский (бывший прокурор Кашинского окружного суда, председатель Острогожского окружного суда, присяжный поверенный) писал, что «словесный расспрос объявителя и жалобщика, подавшего объявление на письме, важен не только для пополнения письменных сведений, но и для подтверждения действительности этих сведений»²¹⁷.

Бывший Санкт-Петербургский столичный судебный следователь, присяжный поверенный П.В. Макалинский так оценивал значение расспроса: «Расспрос заявителя чрезвычайно важен, хотя бы заявление было и письменное. Он есть первая проверка основательности заявления; им без дальнейшего исследования может быть обнаружена или недостоверность объявления, что даёт сле-

²¹⁶ Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 1. Судебные уставы. 1892. Устав Уголовного Судопроизводства. С. 367-521; URL: www.civil.consultant.ru

²¹⁷ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. – С.-Пб. 1867. Ч. 2. С. 178.

дователю право оставить его без последствий, или неподсудность дела. При малом развитии у нас грамотности, объявления и жалобы пишутся посторонними грамотеями нередко так, что сами объявители и жалобщики не понимают того, что написано в их объявлениях, и с первых же слов обнаруживают, что дело совсем не так, как оно описано в поданных ими бумагах. Поэтому только после расспроса объявителя или жалобщика объявления их или жалобы получают значение законных поводов к начатию следствия, тем более что по предварении о наказаниях за лживые доносы заявитель может быть откажется от своего заявления»²¹⁸.

В первых уголовно-процессуальных кодекса РСФСР 1922 и 1923 гг.²¹⁹ получение объяснений как средство проверки сообщения о преступлении не предусматривалось, впрочем, как не предусматривалось и самой проверки.

Однако в 1928 г. Народный Комиссариат Юстиции и Верховный Суд РСФСР дали органам юстиции ряд указаний, в том числе указание следующего содержания: «...всякое заявление, поступившее к прокурору, в суд или органам расследования, прежде всего, должно быть рассмотрено с точки зрения наличия состава преступления, а также с точки зрения возможности применения ст.ст. 6 и 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. *Прежде чем приступить к расследованию, необходимо использовать все прочие возможности для уяснения дела – запросы, затребования объяснений и т.д.* (выделено мною. – С.Ш.)»²²⁰.

В апреле 1935 года прокуратура СССР направила в территориальные и транспортные прокуратуры циркуляр, в котором содержалось следующее предписание: «Установить, что в случаях, когда для решения вопроса о необходимости возбуждения расследования требуется та или иная проверка, таковая должна производиться лично прокурором или через общественный актив»²²¹.

В ходе правовой реформы 1958-1960 гг. в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР в качестве средств проверки сообщений о преступлениях были предусмотрены: 1) возможность истребования по поступившим заявлениям и сообщениям необходимых материалов и получения объяснений без производства следственных действий (ч. 2 ст. 109) и 2) производство осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 2 ст. 178).

²¹⁸ Макалинский П.В. Указ. работа. С. 232-233.

²¹⁹ Постановление Центрального Исполнительного Комитета от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230; постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

²²⁰ Директивное письмо Народного Комиссариата Юстиции и Верховного Суда РСФСР о карательной политике» от 20 августа 1928 г. // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 33. С. 919.

²²¹ Циркуляр прокуратуры СССР от 20 апреля 1935 г. № 15/4 «О мерах против неосновательного возбуждения дел» / Сборник приказов прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / сост.: А.К. Орлов, Б.И. Солерс; под ред. А.Я. Вышинского. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НКЮ СССР, 1939. С. 148-149.

В первоначальной редакции УПК РФ 2001 г., как известно, получение объяснений как средство проверки сообщения о преступлении не предусматривалось и было включено в ч. 1 ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2013 № 92-ФЗ.

В промежутке между вступлением УПК РФ 2001 г. в законную силу и внесением дополнений в ч. 1 ст. 144 этого кодекса в теории и практике было высказано не поддающееся исчислению количество суждений *pro et contra* получения объяснений, равно как и суждений относительно целесообразности существования в системе российского уголовного судопроизводства проверки сообщений о преступлениях.

В это же время судебно-следственная практика жила своей жизнью: следователи (дознаватели), ежедневно испытывая трудности с установлением наличия (отсутствия) оснований для возбуждения уголовных дел без получения дополнительной информации от заявителей, очевидцев, да и лиц, в отношении которых должен решаться вопрос о возбуждении уголовного дела, получали от этих лиц объяснения и на основе полученных при этом сведений, принимали одно из предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ решений.

Суды, рассматривая жалобы на необоснованность решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, принятого на основании сведений, полученных в том числе из объяснений, принимали разные решения.

С точки зрения отсутствия в тот период времени упоминания в УПК РФ о возможности получения объяснений особый интерес представляют обнаруженные нами решения Пермского краевого суда от 22.12.2011 по делу № 22-10353 и Московского городского суда от 04.06.2014 № 10-6807/2014. Интерес эти решения вызывают потому, что в них постановления, принятые на стадии возбуждения уголовного дела, были признаны необоснованными из-за отсутствия в материалах проверки объяснений конкретных лиц.

Так, например, в одном из отделов полиции г. Перми 9 июля 2011 г. было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту обрыва заправочного пистолета на АЗС по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Администрация АЗС в порядке ст. 125 УПК РФ обратилась в суд первой инстанции с жалобой на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Жалоба была удовлетворена, однако помощник прокурора принёс на решение суда кассационное представление, в котором просил постановление суда первой инстанции отменить с направлением материала на новое судебное рассмотрение, обосновывая это тем, что ущерб от действий неустановленного водителя не является для АЗС значительным, в связи с чем отсутствуют признаки какого-либо преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам не нашла оснований для отмены постановления суда первой инстанции, поскольку «вопреки доводам кассационного представления, суд правильно указал на то, что при проведении доследственной проверки не был установлен владелец автомобиля, от него *не было*

получено объяснение, в связи с чем не были установлены умысел и мотив содеянного (выделено мною. – С.Ш.)»²²².

Диаметрально противоположное решение было принято Московским городским судом по результатам рассмотрения жалобы на решение дознавателя о возбуждении уголовного дела и постановление суда первой инстанции, которым это решение было оставлено в силе.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и направил материалы, представленные органами дознания в суд, на новое судебное рассмотрение, так как в них *«отсутствует объяснение самой подозреваемой»*²²³.

В процессуальной литературе высказано мнение о том, что и после внесения дополнений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, ситуация практически не изменилась, поскольку, во-первых, законодатель не предусмотрел порядок получения объяснений и «как показывает судебнo-следственная практика, органы дознания продолжают оформлять устные опросы граждан "по старинке", а, во-вторых, доказательственное значение полученное объяснение может иметь только при условии соблюдения положений ст. 75 УПК РФ. Отсюда следует вывод: "...можно с уверенностью сказать, что дабы стать доказательством по уголовному делу, протокол объяснения по форме не должен уступать протоколу допроса"»²²⁴.

Неясно, что означает оформление устных опросов граждан «по старинке», и что значит «протокол объяснения по форме не должен уступать протоколу допроса»?

Самое интересное то, что следственно-судебную практику, по-видимому, не интересует форма, в которую облечено объяснение, а вот относительно использования полученных объяснений и их процессуального статуса изменения как раз произошли, но пока они страдают разнонаправленностью.

Если в следственной практике нет заметных изменений в части получения объяснений и использования полученных при этом сведений как для принятия решений о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовных дел, так и иных решений, принимаемых на стадии предварительного расследования, то в судебной практике наметилась поляризация в решениях о признании объяснений доказательствами по уголовным делам.

Прежде всего отметим, наличие значительного количества приговоров судов первой инстанции, в которых указано:

- «вина Полтараченко подтверждается письменными материалами дела: ... протоколом осмотра предметов и постановлением о признании и приобщении их в качестве вещественных доказательств от 14.06.2016, согласно которым было осмотрено и приобщено в качестве вещественного доказательства: объяс-

²²² Кассационное определение Пермского краевого суда от 22 декабря 2011 г. по делу № 22-10353 // СПС «КонсультантПлюс».

²²³ Кассационное определение Московского областного суда от 11 декабря 2012 г. по делу № 22-8731 // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁴ Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. – М., 2016. С. 50.

нение Полтараченко И.Н., (...), приобщенные к материалу предварительной проверки по факту дорожно-транспортного происшествия»²²⁵;

- «вещественные доказательства: объяснение Н., ... хранящиеся в материалах настоящего уголовного дела, по вступлении в законную силу, должны быть оставлены в материалах уголовного дела в течение всего срока хранения последнего»²²⁶;

- «вещественные доказательства – объяснения Юсупова Н.Р. и Юсупова Р.Р. – оставить при уголовном деле...»²²⁷ и др.

Возникает вопрос, по каким признакам суды признают объяснения, полученные в ходе проверки сообщений о преступлениях, вещественными доказательствами? Вопрос, скорее, риторический, но все-таки почему бы не рассматривать объяснение как иной документ, предусмотренный ст. 83 УПК РФ?

С этой точки зрения более соответствующей действительности может считаться формулировка в описательно-мотивировочной части приговора Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 12.12.2016 следующего содержания: «Изложенное объективно подтверждается письменными доказательствами по делу: ...*иным письменным доказательством – объяснением Соломонова И.В.* (выделено мною. – С.Ш.), данным им 02.06.2016 после написания заявления о явке с повинной...»²²⁸.

Продолжая рассматривать судебную практику, обнаруживаем дальнейшую поляризацию: одни суды в приговорах дают обстоятельную оценку объяснений как доказательств, причём, судя по содержанию некоторых приговоров, суды в ряде случаев отдают предпочтение сведениям, полученным из объяснений.

Примером такого использования может быть извлечение из описательно-мотивировочной части приговора Ленинского районного суд г. Костромы от 22 мая 2017 г. по делу Шаломской Е.А. и Гречиной К.С.:

«В судебном заседании оглашены протоколы очных ставок Шаломской Е.А. и Гречиной К.С. от (...) и (...) соответственно, а также их показания, содержащиеся в объяснениях от (...), (...) года и (...).

Согласно указанным документам Шаломская Е.А. и Гречина К.С. по обстоятельствам трудоустройства и работы операторами в игровом клубе по адресу: ... дали пояснения, в целом аналогичные пояснениям Ранцевой Е.А.

Оценивая указанные документы, суд признает их допустимыми доказательствами по делу. Из материалов дела следует, что явки с повинной Ранцевой Е.А., Шаломской Е.А. и Гречиной К.С. соответствуют положениям ст. 142 УПК РФ.

²²⁵ Приговор Гурьевского городского суда Кемеровской области от 5 апреля 2017 г. по делу № 1-292/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

²²⁶ Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 16 июня 2017 г. по делу № 1-188/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.

²²⁷ Приговор Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 30 мая 2017 г. по делу № 1-102/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.

²²⁸ Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 12 декабря 2016 г. по делу № 1-257/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

Не находит суд оснований и для признания недопустимыми доказательствами объяснения Ранцевой Е.А., Шаломской Е.А. и Гречиной К.С. данных ими в рамках предварительного расследования, поскольку их опрос произведен с соблюдением требования п. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

В частности, Ранцевой Е.А., Шаломской Е.А. и Гречиной К.С. разъяснялись права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ, о чем свидетельствуют их подписи в документах. При этом следователем была обеспечена возможность осуществления этих прав.

Таким образом, суд признает показания подсудимых Ранцевой Е.А., Шаломской Е.А. и Гречиной К.С., содержащиеся в протоколах явок с повинной и их объяснениях, допустимыми доказательствами по уголовному делу. *Они в целом наиболее полно и точно воссоздают объективную картину произошедшего и исследованного судом события* (выделено мною. – С.Ш.). Данные показания не противоречат исследованным в суде доказательствам. Поэтому суд кладет их в основу приговора»²²⁹.

Десятки, если не сотни приговоров, в которых содержатся ссылки на объяснения как на доказательства, размещены на портале «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» по интернет-адресу: www.sudact.ru.

Более того, на указанном портале размещён приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 10 октября 2016 г. по делу № 1-148/2016, в описательно-мотивировочной части которого указано, что вина подсудимого в совершении указанного преступления подтверждается «объяснением Голубчикова Д.А., данным им в ходе административного расследования непосредственно после совершения дорожно-транспортного происшествия...»²³⁰.

Здесь же опубликованы и приговоры, в которых объяснения, полученные в ходе проверки сообщений, не признаются доказательствами. Анализ содержания таких приговоров обнаружил две основные причины, по которым суды не признают объяснения доказательствами.

Одна из них заключается в том, что объяснения не указаны в ст. 74 УПК РФ.

Так, например, в описательно-мотивировочной части приговора Белгородского районного суда Белгородской области от 28 декабря 2016 г. указано, что «представленное стороной защиты в качестве доказательств объяснение "ПВА" ... не может принять во внимание, поскольку оно не может быть принято как доказательство по уголовному делу, перечень которых отражен в ст. 74 УПК РФ и не является таковым»²³¹.

²²⁹ Приговор Ленинского районного суда г. Костромы от 22 мая 2017 г. по делу № 1-56/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.

²³⁰ Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 10 октября 2016 г. по делу № 1-148/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

²³¹ Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 28 декабря 2016 г. по делу № 1-251/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

В некоторых приговорах ст. 74 УПК РФ интерпретируется довольно-таки своеобразным образом.

В частности, в приговоре Таганрогского городского суда Ростовской области от 28 июля 2016 г. признаны недопустимыми доказательствами объяснения лиц, в отношении которых проводилась проверка сообщения о совершении ими преступления, поскольку объяснения «не содержат сведений о разъяснении им процессуальных прав и обязанностей согласно их фактическому процессуальному положению в момент их опроса ... в связи с чем в силу ч. 2 ст. 74 УПК РФ такие объяснения, по мнению суда, не отнесены к числу доказательств по уголовному делу (выделено мною. – С.Ш.), которые могут быть использованы судом при установлении наличия либо отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию»²³².

В связи с этим возникает вопрос относительно правомерности признания доказательствами по уголовным делам ряда других документов, которые не указаны в ст. 74 УПК РФ. Так, например, в ст. 74 УПК РФ не указаны: паспорт или свидетельство о рождении, а он является документом, удостоверяющим возраст несовершеннолетнего; акты документальных проверок и ревизий, которыми устанавливаются недостатки денежных средств или материальных ценностей; материалы служебных расследований и т.д. Однако же суды не признают их недопустимыми доказательствами.

Действительно в ст. 74 УПК РФ нет нормы, в которой содержалось бы указание на объяснения как на доказательства, в части второй этой статьи закреплено положение о том, что в качестве доказательств допускаются иные документы. В свою очередь, в ч. 1 ст. 84 УПК РФ, которая называется «Иные документы», закреплена норма, согласно которой «иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в статье 73 настоящего Кодекса».

В связи с этим следует напомнить, что в одной из фундаментальных работ по теории доказательств, изданной в 1967 году, Г.М. Миньковский и В.Г. Танасевич писали о том, что иные документы могут иметь доказательственное значение независимо от времени их составления, а также от того – составлены ли в связи с возбуждённым уголовным делом или независимо от него.

Авторы различали «иные документы»: 1) составленные независимо от производства по уголовному делу, но содержащие описание события, которое является предметом уголовного дела, либо устанавливающие отдельные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; 2) фиксирующие обстоятельства события, являющегося предметом уголовного дела, наличие или отсутствие признаков преступления, составленные в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе объяснения должностных лиц и т.п.; 3) фиксирующие

²³² Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 28 июля 2016 г. по делу № 1-61/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

фактические данные, известные их составителю лично или из других документов, в том числе характеристики, акты, справки и т.п.²³³

Все группы иных документов Г.М. Миньковский и В.Г. Танасевич оставили открытыми, поскольку невозможно перечислить все те документы, которые могут приобрести статус «иных документов», если их ввести в уголовное судопроизводство. Следовательно, если продолжить логический ряд документов второй группы, то с учётом положений действовавшей в тот период ст. 109 УПК РСФСР в эту группу входили и объяснения граждан. Это находит своё подтверждение и в дальнейших суждениях авторов о том, что «в процессе проверочных действий органа, разрешающего вопрос о возбуждении уголовного дела, нередко поступают различные заявления и объяснения граждан...», получение которых предусмотрено ст. 109 УПК РСФСР²³⁴.

Г.М. Миньковский и В.Г. Танасевич особо подчеркнули, что наличие в заявлении или объяснении фактических данных об обстоятельствах, которые должны стать предметом допроса заявителя, не лишает заявление или объяснение самостоятельного доказательственного значения²³⁵.

Приведенные суждения не утратили своей актуальности и в настоящее время. Мы не видим никаких препятствий для использования объяснений как доказательств в уголовном процессе при условии, если при их получении не нарушены права и законные интересы лиц, от которых получают объяснения.

Вторая причина относится к объяснениям, которые были получены от лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении.

Так, в описательно-мотивировочной части приговора Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра от 5 декабря 2016 г. по делу № 1-21/2016 решение суда о непризнании объяснения доказательством мотивировано тем, что «на момент опроса Нарушев Е.И. фактически являлся подозреваемым в совершении указанного выше преступления, однако права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, ему не разъяснялись, только ст. 51 Конституции Российской Федерации и другие процессуальные права, в значительно меньшем объёме, чем они указаны в ст. 46 УПК РФ»²³⁶.

В некоторых приговорах указаны обе причины, по которым объяснение не признаётся доказательством по уголовному делу.

Так, в описательно-мотивировочной части приговора Александровского районного суда Ставропольского края от 4 апреля 2017 г. указано, что «суд соглашается с доводами адвоката (...) об исключении из числа доказательств объяснений (...) от (...), протокола осмотра объяснений от (...) и постановления о призна-

²³³ Миньковский Г.М., Танасевич В.Г. Протоколы следственных и судебных действий и иные документы / Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная. – М., 1967. С. 312-313; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – 2-е изд., исправ. и доп. – М., 1973. С. 681.

²³⁴ Миньковский Г.М., Танасевич В.Г. Протоколы следственных и судебных действий и иные документы. С. 318.

²³⁵ Там же. С. 319.

²³⁶ Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа Югра от 5 декабря 2016 г. по делу № 1-21/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

нии и приобщении объяснений (...) в качестве вещественных доказательств и относит их к доказательствам, не имеющим юридической силы и исключает из числа доказательств, поскольку объяснения лиц, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии со ст. 74 УПК РФ, не являются доказательствами по делу, и более того (...) изложенные в объяснении сведения не подтвердил в судебном заседании, объяснения у него отбирались в отсутствии защитника, что в соответствии п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ закон относит к недопустимым доказательствам»²³⁷.

В процессуальной литературе высказываются суждения о неразрешимости противоречия между положениями ч. 1 ст. 144 УПК РФ относительно возможности получения объяснений и ст. 75 УПК РФ, в которой содержатся критерии признания доказательств недопустимыми, и в связи с этим предлагается допустить в стадии возбуждения уголовного дела производство допроса.

На наш взгляд, столь радикальное предложение насколько заманчиво и настолько же необоснованно.

Если возвратиться в не такое уж и далёкое прошлое российского уголовного судопроизводства, которое, кстати, нашло своё проявление и в настоящем, то оказывается, что современные представления об объяснениях как доказательствах до некоторой степени гипертрофированы.

Напомним, что согласно ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР 1960 г. одним из средств проверки сообщения о преступлении было получение объяснений.

В теории уголовного процесса ряд авторов придерживался точки зрения о том, что «материалы и объяснения, полученные в порядке, предусмотренном ст. 109, являются основанием лишь для возбуждения уголовного дела»²³⁸.

Вместе с тем высказывались и диаметрально противоположные суждения. В частности, Н.П. Кузнецов в цитированной выше работе утверждал, что объяснения граждан и должностных лиц, полученные до возбуждения уголовного дела, имеют доказательственное значение. В подтверждение автор сделал ссылку на конкретное уголовное дело, решение по которому было опубликовано в бюллетене Верховного Суда РСФСР за 1979 год.

На основании результатов проведенного исследования Н.П. Кузнецов предлагал «дополнить ст.ст. 281, 286 УПК РСФСР (ст.ст. 276, 281 УПК РФ – С.Ш.) указанием на то, что в случае, когда имеются существенные противоречия между показаниями свидетелей и подсудимых, данными ими в процессе расследования и на судей, с одной стороны, и объяснениями, полученными у тех же лиц до возбуждения уголовного дела, – с другой, эти объяснения могут быть оглашены в судебном заседании», что «будет способствовать полному, всестороннему и объективному исследованию всех обстоятельств дела и вынесению законного и обоснованного решения»²³⁹.

²³⁷ Приговор Александровского районного суда Ставропольского края от 4 апреля 2017 г. по делу № 1-13/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.

²³⁸ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – М., 1976. С. 613; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова и А.К. Орлова. – М., 1981. С. 530.

²³⁹ Кузнецов Н.П. Указ. работа. С. 12.

Однако значительно больший интерес представляет то, что начиная с 1966 года объяснения, полученные в процессе проверки сообщений о преступлениях, без каких-либо условий использовались в качестве доказательств в уголовном процессе.

Основанием для этого послужило то, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 августа 1966 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года (далее – УПК РСФСР)²⁴⁰ был дополнен самостоятельным разделом девятым «Производство по делам о хулиганстве».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1977 г.²⁴¹ в раздел девятый и главу 34 УПК РСФСР были внесены изменения, и они стали называться «Производство по делам о хулиганстве и мелком хищении государственного или общественного имущества».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г.²⁴² были внесены очередные изменения в раздел 9 и главу 34 УПК РСФСР, в результате чего они стали называться «Протокольная форма досудебной подготовки материалов».

В конечном итоге ст. 414 УПК РСФСР была изложена в следующей редакции: «Порядок производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, 119, 127 частью первой, 129, 130, 157, 158 частью первой, 159 частью первой, 160 частью первой, 161 частью первой, 165 частью первой, 166 частью первой, 167 частью первой, 168 частью первой, 171 частью первой, 175 частью первой, 200, 213 частью первой, 214, 231 частью первой, 244, 245, 256, 258, 260 частью первой, 261 частью первой, 297, 308, 310, 311 частью первой, 312, 313 частью первой, 314, 315, 319, 324, 325 и 329 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяется общими правилами настоящего Кодекса за изъятиями, установленными статьями настоящей главы».

Что же касается изъятий, то они как раз касались проверки сообщения о преступлениях, перечисленных в ст. 414 УК РСФСР. В ст. 415 УПК РСФСР, которая называлась «Порядок направления материалов в суд», было установлено правило, согласно которому «по делам о преступлениях, перечисленных в статье 414 настоящего Кодекса, органы дознания не позднее чем в десятидневный срок устанавливают обстоятельства совершенного преступления и личность правонарушителя, *получают объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц* (выделено мною. – С.Ш.), истребуют справку о наличии или отсутствии судимости у правонарушителя, характеристику с места его работы или учебы и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в суде».

²⁴⁰ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 августа 1966 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 35. Ст. 946.

²⁴¹ Указ Президиума ВС РСФСР от 13 декабря 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1217.

²⁴² Указ Президиума ВС РСФСР от 24 января 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

При этом в УПК РСФСР не устанавливалась ни форма объяснения, ни содержание объяснения, ни порядок его получения.

В комментариях к УПК РСФСР высказывались рекомендации о том, что в объяснении необходимо указать: место и время дачи объяснений, фамилия и должность получившего их должностного лица, основные демографические сведения о лице, дающем объяснения (фамилия, имя, отчество; время и место рождения, адрес, место работы), сущность объяснений по поводу характера и обстоятельств правонарушения; для потерпевшего и очевидцев – отношения с правонарушителем²⁴³.

Рекомендовалось также зачитывать объяснение давшему их лицу или предоставить ему возможность прочитать объяснение лично, о чём сделать отметку в конце объяснения. Рекомендовалось также подписывать каждую страницу объяснения давшим его лицом, а последнюю страницу – и лицом, получившим объяснение.

Представляют интерес комментарии к процессуальному положению лиц, от которых получали объяснения. По мнению комментаторов очевидца, давшего объяснения в порядке, предусмотренном ст. 415 УПК РСФСР, нельзя считать свидетелем в процессуальном смысле, так как последний появляется в уголовном процессе лишь после возбуждения дела, а материалы о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 206 УК РФ, по которому проводилась проверка, передаются в суд без возбуждения дела.

Из этого формулировался логический вывод о том, что очевидец не может нести уголовную ответственность за отказ или уклонение от дачи объяснений по ст. 182 УК РФ.

Однако далее следовали рассуждения, которые, по нашему мнению, были отражением противоречивости складывающейся ситуации. С одной стороны, лицо, от которого получают объяснение, в процессуальном смысле не является ни потерпевшим, ни свидетелем, а значит, не может быть предупреждено об уголовной ответственности по ст. 182 УК РФ. С другой стороны, материалы, в которых содержится его объяснение, будут основанием для проведения судебного разбирательства и будут положены в основу приговора.

Отсюда появились невнятные рекомендации следующего содержания: «В случаях, когда очевидец сообщил при проверке заведомо ложные сведения по поводу совершенного хулиганства или виновных в нём лиц, он должен (может) нести ответственность за заведомо ложный донос по ст. 181 УК РФ, так как ложный донос является сообщением органам, имеющим право возбуждения уголовного дела, заведомо неправильных сведений о преступлении или преступнике»²⁴⁴.

²⁴³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – М., 1976. С. 614; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекункова и А.К. Орлова. – М., 1981. С. 529; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. С. 675; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской, И.Л. Петрухина. – М., 1999. С. 485.

²⁴⁴ Там же.

Думается, авторы комментариев не учитывали то, что в ст. 414 УПК РСФСР было закреплено правило, согласно которому на уголовные дела о хулиганстве и мелком хищении государственного имущества распространялся общий порядок судебного разбирательства. Следовательно, лица, от которых были получены объяснения, вызывались в судебное разбирательство для участия в качестве подсудимых, потерпевших и свидетелей. Согласно ст. 282 УПК РСФСР свидетель до начала допроса предупреждался об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, а поскольку потерпевший, в соответствии со ст. 287 УПК РСФСР, допрашивался по правилам, установленным для допроса свидетелей, постольку и он предупреждался об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

В свете вышеизложенного представляется, что законодатель, включая получение объяснений в проверочные средства сообщений о преступлениях, предполагал, что необходимость в получении объяснений обусловлена срочностью ситуации, возникающей в связи с получением сообщения о преступлении. Если вспомнить о том, что согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ «после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания...», а значит, в случае задержания по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, уголовное дело ещё не возбуждено, то следователю (дознавателю) в эти 3 часа предстоит установить наличие или отсутствие основания для возбуждения уголовного дела, после чего допустимо применение такой меры процессуального принуждения, как задержание. Соответственно, установление наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела в данной ситуации немыслимо без получения объяснения от доставленного лица.

Конституционный Суд Российской Федерации считает, что в данном случае лицо фактически является подозреваемым, и, значит, ему принадлежат все права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ. Реально задержанный на этом отрезке времени может реализовать только право пользоваться помощью защитника. Но всегда ли следователь (дознаватель) может обеспечить участие защитника в столь короткий промежуток времени? Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно, а значит, следует предвидеть неблагоприятные последствия сложившейся ситуации в виде признания недопустимым доказательством полученного от задержанного лица объяснения.

Вместе с тем нельзя согласиться с Б.Т. Безлепкиным, который предлагает вместо получения объяснения на стадии возбуждения уголовного дела проводить опрос, т.е. предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскное мероприятие.

По мнению автора, «внепроцессуальный разведывательный *опрос* – гласное, гибкое оперативно-розыскное действие, наилучшим образом приспособленное для собирания устной информации о преступлении и лице, его совершившем, среди неопределённо широкого круга лиц, применяемое в полицейской практике всех стран. Итоги опроса могут быть подведены в рапорте оперативного работника на имя руководителя органа (традиционный для России аналог полицейского отчёта). Внедрение такой практики в доследственную

проверку вместо поголовных вязких письменных объяснений, дискредитирующих стадию возбуждения уголовного дела, способствовало бы восстановлению её смысла, определяемого скромной задачей – быстро (оперативно) определить наличие или отсутствие *признаков преступления*, и только»²⁴⁵.

Однако не следует гипертрофировать негативные последствия невозможности обеспечить участие защитника в ходе получения объяснения от доставленного лица. Во-первых, сразу же после возбуждения уголовного дела и составления протокола задержания у следователя (дознателя) появляется возможность допросить теперь уже подозреваемого, соблюдая все те требования, которые предъявляются в ч. 4 ст. 92 УПК РФ. Во-вторых, как показывает изучение судебной практики, признание судами первой инстанции недопустимыми объяснений, полученных в ходе проверки сообщений о преступлениях, как правило, не влияет на постановление приговоров. Во всяком случае, мы не обнаружили оправдательных приговоров, в основу которых было бы положено признание недопустимыми объяснений, полученных на стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, как уже было отмечено, принятые на стадии возбуждения решения без получения объяснений от лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении, при наличии к тому возможности, признавались судами как необоснованные.

§ 3. Изъятие документов и предметов как средство достижения целей следственной деятельности

В следственной деятельности получение в ходе проверки сообщений о преступлениях, документов или предметов во все времена было проблематичным. По-видимому, неслучайно в ст. 270 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. было закреплено положение, согласно которому «законные требования судебного следователя исполняются как полицией, так и присутственными местами, должностными и частными лицами без замедления».

В ходе правовой реформы 1958-1960 гг. в УПК РСФСР 1960 г. было включено полномочие прокурора, следователя, органа дознания и судьи на истребование необходимых материалов (ч. 2 ст. 109). Однако в УПК РФ 2001 г. такого полномочия следователя (дознателя) не было, и только Федеральным законом от 4 марта 2013 г. ч. 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена формулировкой, согласно которой в ходе проверки сообщения о преступлении допускается истребование документов и предметов и их изъятие.

Включение в ч. 1 ст. 144 УПК РФ названного выше проверочного действия не решило проблему, поскольку сразу же в следственной и судебной практике возник вопрос о том, как понимать термин «изъятие документов и предметов».

²⁴⁵ Безлепкина Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 14-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. С. 212.

Анализ норм УПК РФ, в которых встречается слово «изъятие» или хотя бы предполагается изъятие чего бы то ни было в ходе уголовного судопроизводства, приводит к выводу, что действие, которое называется «изъятие» является составным элементом таких следственных действий, как осмотр места происшествия, жилища или иного помещения, обыск и выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления. Можно также вести речь об изъятии при производстве освидетельствования. В ст. 179 УПК РФ, которая установила порядок освидетельствования, нет никаких упоминаний об изъятии, но в ч. 1 ст. 180 (Протоколы осмотра и освидетельствования) указано, что «в протоколах перечисляются и описываются все предметы, *изъятые при* осмотре и *освидетельствовании*» (выделено мною. – С.Ш.).

Правоприменительная практика отреагировала на приведенную новеллу уголовно-процессуального законодательства следующим образом.

Уже в апреле 2013 г. Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации издала «Методические рекомендации по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме». В этом нормативном акте III раздел называется «Проведение доследственной проверки сообщений о преступлениях при производстве дознания в сокращенной форме» и в нем содержатся следующие положения:

«В ходе проведения проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ дознаватель ФССП России вправе:

...2. Истребовать документы и предметы, производить их выемку в порядке статьи 183 УПК РФ.

Выемка производится с целью изъятия определенных предметов и документов, имеющих впоследствии значение для уголовного дела, при обстоятельствах, когда точно известно, где и у кого они находятся.

При этом необходимо помнить, что выемка в жилище, а также предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится на основании судебного решения.

В исключительных случаях, когда производство выемки в жилище, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи не терпит отлагательства, указанные проверочные мероприятия могут быть произведены на основании постановления дознавателя без получения судебного решения»²⁴⁶.

В сентябре 2013 г. следователь Симоновского МСО СУ по ЮАО ГСУ СК России по г. Москве Д. в ходе проверки сообщения о преступлении обратился в Симоновский районный суд г. Москвы с ходатайством о разрешении выемки медицинских документов в ООО НПЦ «СХиО».

²⁴⁶ Методические рекомендации по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме: утверждены ФССП России 26 апреля 2013 г. № 04-7 // СПС «КонсультантПлюс».

Рассмотрев ходатайство следователя и материалы проверки сообщения об обнаружении трупа Голубь Д.Ю., суд удовлетворил ходатайство следователя.

Адвокат Гриценко И.Ю. обжаловала постановление суда как незаконное и необоснованное, поскольку суд первой инстанции в нарушение требований УПК РФ удовлетворил заявленное следователем ходатайство в рамках проверки, проводимой в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ, хотя такое ходатайство могло быть заявлено исключительно в рамках возбужденного уголовного дела.

Суд апелляционной инстанции не согласился с доводами адвоката и оставил постановление Симоновского районного суда в силе.

По результатам рассмотрения данного дела апелляционная инстанция сформулировала правовоположение следующего содержания: *«Ходатайство о разрешении выемки медицинских документов удовлетворено правомерно, поскольку суд при принятии решения строго руководствовался требованиями уголовно-процессуального закона и должным образом мотивировал свои выводы о необходимости производства выемки медицинских документов организации в рамках проводимой в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ проверки (выделено мною. – С.Ш.)»*²⁴⁷.

В декабре 2013 г. Абрамова была осуждена приговором Майкопского городского суда, а защитник Абрамовой направил в Верховный суд Республики Адыгея жалобу на приговор, в которой было указано, что оперуполномоченные сотрудники ОВД, выносившие постановления о производстве выемок, действовали незаконно, так как в нарушение ст. 144 УПК РФ эти действия были произведены до возбуждения уголовного дела, и что защитой в судебном заседании заявлялись ходатайства о признании недопустимыми вышеперечисленных доказательств, которые судом не были удовлетворены.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Адыгея 30 июня 2015 г. рассмотрела в судебном заседании уголовное дело и отказала в удовлетворении жалобы защитника Абрамовой полагая, что «доводы адвоката о том, что приговор вынесен на основании недопустимых доказательств, не имеющих юридической силы и полученных в нарушение положений ст.ст. 144-183 УПК РФ, являются несостоятельными» и что «все положенные в основу приговора доказательства получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, согласуются между собой и обоснованно признаны судом достоверными и допустимыми»²⁴⁸.

Были ли действия Генеральной прокуратуры реакцией на изложенные выше ситуации или нет, но 20 августа 2014 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации направила в нижестоящие органы прокуратуры информационное письмо «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела».

²⁴⁷ Апелляционное постановление Московского городского суда от 24.10.2013 по делу № 10-10652 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁸ Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 30 июня 2015 г. по делу № 22-357. URL: <http://www.sudact.ru>.

Содержание этого письма нам неизвестно, поскольку оно не опубликовано, но из самого названия смысл его понятен.

Вопрос о законности производства выемки в ходе проверки сообщений о преступлениях был поставлен в жалобе Э.В. Абрамовой, которая была направлена ею в Конституционный Суд Российской Федерации.

В жалобе был поставлен вопрос о соответствии статьям 2, 15, 17-19, 45, 50 и 123 Конституции Российской Федерации положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которые, по мнению заявительницы, в силу своей неопределенности позволяют «производить выемку предметов и документов в порядке статей 182 и 183 УПК РФ до принятия решения о возбуждении уголовного дела и использовать полученные таким образом предметы и документы в качестве доказательств».

Конституционный Суд Российской Федерации не принял жалобу к рассмотрению и в своём определении указал: «...как следует из представленных Э.В. Абрамовой материалов, при проверке сообщения о преступлениях, совершенных заявительницей, изъятие документов со следами ее противоправной деятельности производилось не у нее самой, а у очевидцев, пояснивших в суде, что, узнав о противоправных действиях подсудимой, они добровольно выдали эти документы сотрудникам полиции. При этом подлинность полученных таким образом документов, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу, стороной защиты под сомнение не ставилась, а оспаривалась лишь допустимость применения в деле заявительницы положений ст. 183 УПК РФ. Таким образом, оспариваемая норма не может расцениваться как нарушающая конституционные права Э.В. Абрамовой в указанном ею аспекте. Проверка же правильности выбора правовых норм и их казуального толкования (в том числе установление того, подлежали ли применению в деле заявительницы положения статьи 183 УПК РФ, регламентирующие принудительную выемку, или части четвертой ст. 21 данного Кодекса, допускающей получение предметов и документов путем направления запросов), как и разрешение вопросов, касающихся оценки доказательств с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела, не относятся к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации...»²⁴⁹.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации фактически уклонился от рассмотрения вопроса законности производства выемки в ходе проверки сообщения о преступлениях. На наш взгляд, сложившееся положение должно быть урегулировано на законодательном уровне и чем скорее, тем лучше, поскольку существующая неопределённость в данном вопросе чревата нарушениями прав и законных интересов граждан.

В процессуальной литературе по вопросу правомерности производства выемки в ходе проверки сообщения о преступлениях высказаны диаметрально противоположные мнения.

²⁴⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2885-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абрамовой Эрики Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Так, например, А.С. Каретников и С.А. Коретников считают, что формулировка «в установленном настоящим Кодексом порядке» применительно к истребованию и изъятию документов (предметов) не требует какого-либо дополнительного пояснения, правоприменитель уполномочен проводить выемку и обыск при проверке сообщения о преступлении. Более того, по мнению авторов, эта формулировка допускает производство выемки без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства²⁵⁰.

Как полагает В.В. Артемова, указание в ч. 1 ст. 144 УПК РФ на то, что порядок изъятия установлен в УПК РФ, нельзя расценивать как возможность применения выемки вместо изъятия²⁵¹.

Как пишут Е.В. Марковичева и В.Ф. Васюков, «производить выемку документов и предметов, предусмотренную ст. 183 УПК РФ, следовательно может только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и принятия его к производству. Иное понимание нормы УПК РФ может привести к необоснованному ограничению прав граждан на стадии возбуждения уголовного дела, получению недопустимых доказательств, нивелированию авторитета компетентных органов»²⁵².

По мнению К.Б. Калиновского, как по отраслевому истолкованию норм УПК РФ, так и с точки зрения конституционно-правовых позиций производить выемку или любые другие следственные действия, сопряженные с применением мер процессуального принуждения, не допускается при отсутствии достаточных данных о признаках преступления, то есть в период проверки сообщений о преступлениях.

Вместе с тем автор считает, что конституционно-правовой подход также позволяет предложить разрешение и других не менее важных вопросов: как юридически оценить результаты выемки, проведенной до возбуждения уголовного дела? Должны ли в этом случае протоколы выемки и полученные вещественные доказательства быть признаны недопустимыми доказательствами?

По мнению К.Б. Калиновского, «юридические последствия проведения выемки на этапе доследственной проверки (а равно и последствия других нарушений закона при получении доказательств) должны быть также соразмерны сущности нарушения. ...Соответственно этому исключение доказательств из числа допустимых должно применяться лишь к существенным нарушениям, посягающим на конституционные права стороны судопроизводства, и прежде всего – право на справедливую судебную защиту независимым судом»²⁵³.

В конечном итоге автор приходит к следующему выводу относительно разрешения вопроса о допустимости протокола выемки, проведенной до возбуждения дела, то есть с нарушением требований ст.ст. 144, 156 и 183 УПК РФ:

²⁵⁰ Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 39.

²⁵¹ Артёмова В.В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 3. С. 4.

²⁵² Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Указ. работа. С. 65.

²⁵³ Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 48.

«Если, например, в ходе выемки оперативные сотрудники проникли в жилище заподозренного и применили принуждение (наручники, физическую силу) к самому лицу, у которого изымались наркотики, то протокол выемки должен признаваться недопустимым доказательством. Незаконное применение одной стороной будущего судебного спора к другой его стороне принуждения в целях получения доказательств, предназначенных для разрешения этого спора, всегда нарушает принцип равноправия сторон, а значит, наносит урон справедливому разбирательству дела.

В то же время было бы несправедливо исключать такой же протокол выемки, но проведенной по ходатайству лица, которое хочет использовать это доказательство в своей защите в суде для обоснования добровольной сдачи предмета или деятельного раскаяния. Исключение в данном случае защитительного доказательства, полученного стороной обвинения с нарушением закона, не устранило, а, напротив, увеличило бы ущерб для справедливого разрешения дела»²⁵⁴.

Оценить позицию К.Б. Калиновского не представляется возможным из-за её внутренних противоречий.

Заслуживает внимания и поддержки позиция С.Б. Россинского по вопросу выемки в рамках проверки сообщения о преступлении.

Отмечая то обстоятельство, «что выемка полностью лишена как познавательного характера, так и процессуальной автономности», автор вполне обоснованно утверждает, что «в перспективе она должна быть исключена из существующей системы следственных действий, сохранив за собой лишь значение сугубо формальной юридической процедуры по легализации, "введению в уголовное дело" предметов или документов, ранее находившихся в законном владении, пользовании или распоряжении иных лиц»²⁵⁵.

Соответственно, из приведенного суждения С.Б. Россинский формулирует логический вывод о том, что «при подобном подходе выемка может вполне легально и совершенно обоснованно вытеснить из сферы уголовно-процессуального регулирования то самое непонятное «изъятие, в порядке, установленном настоящим Кодексом», которое согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено для доследственной проверки сообщений о преступлениях»²⁵⁶.

Завершая рассмотрение такого средства достижения целей следственной деятельности, считаем необходимым обратить внимание на способ решения проблемы его использования, предложенный авторским коллективом Академии СК России.

В учебно-методическом пособии «Проверка сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические аспекты» авторы, излагая порядок проверки сообщений о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности, пишут: «Также заявителя необходимо предупредить о необходимости сохранения одежды и иных предметов, которые могут сохранить на

²⁵⁴ Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 48.

²⁵⁵ Россинский С.Б. Выемка: следственное действие или процессуальная форма изъятия? // Российский следователь. 2017. № 19. С. 30.

²⁵⁶ Там же. С. 31.

себе следы преступления (не стирать, не выбрасывать и т.д.). Если одежда, в которой находился заявитель в момент происшествия, находится при нём, следует решить вопрос об её осмотре и изъятии в целях последующего направления на исследование. Изъятие одежды (иных предметов) возможно следующим способом. В заявлении о преступлении должно быть указано, что заявитель добровольно выдаёт следователю предметы и (или) документы, которые в последующем могут быть приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств с описанием каждого из выдаваемых предметов. Например: «К настоящему заявлению прилагаю следующие предметы одежды, в которую я была одета в момент совершения в отношении меня преступления: трусики белые с надписью "Armani", блузку фиолетового цвета с этикеткой "Gucci" ...»²⁵⁷.

Как пишут Е.В. Марковичева и В.Ф. Васюков, это «довольно-таки интересный, но очень уязвимый в своём доказательственном значении способ изъятия»²⁵⁸. Однако авторы не указывают на уязвимые точки предложенного способа. Между тем в данном случае этот способ решения проблемы, по крайней мере, пока законодатель не решит её иным способом, является наиболее подходящим и имеет под собой нормативную основу.

По смыслу формулировки «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» предполагает, что следователю (дознавателю) точно известно, какой документ (предмет) следует изымать, где и у кого он находится и что для его изъятия не потребуется применения мер принуждения и выполнения поисковых действий в жилище или ином помещении.

При наличии перечисленных условий следователь (дознаватель) должен предложить лицу, у которого находится документ или предмет, добровольно представить его следователю (дознавателю). Дальнейшие действия должны выполняться в соответствии с Инструкцией о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами от 18 октября 1989 г.

В § 6 названной выше инструкции установлен следующий порядок представления и получения документов (предметов): «В случае представления свидетелем, потерпевшим, обвиняемым (подозреваемым), другими лицами, а также представителями организаций и учреждений предметов, документов, ценностей и иного имущества, имеющего значение вещественного доказательства либо изъятых из свободного обращения, а равно подлежащего конфискации или аресту для обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, или исполнения приговора суда о конфискации, составляется протокол в соответствии со ст.ст. 70 и 141 УПК РСФСР (ст.ст. 86 и 166 УПК РФ – С.Ш.) При этом следователь, работник органа дознания, прокурор, суд обязаны допросить лицо, представившее названные объекты, о времени, месте

²⁵⁷ Проверка сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические аспекты: учебно-методическое пособие / под ред. А.И. Бастрыкина. – М., 2015. С. 12.

²⁵⁸ Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Указ. работа. С. 63.

и других обстоятельствах их обнаружения, приобретения и хранения (выделено мною. – С.Ш.)»²⁵⁹.

Механизм представления и получения доказательств, изложенный в этой Инструкции, дополняет приведенное выше определение Конституционного Суда Российской Федерации, принятое по жалобе Пятничука П.Е. в той части, где речь идет о том, что: а) праву на представление доказательств «соответствует обязанность дознавателя, следователя и прокурора ... рассмотреть каждое *заявленное в ходе исследования доказательств ходатайство* (выделено мною. – С.Ш.)»; б) что УПК РФ «исключает возможность произвольного отказа ... как в получении доказательств, о которых *ходатайствует* (выделено мною. – С.Ш.) сторона защиты, так и в приобщении представленных ею доказательств к материалам уголовного дела», за исключением случаев, когда обстоятельства, которые призваны подтвердить указанное *в ходатайстве* (выделено мною. – С.Ш.) стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности доказательств...»; в) «принимаемое при этом решение во всяком случае должно быть обосновано ссылками на конкретные доводы, подтверждающие неприемлемость доказательства, об ... исследовании которого заявляет сторона защиты».

Таким образом, процессуальное оформление представления и получения доказательств на основании ч. 2 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ представляет следующий алгоритм: 1) предложение лицу, представляющему доказательство, написать ходатайство с просьбой приобщить к уголовному делу (к материалам проверки сообщения о преступлении) представляемый документ или предмет; 2) допросить лицо в качестве свидетеля (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого) или получить объяснение (если уголовное дело ещё не возбуждено) о происхождении представляемого документа или предмета, а также по другим вопросам, вытекающим из сложившейся ситуации или установленных к тому времени обстоятельств по уголовному делу (материалам проверки сообщения о преступлении); 3) составить протокол получения документа или предмета, если нет оснований для отказа в этом (не относится к данному уголовному делу или материалам проверки), или постановление об отказе удовлетворения ходатайства о приобщении представляемого документа или предмета к уголовному делу (материалам проверки сообщения о преступлении).

В протоколе получения документа или предмета должно быть указано лицо, представившее документ или предмет, а также индивидуальные признаки представленного документа или предмета. Копия протокола должна быть вручена под расписку лицу, представившему документ или предмет.

²⁵⁹ Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами от 18 октября 1989 г. № 314/15: утверждена Генеральным прокурором СССР, Верховным Судом СССР, МВД СССР, Минюстом СССР, КГБ СССР (с изм., внесенными Приказом МВД РФ № 840, Минюста РФ № 320, Минздрава РФ № 388, Минэкономики РФ № 472, ГТК РФ № 726, ФСБ РФ № 530, ФПС РФ № 585 от 09.11.1999, Приказом Генпрокуратуры РФ от 07.06.2006 № 26) // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем в приведенном авторами учебно-методического пособия примере имеется уязвимое место. По замыслу авторов потерпевшая оставляет у следователя одежду, в том числе и кофточку. Трудно представить себе последствия изъятия кофточки, если на потерпевшей в этот момент нет другой одежды, кроме, разумеется, нижнего белья.

Конечно, в данном случае решение проблемы изъятия переходит в организационную плоскость, но то, что решать её необходимо, не вызывает никаких сомнений. В противном случае в суды будет всё больше поступать обоснованных жалоб на нарушения действиями следователей (дознавателей) конституционных прав граждан.

§ 4. Проблемы негласных следственных действий как средств достижения целей следственной деятельности

В результате длительной селекции в отечественном уголовном судопроизводстве сформировалась система способов собирания доказательств, а точнее способов получения сведений, которые приобретают статус доказательств после их оценки с точки зрения достоверности, относимости и допустимости.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве это находит своё отражение прежде всего в ч. 2 ст. 86 УПК РФ, согласно которой «собираание доказательств осуществляется *путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом* (выделено мною. – С.Ш.)».

Буквальное толкование нормы, закреплённой в ч. 2 ст. 86 УПК РФ, – а для иного её толкования мы не видим никаких оснований – приводит к единственно возможному выводу: способами собирания доказательств в уголовном судопроизводстве России могут быть только те действия, которые предусмотрены действующим Уголовно-процессуальным кодексом.

Вместе с тем этот вывод нельзя считать непоколебимым, поскольку в ст. 89 УПК РФ указано, что «в процессе доказывания запрещается использовать результаты оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

В науке уголовного процесса относительно содержания ст. 89 УПК РФ сформировалось два диаметрально противоположных подхода.

Один из них базируется на логическом толковании ст. 89 УПК РФ путём применения приёма логического преобразования, в результате чего указанная статья излагается следующим образом: «Если результаты оперативно-розыскной деятельности отвечают требованиям Уголовно-процессуального кодекса, то они могут быть использованы в процессе доказывания».

В основу второго подхода положен тезис о том, что ст. 89 УПК РФ запрещает (не допускает) использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам. Сторонником такого подхода был Ю.В. Астафьев, последовательно отстаивая в ряде своих работ тезис о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности доказательствами по уголовным делам не являются и могут быть лишь основой для формирования доказательств²⁶⁰.

В связи с этим вполне предсказуемым было отношение Ю.В. Астафьева и к высказанным в литературе предложениям решить проблему (во многом, по нашему мнению, надуманную) использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам путём включения в УПК РФ «специальных следственных действий» (негласных следственных действий, тайных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и т.п.).

В своей статье, посвященной проблемам включения оперативно-розыскных мероприятий в УПК РФ, Ю.В. Астафьев по результатам краткого обзора зарубежного законодательства, предусматривающего производство вышеназванных действий, пришёл к выводу о том, что «движение по этому пути – это движение в направлении разрушения уголовного процесса как системы. Если для западных правовых семей проблема не возникает именно в силу структуры уголовного процесса, то включение в процессуальную, строго регламентированную форму расследования «специальных» следственных действий, проводимых даже не самим субъектом доказывания, а лицами, которые получают его полномочия на время, – явление опасное во всех отношениях. Это касается и прав личности в уголовном процессе, и соблюдения процессуальных гарантий, и реализации принципов уголовного процесса, и в конечном счете эффективности судопроизводства»²⁶¹.

Мы не разделяем опасения Ю.В. Астафьева в том, что включение в уголовно-процессуальное законодательство «специальных следственных действий» повлечёт за собой разрушение уголовного процесса как системы. Однако целесообразность закрепления в УПК РФ такого рода действий, вызывает серьёзные сомнения по ряду причин.

²⁶⁰ См.: Астафьев Ю.В. 1) Процесс доказывания и оперативно-розыскная деятельность: соотношение и оценка результатов / Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: в 5 ч. Ч. 5: Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 14-15 ноября 2003 г. / под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж, 2004. С. 7-21; 2) Методологические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Вып. 14 / под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 2011. С. 24-39; 3) Новые формы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела / Проблемы предупреждения и расследования преступлений: прошлое и настоящее / под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. С. 214-223.

²⁶¹ Астафьев Ю.В. «Специальные» следственные действия: к проблеме включения оперативно-розыскных мероприятий в УПК РФ // Вестник ВГУ. Серия Право. 2013. № 1. С. 303.

На постсоветском пространстве начало приданию оперативно-розыскным мероприятиям статуса следственных действий было положено, насколько нам известно, внесением изменений в УПК Литовской Республики от 14 марта 2002 года. В частности, законом от 10 апреля 2003 г. раздел XII «Иные процессуальные меры ограничения» УПК был дополнен статьей 158 «Действия должностных лиц досудебного следствия без раскрытия своей личности», статьей 161 «Уведомление лица о применении ограничительных мер», статьей 162 «Использование собранной информации в иных уголовных делах». В последующем законом от 29 января 2004 г. была введена статья 154 «Контроль, снятие и хранение информации, которая передаётся средствами телекоммуникационной сети», законом от 28 июня 2007 г. – статья 160 «Скрытое наблюдение».

В первоначальной редакции УПК Эстонии, принятого 12.02.2003, был раздел 8 «Собирание доказательств путём оперативно-розыскных мероприятий» главы 3 «Доказывание», в котором предусматривалось проведение в уголовном судопроизводстве таких оперативно-розыскных мероприятий, как скрытое наблюдение, скрытый осмотр и замена объекта (ст. 115); скрытый осмотр почтово-телеграфных отправок (ст. 116); сбор сведений о сообщениях, передаваемых через технические каналы связи общего пользования (ст. 117); негласное прослушивание и негласное визуальное наблюдение информации, передаваемой через технические каналы связи, или иной информации (ст. 118); имитация преступления (ст. 119); использование полицейского агента (ст. 120).

Законом от 29.06.2012 раздел 8 был упразднён, а УПК Эстонии дополнен главой 3¹ «Оперативно-розыскные мероприятия» (ст.ст. 126¹-126¹⁷), где предусмотрен перечень следующих оперативно-розыскных мероприятий: тайное наблюдение, тайный сбор образцов сравнительного материала и проведение его первичных исследований, тайный досмотр и подмена предмета (ст. 126⁵); тайный досмотр почтового отправления (ст. 126⁶); тайное прослушивание и просмотр информации (ст. 126⁷); имитация преступления (ст. 126⁸); использование полицейского агента (ст. 126⁹).

В Уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики от 21.04.2005 в главе 11 «Специальные следственные действия» (ст.ст. 210-234) регламентирован порядок проведения в уголовном процессе следующих специальных действий: контроля легальной корреспонденции; контроля средств связи; контроля данных, находящихся в электронной системе информации; контроля транслируемых данных; аудиоконтроля места или лица; видеоконтроля места; наблюдения и слежки за лицом; наблюдения за объектом; специального следственного эксперимента; получения образцов для сравнительного исследования специальным способом; контроля преступной деятельности (ст. 215).

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 в его первоначальной редакции не предусматривал проведение специальных следственных или розыскных действий. Законом от 05.04.2012 глава III «Средства доказывания и методы доказывания» была дополнена частью 5 «Специальная розыскная деятельность» (ст.ст. 132¹-132¹¹), в которой предусмотрено проведение следующих оперативно-розыскных мероприятий в ходе уголовного судопроизводства: обследования жилища и/или установки в нем аудио-, видео-,

фото- и киноаппаратуры для ведения наблюдения и записи; наблюдения за жилищем с использованием технических средств, обеспечивающих запись; прослушивания и записи переговоров, записи изображений; задержания, изучения, передачи, досмотра или выемки почтовых отправок; мониторинга соединений, относящихся к телеграфным и электронным сообщениям; мониторинга или контроля финансовых сделок и доступа к финансовой информации; документирования с помощью технических средств и методов, а также локализации или отслеживания через глобальную систему позиционирования (GPS) или с помощью других технических средств; сбора информации от поставщиков услуг электронных коммуникаций; идентификации абонента, собственника или пользователя системы электронных коммуникаций или точки доступа к информационной системе; визуального наблюдения; контроля за передачей или получением притязаемых, принимаемых, вымогаемых или предлагаемых денег, услуг либо иных материальных или нематериальных ценностей; розыскной деятельности под прикрытием; трансграничного надзора; контролируемой поставки; контрольной закупки (ст. 132²).

В Уголовно-процессуальном кодексе Украины 2012 года глава 21 «Негласные следственные (розыскные) действия» состоит из трёх параграфов: «Общие положения о негласных следственных (розыскных) действиях» (§ 1); «Вмешательство в частное общение» (§ 2); «Иные виды негласных следственных (розыскных) действий» (§ 3).

К негласным следственным (розыскным) действиям, производство которых связано с вмешательством в частное общение, относятся: аудио- и видеоконтроль лица (ст. 260); наложение ареста на корреспонденцию (ст. 261); осмотр и выемки корреспонденции (ст. 262); снятие информации с транспортных коммуникационных сетей (ст. 263) и снятие информации с электронных информационных систем (ст. 264).

Соответственно, иными негласными следственными (розыскными) действиями являются: обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица (ст. 267); установление местонахождения радиоэлектронного средства (ст. 268); наблюдение за лицом, вещью или местом (ст. 269); аудио-, видеоконтроль места (ст. 270); контроль за совершением преступления (ст. 271); выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации (ст. 272); негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования (ст. 274); использование конфиденциального сотрудничества (ст. 275).

В Уголовно-процессуальный кодекс Грузии 2009 г. в 2014 году включена глава XVII «Тайные следственные действия» (ст.ст. 143¹-143¹⁰). В соответствии со ст. 143¹ видами тайных следственных действий являются: скрытое прослушивание и запись телефонных переговоров; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и станционной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и установка в компьютерную систему с указанной целью соответствующих средств программного обеспечения; контроль почтовых отправок и телеграфных сообщений (кроме дипло-

матической почты); скрытая видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка; электронное слежение при помощи технических средств, использование которых не причиняет вреда жизни, здоровью людей и окружающей среде.

В структуру Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан 2014 г. включена глава 30 «Негласные следственные действия» (ст.ст. 231-251).

В ст. 231 УПК Республики Казахстан перечислены виды негласных следственных действий: негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; негласный контроль почтовых и иных отправлений; негласные проникновение и (или) обследование места; негласное наблюдение за лицом или местом; негласный контрольный закуп; негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности.

В российской юридической науке наличие в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств института негласных следственных действий, разумеется, не осталось незамеченным²⁶². При этом в ряде публикаций институт негласных следственных действий рассматривается как средство повышения эффективности борьбы с преступностью и решения проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. В связи с этим российскому законодателю адресованы сообщения о необходимости включения негласных следственных действий в УПК РФ²⁶³.

В частности, А.Н. Соколов в статье, изданной в 2011 году, писал о том, что внутренняя безопасность в стране резко ухудшилась и продолжает оставаться сложной и что в плане укрепления внутренней безопасности России определённый интерес представляет изучение современного опыта зарубежных стран, в том числе и бывших советских республик. Далее автор со ссылкой на законодательство ряда европейских стран, США, а также на уголовно-процессуальный закон Латвии обосновывает необходимость скорейшего признания законности производства специальных (особых) следственных действий, процессуальный порядок которых должен быть определён уголовно-процессуальным законом²⁶⁴.

²⁶² Далее термином «негласные следственные действия» обозначаются все вышеперечисленные действия, закреплённые в уголовно-процессуальном законодательстве Литовской Республики, Латвийской Республики, Эстонии, Республики Молдова, Украины, Грузии и Республики Казахстан.

²⁶³ Соколов А.Н. К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 59-64; Ковтун Н.Н. Негласные следственные (розыскные) действия УПК Украины как легитимные процессуальные средства доказывания // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 26-32; Семенцов В.А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48-57.

²⁶⁴ Соколов А.Н. Указ. раб.

Позицию А.Н. Соколова нельзя признать убедительной, поскольку автор не анализирует порядок производства специальных (особых) следственных действий с целью показать преимущество их закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве перед существующим порядком проведения оперативно-розыскных мероприятий и использованием полученных результатов органами предварительного расследования и судами.

Особо пристального внимания у российских авторов удостоился институт негласных (розыскных) следственных действий в УПК Украины 2012 года. Скорее всего, это объясняется тем, что в главе 21 УПК Украины, по мнению ряда авторов, негласные разведывательные мероприятия реализованы «наиболее последовательно и глубоко»²⁶⁵.

Как пишет Н.Н. Ковтун, «категорически отказавшись от бесчисленных российских дискуссий о принципиальной неприемлемости для процесса доказывания данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, и, соответственно, императивной необходимости «легализации», «интерпретации», «представления» указанных данных для использования непосредственно в уголовно-процессуальном доказывании, украинский законодатель решил этот «практически неразрешимый» вопрос и кардинально, и качественно»²⁶⁶. В обоснование этого тезиса автор приводит ряд аргументов.

В частности, Н.Н. Ковтун утверждает, что негласные следственные (розыскные) действия представляют собой разновидность познавательных следственных действий и законодатель минимизирует различия в сути фактических данных оперативно-розыскного характера и данных изначально как доказательств. При этом условием использования данных оперативно-розыскного характера в процессе доказывания, как пишет автор, является «приоритетное соблюдение сущностных требований непосредственно Уголовно-процессуального кодекса». В связи с этим Н.Н. Ковтун отмечает, что, «с одной стороны, в соответствии с ч. 4 ст. 7 Закона Украины об ОРД подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, реализуют негласные следственные (розыскные) действия строго в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Украины», и поэтому «негласная составляющая указанных познавательных действий (методы их производства) в итоге оценивается в неразрывном единстве с уголовно-процессуальными нормами». С другой стороны, как пишет далее автор, «согласно ч. 2 ст. 8 Закона Украины об ОРД принятие решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), аналогов негласных следственных действий, – представление и рассмотрение соответствующих ходатайств, *осуществление ОРМ, фиксация и ис-*

²⁶⁵ Попов А.П., Попова И.А., Зинченко И.А. Проблемы интеграции розыскных начал в стадии предварительного расследования / Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / под науч. ред. В.Т. Томина, А.П. Попова, И.А. Зинченко. – Пятигорск, 2014. С. 403.

²⁶⁶ Ковтун Н.Н. Негласные следственные (розыскные) действия УПК Украины как легитимные процессуальные средства доказывания // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 26.

пользование их результатов (выделено мною. – С.Ш.) регулируются в соответствии с положениями главы 21 УПК Украины»²⁶⁷.

В подтверждение приведенных положений Н.Н. Ковтун называет статьи УПК Украины, в которых содержатся «нормы, регламентирующие полномочия оперативных подразделений по осуществлению тех мероприятий оперативно-розыскного характера, гласные аналоги которых непосредственно (закреплены²⁶⁸) в нормах нового УПК Украины»²⁶⁹. Однако автор не анализирует содержание статей, которые, по его мнению, регламентируют полномочия оперативных подразделений, что не позволяет сделать вывод о том, насколько обосновано утверждение о том, что введением института негласных следственных (розыскных) действий «кардинально и качественно» в УПК Украины решены проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам.

Попытаемся восполнить этот пробел путем анализа регулятивных свойств упомянутых выше норм УПК Украины в той последовательности, как они указаны автором.

1. *Проведение контролируемой поставки, контролируемой и оперативной закупок осуществляется по правилам ст. 271 УПК Украины (п. 2 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).*

Прежде всего, следует отметить, что в ч. 1 ст. 271 УПК Украины, которая называется «Контроль за совершением преступления», кроме указанных автором форм такого контроля, предусматривается проведение специального следственного эксперимента и имитирование обстановки преступления. В части второй названной статьи перечислены четыре ситуации, исключающие проведение контроля за совершением преступления, а в части третьей – установлен запрет на провоцирование (подстрекательство) лица на совершение преступления с целью его дальнейшего изобличения.

В этой статье содержится отсылочная норма, согласно которой «контроль за совершением преступления по незаконному перемещению через территорию Украины транзитом, ввозу в Украину или вывозу за пределы Украины вещей, изъятых из свободного оборота, или иных вещей или документов может быть проведен *в порядке, предусмотренном законодательством* (выделено мною. – С.Ш.), по договоренности с соответствующими органами иностранных государств или на основании международных договоров Украины» (ч. 6).

Полномочия должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельности, установлены в следующем объеме.

Согласно части четвертой «о результатах контроля за совершением преступления составляется протокол, к которому прилагаются вещи и документы, полученные в ходе проведения этого негласного следственного (розыскного) действия. Если контроль за совершением преступления заканчивается открытой фиксацией, об этом составляется протокол в присутствии такого лица».

²⁶⁷ Ковтун Н.Н. Указ. раб. С. 27.

²⁶⁸ Слово «закреплены» в тексте цитируемой статьи отсутствует. (Авт.)

²⁶⁹ Ковтун Н.Н. Указ. раб. С. 27.

В части седьмой изложены требования, предъявляемые к решению прокурора о проведении контроля за совершением преступлений.

Особый интерес представляет ч. 5 ст. 271 УПК Украины, согласно которой *«порядок и тактика проведения контролируемой поставки, контролируемой и оперативной закупки, специального следственного эксперимента, имитирования обстановки преступления определяется законодательством (выделено мною. – С.Ш.)»*.

В одном из первых комментариев УПК Украины 2012 года издания содержание ч. 5 ст. 271 УПК Украины разъясняется следующим образом: *«порядок и тактика проведения контролируемой поставки, контролируемой и оперативной закупки, специального следственного эксперимента, имитирования обстановки преступления определяется соответствующими законодательными актами ведомственными нормативно-правовыми актами органов внутренних дел и Службы безопасности Украины»*²⁷⁰.

Таким образом, УПК Украины не регламентирует порядок проведения негласного следственного (розыскного) действия, которое называется «Контроль за совершением преступления», что ставит под сомнение полномочия следователя на проведение данного действия.

2. Негласное проникновение и обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица, в отношении которого реализуется уголовное преследование, требуют безусловного соблюдения норм ст. 267 УПК Украины (п. 7 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).

Прежде всего, следует внести уточнение в определение круга лиц, в отношении которых может быть проведено предусмотренное ст. 267 УПК Украины негласное следственное (розыскное) действие «Обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица».

Согласно ч. 1 ст. 267 УПК Украины «следователь имеет право обследовать публично недоступные места, жилище или иное владение лица путём тайного проникновения в них, в том числе с использованием технических средств, с целью...». Содержание приведенной нормы не даёт основания для её ограничительного толкования, и, следовательно, ст. 267 УПК Украины подлежит применению в отношении неопределённого круга лиц.

Следует иметь в виду, что в части третьей данной статьи во избежание каких бы то ни было недоразумений к публичным отнесены места, специально предназначенные для содержания лиц, права которых ограничены согласно закону (помещения принудительного содержания лиц в связи с отбыванием наказания, задержанием, взятием под стражу и т.п.).

Кроме того, в ст. 267 УПК Украины сформулировано понятие публичного места (ч. 2) и установлен порядок получения судебного решения на производство обследования путём тайного проникновения публично недоступного места, жилища или иного владения лица (ч. 4).

²⁷⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий / отв. ред.: С.В. Кивалов, С.Н. Мищенко, В.Ю. Захарченко. – Харьков, 2013. С. 582.

Анализ содержания ст. 267 УПК Украины приводит к выводу о том, что в ней установлено полномочие следователя на производство оперативно-розыскного мероприятия, получившего название негласного следственного (розыскного) действия, однако не установлен механизм реализации данного полномочия. Это обстоятельство не даёт основания отождествлять фактические данные, полученные следователем путём обследования публично недоступного места, жилища или иного владения лица, и такие следственные действия, как обыск (ст. 234 УПК Украины), осмотр (ст. 237 УПК Украины) и получение образцов для экспертизы (ст. 245 УПК Украины).

Согласно ч. 1 ст. 267 УПК Украины обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица путём тайного проникновения проводится с целью: 1) выявления и фиксации следов совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, вещей и документов, имеющих значение для их досудебного расследования; 2) изготовления копий или образцов указанных вещей и документов; 3) выявления и изъятия образцов для исследования в ходе досудебного расследования тяжкого или особо тяжкого преступления; 4) выявления разыскиваемых лиц; 5) установления технических средств аудио-, видеоконтроля лица. Изучение перечисленных целей вызывает серьёзные сомнения в целесообразности наделения следователя полномочиями на проведение такого обследования.

По уголовно-процессуальному законодательству Украины следователь не вправе проводить негласные следственные (розыскные) действия до начала досудебного расследования (по терминологии УПК РФ «предварительного расследования». – С.Ш.), а проведение обследования публично недоступных мест, жилища или иного владения лица путём тайного проникновения в ходе досудебного расследования представляется юридическим нонсенсом.

Что препятствует следователю провести осмотр участка местности или помещения в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК Украины, в части первой которой установлено, что осмотр производится «с целью выявления и фиксации сведений относительно обстоятельств совершения уголовного правонарушения» и тем самым достичь цели, указанной в п. 1 ч. 1 ст. 267 УПК Украины?

Кроме того, эта цель может быть достигнута путем производства обыска, который «проводится с целью выявления и фиксации сведений об обстоятельствах совершения уголовного правонарушения или имущества, добытого в результате его совершения, а также установления местонахождения разыскиваемого лица» (ч. 1 ст. 234 УПК Украины).

Исходя из содержания ч. 1 ст. 234 УПК Украины производство обыска может быть средством достижения и такой цели, как выявление разыскиваемого лица (п. 4 ч. 1 ст. 267 УПК Украины).

Неясно, почему следователь не может выявить и изъять образцы для исследования (п. 3 ч. 1 ст. 267 УПК Украины) путём производства следственного действия, предусмотренного ст. 245 УПК Украины «Получение образцов для экспертизы», а должен тайно проникать в жилище или иное владение лица? Каким образом происходит изготовление копий или образцов, речь о которых идёт в п. 2 ч. 1 ст. 267 УПК Украины?

Во всяком случае, мы не смогли дать ответы на эти вопросы или получить их путём изучения доступных работ, в которых обсуждаются вопросы производства негласных следственных (розыскных) действия, предусмотренных главой 21 УПК Украины. Скорее всего, эти вопросы относятся к разряду риторических.

Системное толкование норм, регламентирующих осмотр, обыск и получение образцов для экспертизы, приводит к выводу о том, что их производство не обеспечивает достижение одной цели, указанной в п. 5 ч. 1 ст. 267 УПК Украины; установление технических средств аудио-, видеоконтроля. Однако мы сомневаемся в том, что следователи Украины обеспечены техническими средствами аудио-, видеоконтроля и в достаточной мере обладают навыками их установления.

3. Выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации должно быть основано на положениях норм ст. 272 УПК Украины (п. 8 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).

Анализ ст. 272 УПК Украины с точки зрения её регулятивных свойств, приводит к выводу о том, что таковые сводятся к предписанию, согласно которому «выполнение указанными лицами такого специального задания²⁷¹, как негласное следственное (розыскное) действие, осуществляется на основании постановления следователя, согласованного с руководителем органа досудебного расследования, или постановления прокурора с сохранением в тайне достоверных сведений о лице».

По смыслу приведённой нормы следователь лично не выполняет специальное задание по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации.

В связи с этим возникает вопрос относительно документирования деятельности лица, выполняющего это задание.

Согласно ч. 1 ст. 252 УПК Украины «по результатам проведения негласного следственного (розыскного) действия составляется протокол, к которому в случае необходимости приобщаются приложения». Кроме того, в части второй этой статьи закреплена норма, в соответствии с которой «проведение негласных следственных (розыскных) действий может фиксироваться с помощью технических и иных средств».

Предположим, что лицом, выполнявшим по постановлению следователя специальное задание, зафиксированы обстоятельства, имеющие значение для досудебного расследования, и носители информации могут быть приобщены к протоколу проведения негласного следственного (розыскного) действия. При этом возникает вопрос о том, кто составляет протокол проведения негласного следственного (розыскного) действия: лицо, выполнявшее специальное задание, или следователь со слов данного лица, либо сотрудник соответствующего оперативно-розыскного подразделения, обеспечивающего выполнение специального задания.

²⁷¹ Речь идёт о лицах, которые, согласно закону, выполняют специальные задания, принимая участие в организованных преступных группах или преступных организациях, или являются участниками указанных групп или организаций, которые на конфиденциальной основе сотрудничают с органами досудебного расследования (ч. 1 ст. 272 УПК Украины).

Исходя из смысла УПК Украины, лицо, выполнявшее специальное задание, не уполномочено на составление протокола. Если предположить, что протокол составляет следователь, то возникает вопрос о допустимости его непосредственного контакта с лицом, выполнявшим специальное задание, поскольку сведения о таких лицах, скорее всего, составляют государственную тайну.

Наиболее вероятно составление протокола сотрудником соответствующего оперативно-розыскного подразделения, обеспечивающего выполнение лицом специального задания. В таком случае утрачивается смысл закрепления в уголовно-процессуальном законе рассматриваемого негласного следственного (розыскного) действия, поскольку его проведение на основании решения следователя или прокурора не обеспечивает полученным сведениям доказательственного значения.

Кто бы ни составлял протокол, возникает самый главный вопрос: как следователь и суд могут проверить достоверность изложенных в протоколе сведений, – а без этого свойства, изложенные в нём сведения, не могут быть признаны доказательствами, – если соответствующее оперативно-розыскное подразделение не рассекретит лицо, выполнявшее специальное задание и его нельзя будет допросить в ходе досудебного расследования и судебного разбирательства?

4. Осуществление аудио-, видеоконтроля лица, снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей или электронных информационных сетей корреспондируют с нормами ст.ст. 260, 263-265 УПК Украины (п. 9 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).

В Законе Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» (в редакции от 12.04.2017) закреплено положение, согласно которому оперативным подразделениям для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности предоставляется право «осуществлять аудио-, видеоконтроль лица, снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, электронных информационных сетей в соответствии с положениями статей 260, 263-265 Уголовного процессуального кодекса Украины» (п. 9 ч. 1 ст. 8).

Тем самым предполагается, что в статьях 260, 263-265 УПК Украины установлены основания и порядок производства как негласных следственных (розыскных) действий, так и оперативно-розыскных мероприятий. Для проверки данной гипотезы обратимся к содержанию названных статей УПК Украины.

Статья 260 УПК Украины под названием «Аудио-, видеоконтроль лица» состоит из нормы следующего содержания: «аудио-, видеоконтроль лица является разновидностью вмешательства в частное общение, которое проводится без его ведома на основании определения следственного судьи, если имеются достаточные основания считать, что разговоры этого лица или иные звуки, движения, действия, связанные с его деятельностью или местом пребывания и т.п., могут содержать сведения, имеющие значение для досудебного расследования».

В ст. 260 УПК Украины не указано, кто именно проводит аудио-, видеоконтроль лица.

Согласно ч. 6 ст. 246 УПК Украины «проводить негласные следственные (розыскные) действия имеет право следователь, осуществляющий досудебное расследование преступления, или по его поручению – уполномоченные оперативные подразделения органов внутренних дел, органов безопасности, органов,

осуществляющих контроль за соблюдением налогового законодательства, органов Государственной пенитенциарной службы Украины, органов Государственной пограничной службы Украины, органов Государственной таможенной службы Украины. По решению следователя или прокурора к проведению негласных следственных (розыскных) действий могут привлекаться также иные лица».

Вместе с тем в ст. 260 УПК Украины не установлен порядок осуществления аудио-, видеоконтроля лица, что вызывает сомнение в реальности проведения данного негласного следственного (розыскного) действия следователем.

Не установлен порядок осуществления аудио-, видеоконтроля лица в Законе Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» и в Инструкции об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использования их результатов в уголовном производстве от 16.11.2012 (далее – *Инструкция от 16.11.2012*). Но так как аудио-, видеоконтроль лиц в реальной действительности проводится ведомствами и службами, указанными в ч. 6 ст. 246 УПК Украины, это даёт основание полагать, что регламентируется данное оперативно-розыскное мероприятие, получившее в УПК Украины статус негласного следственного (розыскного) действия, их нормативными актами, имеющими гриф секретности.

Приведенными соображениями, на наш взгляд, объясняется комментарий к ст. 260 УПК Украины следующего содержания: «Необходимость использования специальных технических знаний при проведении аудио-, видеоконтроля лица обуславливает целесообразность использования возможностей соответствующих оперативных подразделений, на основании письменного поручения следователя в порядке п. 2 ч. 2 ст. 40, ст. 41 и ч. 6 ст. 246 УПК Украины»²⁷².

В монографии, посвященной негласным следственным (розыскным) действиям, по поводу проведения аудио-, видеоконтроля лица авторы пишут: «Порядок и тактика проведения аудио-, видеоконтроля лица, определённые законодательством, обуславливают целесообразность, после получения определения следственного судьи о разрешении на проведение этого НС(Р)Д²⁷³, его письменного поручения следователем в порядке п. 3 ч. 2 ст. 40, ст. 41, ч. 6 ст. 246 УПК оперативному подразделению, уполномоченному на проведение оперативно-технических мероприятий (перевод с украинского языка мой. – С.Ш.)»²⁷⁴.

С этими суждениями можно согласиться с некоторыми оговорками. Во-первых, представляется декларативным утверждение о том, что в законодательстве определены порядок и тактика проведения аудио-, видеоконтроля лица. Порядок, как уже было отмечено, скорее всего, определён в подзаконном акте, но маловероятно, что в нём определена тактика проведения аудио-, видеоконтроля лица как оперативно-розыскного мероприятия, получившего в УПК Украины статус негласного следственного (розыскного) действия. Во-вторых, в рассматриваемой ситуации речь идёт не о целесообразности поручения опера-

²⁷² Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий... С. 567.

²⁷³ Аббревиатура «НС(Р)Д означает "негласное следственное (розыскное) действие"».

²⁷⁴ Негласні слідчі (розшукові) дії та використання результатів оперативно-розшукової діяльності у кримінальному провадженні: навчально-практичний посібник / С.С. Кудінов, Р.М. Шехавцов, О.М. Дроздов, С.О. Гриценко. – Харьков, 2013. С. 37.

тивному подразделению аудио-, видеоконтроля лица, а о необходимости такого поручения. У следователя есть один способ аудио-, видеоконтроля лица – поручить его осуществление оперативному подразделению, уполномоченному на проведение оперативно-технических мероприятий.

Однако далее возникает вопрос о документировании хода и результатов аудио-, видеоконтроля лица и придании полученным результатам статуса доказательств по уголовному делу.

В ст. 252 УПК Украины «Фиксация хода и результатов негласных следственных (розыскных) действий» на сей счёт содержатся следующие предписания: а) по результатам проведения негласного следственного (розыскного) действия составляется протокол, к которому в случае необходимости приобщаются приложения (ч. 1), и б) протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий с приложениями не позднее чем через двадцать четыре часа с момента прекращения указанных негласных следственных (розыскных) действий передаются прокурору (ч. 3).

Таким образом, приведенная норма не определяет, кто должен составлять протокол проведения данного действия – следователь или лицо (лица), проводившее (проводившие) по его поручению непосредственно аудио-, видеоконтроль лица, так же, как и порядок передачи составленного протокола.

В процессуальной литературе предлагается следующий алгоритм действий, выполняемых после проведения аудио-, видеоконтроля лица: 1) должностное лицо уполномоченного оперативного подразделения правоохранительного органа, которому был поручен аудио-, видеоконтроль лица, немедленно после его завершения уведомляет об этом следователя и предоставляет ему для исследования информацию, полученную при применении технических средств; 2) следователь, а в случае необходимости с участием специалиста, в соответствии с требованиями ст. 266 УПК Украины изучает содержание полученной информации, о чём составляет протокол, в котором описывает технические носители информации, технические средства, с помощью которых была воспроизведена имеющаяся на них информация, воссоздаёт выявленную информацию в полном объёме с указанием содержания разговора лиц или иных звуков, движений, действий, связанных с их деятельностью; 3) протокол о проведенном исследовании информации, полученной при применении технических средств не позднее чем через двадцать четыре часа с момента прекращения аудио-, видеоконтроля лица передаётся прокурору²⁷⁵.

Предложенный алгоритм противоречит предписаниям Инструкции от 16.11.2012, в соответствии с которой «протокол о ходе и результатах проведенного негласного следственного (розыскного) действия (или его этапов) составляется следователем, если оно проводится при его непосредственном участии, в других случаях – уполномоченным работником оперативного подразделения, и должен отвечать общим правилам фиксации уголовного производства (перевод

²⁷⁵ Негласні слідчі (розшукові) дії та використання результатів оперативно-розшукової діяльності у кримінальному провадженні. С. 37-38; Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий. С. 567-568.

с украинского языка мой. – С.Ш.)» (п. 4.1.), а «каждый протокол (выделено мною. – С.Ш.) о результатах проведения негласного следственного (розыскного) действия с приложениями не позднее 24 часов *после его составления* передаются прокурору, который осуществляет надзор за соблюдением законов во время проведения досудебного расследования в форме процессуального руководства (перевод с украинского языка мой. – С.Ш.)» (п. 4.3.).

Закреплённая в ч. 4 ст. 252 УПК Украины норма, согласно которой «прокурор принимает меры относительно сохранения полученных в ходе проведения негласных следственных (розыскных) действий вещей и документов, которые планируется использовать в уголовном производстве», ясности в поставленный выше вопрос не вносит.

Этим же недостатком страдает положение, закреплённое в п. 4.4. Инструкции, согласно которому «прокурор, который осуществляет процессуальное руководство, при необходимости даёт указание режимно-секретному органу ознакомить следователя с протоколом и приложениями о результатах негласного следственного (розыскного) действия».

Приведенное положение вызывает ряд вопросов: а) почему следователь должен знакомиться с протоколом им же составленным; б) может ли следователь в процессе ознакомления с протоколами делать из них выписки; в) может ли следователь излагать сведения, полученные при ознакомлении с протоколами, в составляемых в последующем процессуальных документах (например, в уведомлении о подозрении, обвинительном акте и др.)?

По логике вещей ответы на возникшие вопросы должны содержаться в ст. 256 УПК Украины, которая называется «Использование результатов негласных следственных (розыскных) действий в доказывании». Однако это далеко не так, в чём убеждает содержание данной статьи:

«1. Протоколы проведения негласных следственных (розыскных) действий, аудио- или видеозаписи, фотоснимки, иные результаты, добытые с помощью применения технических средств, изъятые в ходе их проведения вещи и документы или их копии, могут использоваться в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения иных следственных (розыскных) действий в ходе досудебного расследования.

2. Лица, проводившие негласные следственные (розыскные) действия или привлечённые к их проведению, могут быть допрошены как свидетели. Допрос этих лиц может происходить с сохранением в тайне сведений об этих лицах и с применением в отношении них соответствующих мер безопасности, предусмотренных законом.

3. В случае использования для доказывания результатов негласных следственных (розыскных) действий, могут быть допрошены лица, по поводу действий или контактов которых проводились такие действия. Такие лица уведомляются о проведении негласных следственных (розыскных) действий только в отношении их в срок, предусмотренный статьёй 253 настоящего Кодекса, и в том объёме, который затрагивает их права, свободы или интересы».

Статья 263 УПК Украины «Снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей» состоит из четырех частей, в которых: а) указано, что сня-

тие информации с транспортных коммуникационных сетей является разновидностью вмешательства в частное общение, которое проводится без ведома лиц, использующих средства телекоммуникаций для передачи информации, которое проводится на основании определения следственного судьи (ч. 1), б) установлены дополнительные требования к определению следственного судьи (ч. 2), в) указаны способы снятия информации с транспортных телекоммуникационных сетей (ч. 3).

Особый интерес представляет часть четвёртая, содержание которой, по сути, дезавуирует утверждение о том, что ст. 263 УПК Украины регламентирует снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей. Так, согласно ч. 4 ст. 263 УПК Украины «снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей возлагается на уполномоченные подразделения органов внутренних дел и органов безопасности».

Поскольку следователь не уполномочен на снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, постольку он может быть только инициатором проведения данного негласного следственного (розыскного) действия. Это значит, что «получив определение следственного судьи о разрешении на снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, следователь в порядке п. 2 ч. 2 ст. 40, ст. 41, ч. 6 ст. 246, ч. 4 ст. 263 УПК Украины письменно поручает оперативно-техническому подразделению проведение снятия информации с транспортных телекоммуникационных сетей»²⁷⁶. В соответствии с полученным поручением оперативно-техническое подразделение проводит оперативно-розыскное мероприятие «аудио-, видеоконтроль лица, снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, электронных информационных сетей», предусмотренное п. 9. ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности».

В свою очередь, «по результатам проведения снятия информации с транспортных телекоммуникационных сетей уполномоченный оперативно-технического подразделения, который осуществлял указанное негласное следственное (розыскное) действие, составляет протокол согласно требованиям ст.ст. 104-107, 252 и 265 УПК Украины и в течение двадцати четырёх часов с момента прекращения негласного следственного (розыскного) действия должен направить его прокурору»²⁷⁷.

Таким образом, результаты оперативно-розыскного мероприятия используются в качестве доказательств лишь потому, что возможность его проведения предусмотрена как в Законе Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», так и в УПК Украины.

Всё вышеизложенное относится и к регулятивной функции (точнее, к её фактическому отсутствию) ст. 264 УПК Украины «Снятие информации с электронных информационных систем».

5. *Наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемка в отделениях связи требуют соблюдения норм ст.ст. 261, 262 УПК Украины (п. 10 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).*

²⁷⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий. С. 571.

²⁷⁷ Там же. С. 572.

Регламентация наложения ареста на корреспонденцию, её осмотра и выемки в режиме проведения негласного следственного (розыскного) действия в комментариях не нуждается.

6. *Осуществление наблюдения за вещью или местом, а также аудио-, видеоконтроль места опираются на нормы ст.ст. 269, 270 УПК Украины (п. 11 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).*

Статья 269 УПК Украины «Наблюдение за лицом, вещью или местом» состоит из трёх частей, в которых: а) определены цели (поиск, фиксация и проверка сведений о лице и его поведении или тех, с кем это лицо контактирует, или определённой вещи или места в публично доступных местах) и способы (визуальное наблюдение за указанными объектами или визуальное наблюдение с использованием видеозаписи, фотографирования, специальных технических средств) наблюдения, а также способ фиксации результатов наблюдения; б) установлено основание наблюдения за лицом – определение следственного судьи (ч. 2) и в) допускается наблюдение на основании постановления следователя, прокурора до постановления определения следственного судьи в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 250 УПК Украины, т.е. «в исключительных неотложных случаях, связанных со спасением жизни людей и предотвращением совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного разделами I, II, VI, VII (статьи 201 и 209), IX, XII, XIV, XV, XVII Особенной части Уголовного кодекса Украины...» (ч. 3).

Содержание ст. 269 УПК Украины вызывает вопрос о том, насколько реально проведение непосредственно следователем закреплённого в ней негласного следственного (розыскного) действия.

Вопрос, скорее, риторический, поскольку трудно себе представить наблюдение, осуществляемое следователем, например, за каким-либо участником досудебного расследования по уголовному делу, находящемуся в производстве этого же следователя. Абсурдность такой ситуации настолько очевидна, что дальнейшее обсуждение вопроса об осуществлении следователем наблюдения за лицом как негласного следственного (розыскного) действия теряет смысл. Это же относится и к гипотетическому наблюдению следователя за вещью и местом в режиме негласного следственного (розыскного) действия, поскольку практически не поддаётся объяснению смысл такого наблюдения.

В комментарии к ст. 269 УПК Украины совершенно справедливо отмечено: «Как свидетельствует анализ оперативно-розыскной практики, для получения необходимых результатов от указанного мероприятия необходимо владеть определёнными профессиональными способностями (выделено мною. – С.Ш.), которые десятилетиями накапливались в подразделениях, обслуживающих оперативные подразделения субъектов оперативно-розыскной деятельности, обеспечивая их необходимой информацией, имеющей не только доказательное, но и ориентировочное значение. Специфика (повышенный уровень конфиденциальности) существования и использования указанных подразделений также оправдывается условиями противодействия преступной деятельности»²⁷⁸.

²⁷⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий. С. 580.

Очевидно, что следователи не владеют профессиональными способностями по осуществлению наблюдения за лицом, вещью и местом фактически в режиме оперативно-розыскного мероприятия, и поэтому их полномочие на проведение негласного следственного (розыскного) действия, предусмотренного ст. 269 УПК Украины, ограничено получением определения следственного судьи или вынесением собственного постановления о наблюдении в порядке, предусмотренном ч.ч. 2 и 3 этой статьи.

Непосредственными исполнителями в данном случае будут специализированные подразделения в составе государственных органов, перечисленных в ч. 6 ст. 246 УПК Украины и наделенных полномочиями на проведение негласных следственных (розыскных) действий.

Как пишет М.Л. Грибов, «с теоретической и практической точки зрения осуществление негласного наблюдения специально предназначенными для этого подразделениями является наиболее эффективным, хотя и менее экономичным. Сотрудники криминальной милиции применяют его лично, когда необходимо немедленно предотвратить преступление или раскрыть его, а привлечение к наблюдению сил и средств специализированного подразделения невозможно. Негласное наблюдение как негласное следственное действие также целесообразно организовывать силами специального подразделения. Ведь следователь не имеет для этого ни времени, ни средств, ни профессиональных навыков»²⁷⁹.

Приведенные соображения дают основание для вывода о том, что дублирование в ст. 269 УПК Украины оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного п. 11 ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», не повлекло за собой существенных изменений ни порядка получения сведений путём наблюдения за лицом, вещью или местом, ни процедуры представления полученных результатов.

Уполномоченный сотрудник оперативного подразделения, который осуществлял наблюдение, в соответствии с предписаниями раздела IV Инструкции об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использования их результатов в уголовном производстве от 16.11.2012 (далее – *Инструкция*), зафиксирует результаты наблюдения в протоколе и представит его прокурору.

Анализ дальнейшего развития событий усиливает сомнения в обоснованности утверждения о том, что введением в УПК Украины проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности решены «кардинально и качественно». Основанием для этого является, прежде всего, нормативная регламентация использования результатов негласных следственных (розыскных) действий в УПК Украины.

Так, согласно ч. 3 ст. 252 УПК Украины, «протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий с приложениями не позднее чем через двадцать четыре часа с момента прекращения указанных негласных следственных (розыскных) действий передаются прокурору».

²⁷⁹ Грибов М.Л. Визуальное наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие и негласное следственное (розыскное) действие // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 4.

В п. 4.3. Инструкции аналогичная норма изложена несколько иначе: *«каждый протокол (выделено мною. – С.Ш.) о результатах проведения негласного следственного (розыскного) действия с приложениями не позднее 24 часов после его составления передается прокурору, который осуществляет надзор за соблюдением законов во время проведения досудебного расследования в форме процессуального руководства»*.

Системное толкование приведенных положений УПК Украины и Инструкции является основанием для вывода о том, что прокурору должны передаваться и протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий, составленные следователем. В связи с этим возникает вопрос о дальнейшей судьбе переданных прокурору протоколов и способах использования следователем зафиксированных в них сведений.

7. *Установление местонахождения радиоэлектронного средства основано на положениях ст. 268 УПК Украины (п. 12 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).*

В п. 12 ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено право оперативных подразделений *«осуществлять установление местонахождения радиоэлектронного средства в соответствии с положениями статьи 268 Уголовного процессуального кодекса Украины (4651-17)»*.

В свою очередь, в ст. 268 УПК Украины закреплены следующие положения.

В части первой данной статьи сформулирована следующая дефиниция: *«Установление местонахождения радиоэлектронного средства является негласным следственным (розыскным) действием, которое заключается в применении технических средств для локализации местонахождения радиоэлектронного средства, в том числе мобильного терминала систем связи и иных радиоизлучающих устройств, активированных в сетях операторов подвижной (мобильной) связи (выделено мною. – С.Ш.), без раскрытия содержания передаваемых сообщений, если в результате его проведения можно установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного производства»*.

В последующих частях ст. 268 УПК Украины: а) установлено правило, согласно которому установление местонахождения радиоэлектронного средства проводится на основании определения следственного судьи (ч. 2); б) установлены требования, предъявляемые к определению следственного судьи (ч. 3) и в) закреплена норма, согласно которой в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 250 УПК Украины, установление местонахождения радиоэлектронного средства может быть начато до получения судебного решения по постановлению следователя или прокурора (ч. 4).

Из содержания приведенной дефиниции неясно, кто именно применяет технические средства для локализации местонахождения радиоэлектронного средства, в том числе мобильного терминала систем связи и иных радиоизлучающих устройств, активированных в сетях операторов подвижной (мобильной) связи.

Авторы цитированной выше монографии пишут о том, что проведение негласного следственного (розыскного) действия, предусмотренного ст. 268 УПК Украины, *«позволяет решить розыскное задание по установлению факта нахождения в определённом месте и в определённое время конкретного лица, которому принадлежит и (или) находится в пользовании радиоэлектронное*

средство и другое радиоизлучающее устройство, активированное в сети оператора подвижной (мобильной) связи. Установление этого факта обеспечивают положения ч. 3 ст. 34, п. 7 ч. 1, ч. 2 и ч. 4 ст. 39 Закона Украины «О телекоммуникациях», согласно которым операторы телекоммуникаций обязаны предоставлять информацию о предоставленных телекоммуникационных услугах в порядке, установленном законом, а также за собственные средства устанавливать на своих телекоммуникационных сетях технические средства, необходимые для осуществления уполномоченными органами оперативно-розыскных мероприятий, и обеспечивать функционирование этих технических средств, а также в рамках своих полномочий способствовать проведению оперативно-розыскных мероприятий и недопущению разглашения организационных и тактических приёмов их проведения (перевод с украинского языка мой. – С.Ш.)»²⁸⁰.

Отсюда можно сделать вывод о том, что следователь и в данном случае является всего лишь инициатором установления местонахождения радиоэлектронного средства, а фактически для этого соответствующее оперативно-техническое подразделение какого-либо из правоохранительных органов Украины, перечисленных в ч. 6 ст. 246 УПК Украины, проводит оперативно-розыскное мероприятие с одноимённым названием. Сотрудник оперативно-технического подразделения, проводивший оперативно-розыскное мероприятие, документирует в протоколе ход и результаты установления местонахождения радиоэлектронного средства и передает составленный протокол прокурору в порядке, установленном ст. 252 УПК Украины и п.п. 4.1. и 4.2. Инструкции от 16.11.2012.

Далее вновь возникает вопрос о том, как следователь использует результаты проведенного оперативно-розыскного мероприятия.

8. *Использование конфиденциального сотрудничества для расследования и раскрытия преступлений, в том числе и в рамках производства негласных следственных (розыскных) действий, предполагает соблюдение норм ст. 275 УПК Украины (п. 14 ч. 1 ст. 8 Закона Украины об ОРД).*

В п. 14 ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено право оперативных подразделений «использовать конфиденциальное сотрудничество согласно положениям ст. 275 Уголовного процессуального кодекса Украины».

В свою очередь, в ст. 275 УПК Украины закреплены следующие нормы:

«1. Во время проведения негласных следственных (розыскных) действий следователь имеет право использовать информацию, полученную вследствие конфиденциального сотрудничества с иными лицами, или привлекать этих лиц к проведению негласных следственных (розыскных) действий в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. Запрещается привлекать к конфиденциальному сотрудничеству в ходе проведения негласных следственных действий адвокатов, нотариусов, медицинских работников, священнослужителей, журналистов, если такое сотрудни-

²⁸⁰ Негласні слідчі (розшукові) дії та використання результатів оперативно-розшукової діяльності у кримінальному провадженні. С. 46.

чество будет связано с раскрытием конфиденциальной информации профессионального характера».

«Закон Украины «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью» (ст. 14) и Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» разрешают для осуществления мер борьбы с организованной преступностью сотрудничество с участниками организованных преступных группировок на конфиденциальной основе согласно требованиям ст. 275 УПК Украины. Тактика установления конфиденциального сотрудничества и выполнения специальной задачи по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации регулируется соответствующими ведомственными нормативно-правовыми актами органов внутренних дел и Службы безопасности Украины»²⁸¹.

«Использование конфиденциального сотрудничества (ст. 275 УПК), согласно содержанию статьи, может осуществляться путём использования информации, полученной во время его осуществления, для подготовки и проведения негласного следственного (розыскного) действия или привлечения конфиденентов непосредственно к его подготовке и проведению. Закон не содержит требований относительно обязательного процессуального оформления факта использования информации, полученной лицами, которые конфиденциально сотрудничают с правоохранительными органами и их привлечения к проведению негласного следственного (розыскного) действия»²⁸².

Проведенный анализ даёт основание согласиться с авторами, по мнению которых пополнение системы следственных действий негласными следственными действиями, т.е. фактически оперативно-розыскными мероприятиями, «открывает простор для использования в доказывании разного рода сомнительных приемов», а «слияние процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий недопустимо, ибо оно разрушает принципиальные основы уголовного процесса»²⁸³.

М.А. Михайлов, предостерегая от принятия «революционных» законодательных решений, считает, что «полет законодательной фантазии необходимо приостановить и трезво проанализировать риски широкого внедрения негласных сил, средств и методов в уголовно-процессуальную деятельность... Стремление «запрячь в одну телегу коня и трепетную лань», предоставив следователю полномочия в использовании негласных методов получения доказательств и работу с конфидентами, вызывает сомнение не только в эффективности, но и безопасности этой затеи»²⁸⁴.

²⁸¹ Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий. С. 583.

²⁸² Негласні слідчі (розшукові) дії та використання результатів оперативно-розшукової діяльності у кримінальному провадженні. С. 56.

²⁸³ Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 10, 11.

²⁸⁴ Михайлов М.А. Риски внедрения негласных методов, сил и средств в уголовно-процессуальное доказывание / Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарий к ней / под ред. А.С. Александрова. — М., 2015. С. 183, 185, 187.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России достаточно чётко определены цели следственной деятельности, которые являются системообразующими факторами всего уголовного судопроизводства.

Между целями следственной деятельности и средствами их достижения существуют необходимые корреляционные связи. Внесенные в УПК РФ 2001 г. изменения и дополнения устранили в значительной мере дисбаланс между целями следственной деятельности и средствами их достижения.

В предпринятом в настоящей работе исследовании рассмотрены наиболее проблемные, с точки зрения автора, вопросы использования отдельных средств достижения целей следственной деятельности.

Своего дальнейшего исследования требуют проблемы использования для достижения целей следственной деятельности так называемых нетрадиционных средств получения информации: опросов с использованием полиграфа, «одорологических экспертиз» и «следственного гипноза».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Официальные документы и нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом)» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

5. Директивное письмо Народного Комиссариата Юстиции и Верховного Суда РСФСР «О карательной политике» от 20 августа 1928 г. // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 33; URL: <http://www.elib.uraic.ru>

6. Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами от 18 октября 1989 г. № 314/15 (утверждена Генеральным прокурором СССР, Верховным Судом СССР, МВД СССР, Минюстом СССР, КГБ СССР (с изм., внесенными приказом МВД России № 840, Минюста РФ № 320, Минздрава России № 388, Минэкономики России № 472, ГТК России № 726, ФСБ России № 530, ФПС России № 585 от 09.11.1999, Приказом Генпрокуратуры России от 07.06.2006 № 26)) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – Москва, 1992.

8. Методические рекомендации по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме (утверждены ФССП России 26.04.2013 № 04-7) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Центрального Исполнительного Комитета от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

10. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

11. Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Книга первая. Законы уголовные. Книга вторая. О судопроизводстве по преступлениям. – Санкт-Петербург, 1842.
12. Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Книга первая. Законы уголовные. Книга вторая. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. – Санкт-Петербург, 1857.
13. Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 1. Судебные уставы. Устав Уголовного Судопроизводства. – Санкт-Петербург, 1892.
14. Свод законов уголовных. – Санкт-Петербург, 1832.
15. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 августа 1966 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 35. Ст. 946.
16. Указ Президиума ВС РСФСР от 13 декабря 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1217.
17. Указ Президиума ВС РСФСР от 24 января 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.
18. Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 30 июня 2015 г. по делу № 22-357. URL: <http://www.sudact.ru>.
19. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 октября 2013 г. по делу № 10-10652 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Кассационное определение Московского областного суда от 11 декабря 2012 г. по делу № 22-8731 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Кассационное определение Пермского краевого суда от 22 декабря 2011 г. по делу № 22-10353 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2885-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абрамовой Эрики Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Приговор Александровского районного суда Ставропольского края от 4 апреля 2017 г. по делу № 1-13/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.
24. Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 28 декабря 2016 г. по делу № 1-251/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.
25. Приговор Гурьевского городского суда Кемеровской области от 5 апреля 2017 г. по делу № 1-292/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.
26. Приговор Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 30 мая 2017 г. по делу № 1-102/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.
27. Приговор Ленинского районного суда г. Костромы от 22 мая 2017 г. по делу № 1-56/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.
28. Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 12 декабря 2016 г. по делу № 1-257/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

29. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярск от 10 октября 2016 г. по делу № 1-148/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

30. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 16 июня 2017 г. по делу № 1-188/2017. URL: <http://www.sudact.ru>.

31. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 28 июля 2016 г. по делу № 1-61/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

32. Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа Югра от 5 декабря 2016 г. по делу № 1-21/2016. URL: <http://www.sudact.ru>.

33. Циркуляр прокуратуры СССР от 20 апреля 1935 г. № 15/4 «О мерах против неосновательного возбуждения дел» / Сборник приказов прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / сост.: А.К. Орлов, Б.И. Солерс; под ред. А.Я. Вышинского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: НКЮ СССР, 1939.

Научная и учебная литература

1. Абдрахманов Р.С. Процесс доказывания и его цель / Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / под ред. А.П. Гуськовой, А.В. Ендольцевой. – Москва, 2007.

2. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005.

3. Азарёнок Н.В., Давлетов А.А. Программа уголовного судопроизводства: цель, задачи и условия деятельности // Правоведение. 2007. № 2.

4. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. – Омск, 2006.

5. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. – Москва, 2014.

6. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного процесса / Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров [и др.]; науч. ред. В.Т. Томин. – Москва, 2003.

7. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – Москва, 2006.

8. Аминов И.И. Юридическая психология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности (030501) «Юриспруденция». – Москва, 2008.

9. Арсеньев К.К. Судебное следствие: сборник практических заметок. – Санкт-Петербург, 1871.

10. Артёмова В.В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 3.
11. Астафьев Ю.В. «Специальные» следственные действия: к проблеме включения оперативно-розыскных мероприятий в УПК РФ // Вестник ВГУ. Серия Право. 2013. № 1.
12. Астафьев Ю.В. Методологические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / Воронежские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Вып. 14 / под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 2011.
13. Астафьев Ю.В. Новые формы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела / Проблемы предупреждения и расследования преступлений: прошлое и настоящее / под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014.
14. Астафьев Ю.В. Процесс доказывания и оперативно-розыскная деятельность: соотношение и оценка результатов / Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: в 5 ч. Часть 5: Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 14-15 ноября 2003 г. / под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж, 2004.
15. Баев О.Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). – Воронеж, 1981.
16. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – Санкт-Петербург, 2005.
17. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. – Санкт-Петербург, 1841.
18. Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 14-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2017.
19. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии: курс лекций. – Москва, 1998.
20. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – Москва, 2005.
21. Белкин А.Р. Уголовный процесс как бесцельное времяпрепровождение? / Воронежские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Вып. 8 / под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 2007.
22. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. - 2-е изд., доп. – Москва, 2000.
23. Божьев В.П. Влияние Уголовного кодекса Российской Федерации на формирование норм и институтов уголовно-процессуального права / Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: материалы межведомственного «круглого стола» / под ред. О.А. Галустяна, О.И. Цоколовой. – Москва, 2003.

24. Бойков А.Д. Правосудие и уголовный процесс / Курс советского уголовного процесса: Общая часть. – Москва, 1989.
25. Васильев О.Л. Процессуальные средства органов и должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие // Вестник Моск. ун-та. Серия Право. 2003. № 4.
26. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. – Саратов, 1988.
27. Волков А.А. Курс русской риторики. – Москва, 2001.
28. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика: монография. – Москва, 2006.
29. Володина Л.М. Уголовно-процессуальный закон и некоторые проблемы противодействия расследованию преступлений / Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сборник научных трудов. – Москва, 2007.
30. Воронович Б.А. Философский анализ структуры практики. – Москва, 1972.
31. Галузин А. О криминогенных факторах-препятствиях реализации уголовно-процессуального законодательства // Уголовное право. 2003. № 3.
32. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. – Москва, 1974. Т. 1.
33. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития): автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – Москва, 2003.
34. Грибов М.Л. Визуальное наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие и негласное следственное (розыскное) действие // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2.
35. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. – Москва, 2005.
36. Гуценко К.Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса / Уголовный процесс: учебник. – Москва, 1997.
37. Гуценко К.Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса / Уголовный процесс: учебник. – Москва, 2005.
38. Дегай П.И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург, 1847.
39. Дмитриев А.В. Конфликтология: учебное пособие. – Москва, 2002.
40. Дорохов В.Я. Содержание истины как цели доказывания / Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1973.
41. Дремов В.Г. Понятие целей и средств уголовно-процессуальной деятельности / Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судостроительстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре. – Москва, 1981.
42. Дубинский А.Я. Понятие, структура и содержание уголовно-процессуальной деятельности / Проблемы социалистической законности: республ. межведомст. научный сборник. – Харьков, 1989. Выпуск 24.

43. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – Москва, 2000.
44. Жуков О.И. Тактико-криминалистическая основа следственной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006.
45. Зеленецкий Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. – Москва, 1971.
46. Иванов И.И. Оптимизация профилактической функции уголовного судопроизводства // Правоведение. 2002. № 4.
47. Иеринг Р. Цель в праве. – Санкт-Петербург, 1881. Т. 1.
48. Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. – Ленинград, 1969.
49. Калинин В.Н. Цели, задачи, функции и назначение уголовного судопроизводства // Следователь. 2003. № 3.
50. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3.
51. Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль. 2002. № 1.
52. Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7.
53. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1866.
54. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1867.
55. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. Ч. 3. О предварительном следствии. Выпуск первый. – Санкт-Петербург, 1869.
56. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – Москва, 2000.
57. Кистяковский А.Ф. Нуждается ли общественная безопасность в других наказаниях, кроме определяемых по суду? / Сборник государственных знаний / под ред. В.П. Безобразова. – Санкт-Петербург, 1877. Т. 4.
58. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник для вузов. – Москва, 1999.
59. Ковтун Н.Н. Негласные следственные (розыскные) действия УПК Украины как легитимные процессуальные средства доказывания // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4.
60. Коган А.Ф. Психологическое моделирование целеполагания и принцип псевдосвободы выбора цели в учебной деятельности / Психология: сборник научных трудов. – Киев, 1999.
61. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. – Воронеж, 1971.

62. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. – Воронеж, 1995.
63. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. – Москва, 2002.
64. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. – Москва, 2002.
65. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Н. Башкатов [и др.]; отв. ред. И.Л. Петрухин. - 6-е изд. перераб. и доп. – Москва, 2008.
66. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. В.Т. Томина, М.П. Полякова. - 6-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2012.
67. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В.И. Радченко; под ред. В.Т. Томина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1999.
68. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. – Москва, 1981.
69. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской, И.Л. Петрухина. – Москва, 1999.
70. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – Москва, 1976.
71. Крутецкий В.А. Психология. – Москва, 1986.
72. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – Москва, 1978.
73. Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1980.
74. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве – Москва, 1987.
75. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – Москва, 1986.
76. Ларин А.М. Эффективность применения уголовно-процессуального закона / Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – Москва, 1979.
77. Лукичев Б.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов государственного пожарного надзора и пути ее совершенствования. – Екатеринбург, 2007.
78. Луначарский А.В. Революция и суд // Правда. 1917. № 193.
79. Лупинская П.А. Общие положения теории доказательств / Советский уголовный процесс: учебник / под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. – Москва, 1980.
80. Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса / Журнал министерства юстиции. 1916. – Санкт-Петербург, 1917.
81. Макаров В.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. – Ленинград, 1979.

82. Малахова Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность (Общие положения): дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2002.
83. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – Москва, 2007.
84. Мамиконов А.Г. Управление и информация. – Москва: Наука, 1975.
85. Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. – Москва, 2016.
86. Миньковский Г.М., Танасевич В.Г. Протоколы следственных и судебных действий и иные документы / Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная. – Москва, 1967.
87. Миньковский Г.М., Танасевич В.Г. Протоколы следственных и судебных действий и иные документы / Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1973.
88. Михайлов М.А. Риски внедрения негласных методов, сил и средств в уголовно-процессуальное доказывание / Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментариев к ней / под ред. А.С. Александрова. – Москва, 2015.
89. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – Москва, 2003.
90. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1997.
91. Негласні слідчі (розшукові) дії та використання результатів оперативно-розшукової діяльності у кримінальному провадженні: навчально-практичний посібник / С.С. Кудінов [и др.]. – Харьков, 2013.
92. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону, 2006.
93. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В.И. Бородулин [и др.]. – Москва, 2001.
94. Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность / Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – Москва, 1989.
95. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. д-ра филолог. наук, проф. И.Л. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва, 2016.
96. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – Москва, 1999.
97. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва, 2000.
98. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: научно-практическое пособие. – Москва, 2000.
99. Основы конфликтологии: учебное пособие / под ред. В.Н. Кудрявцева. – Москва, 1997.
100. Пикалов И.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2013.
101. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: учебное пособие для учебных заведений профтехобразования. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1984.

102. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – Москва, 1956.
103. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. – Москва, 1927.
104. Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса. – Ярославль, 1919.
105. Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006.
106. Попов А.П., Попова И.А., Зинченко И.А. Проблемы интеграции розыскных начал в стадии предварительного расследования / Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / под науч. ред. В.Т. Томина, А.П. Попова, И.А. Зинченко. – Пятигорск, 2014.
107. Принципы советского уголовного процесса // Советское право. 1927. № 1.
108. Проверка сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические аспекты: учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А.И. Бастрыкина. – Москва, 2015.
109. Проценко В.П. Национальные проекты развития России и основы уголовно-процессуального права / Научные труды РАЮН. – Москва, 2007. Вып. 7. Т. 2.
110. Психологический словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. – Москва, 2007.
111. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1990.
112. Психология: учебник / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. - 6-е изд., стер. – Москва, 2006.
113. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. - 3-е изд., пересмотр. – Петроград, 1916.
114. Российская юридическая энциклопедия. – Москва, 1999.
115. Россинский С.Б. Выемка: следственное действие или процессуальная форма изъятия? // Российский следователь. 2017. № 19.
116. Рохлин В. Следователь: положение и полномочия // Законность. 2005. № 10.
117. Рязановский В.А. Единство процесса: учебное пособие. – Москва, 2005.
118. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – Москва, 1989.
119. Семенцов В.А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4.
120. Систематическое изложение законов о производстве следствий по 1831 год, составленное Титулярным Советником и Кавалером Андрианом Неклюдовым. – Москва, 1833.

121. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1981-1984. Т. 1, 2, 4.
122. Словарь философских терминов / под науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. – Москва, 2007.
123. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство - судопроизводство. – Санкт-Петербург, 1913.
124. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. - 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2007.
125. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. - 5-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013.
126. Советский энциклопедический словарь. – Москва, 1981.
127. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург, 2002.
128. Соколов А.Н. К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2.
129. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Москва, 1958.
130. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Москва, 1968. Т. 1.
131. Строгович М.С. Уголовный процесс. – Москва, 1934.
132. Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. – Москва, 1938.
133. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. – Москва-Ленинград, 1947.
134. Стучка П.И. Правосудие нового строя // Известия ВЦИК. 1918. № 102.
135. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург, 1867. Ч. 2.
136. Тагер А.С. О предмете и пределах науки об уголовном суде. Книга 1 // Право и жизнь. 1924.
137. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. – Киев, 1889. Т. 1.
138. Тарновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей председательствующего по уголовным делам: пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. – Тула, 1901.
139. Тихомиров О.К. Понятие «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования. – Москва, 1977.
140. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. – Москва, 2010.
141. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <http://www.usakovdictionary.ru>.
142. Томин В.Т. Понятие цели советского уголовного процесса // Правоведение. 1969. № 4.
143. Тонков Е.Е. Конфликтология правоохранительной деятельности. – Белгород-Харьков, 1998.

144. Трубников Н. Цель / Философская энциклопедия. – Москва, 1970. Т. 5.
145. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. И.А. Петрухина. - 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2009.
146. Уголовно-процессуальное право: учебник для магистров / под общ. ред. В.М. Лебедева. – Москва, 2012.
147. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий / отв. ред.: С.В. Кивалов, С.Н. Мищенко, В.Ю. Захарченко. – Харьков, 2013.
148. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. - 3-е изд., испр. и доп. – Москва, 2002.
149. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – Москва, 2013.
150. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. – 2-е изд., доп. – Казань, 1976.
151. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. – Москва, 1915.
152. Филин Д.В. Опасности уголовного судопроизводства и их классификация // Государство и право. 2002. № 9.
153. Флямер М. Уголовно-правовое посредничество как способ примирения сторон // Российская юстиция. 2003. № 9.
154. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург, 1912. Т. 1.
155. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – Москва, 2003.
156. Химичева Г.П., Химичева О.В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. 2002. № 10.
157. Хурамшина З.С., Зинатуллин Т.З. Вопросы, требующие своего разрешения в уголовно-процессуальном законодательстве / Научные труды РА-ЮН. – Москва, 2009. Вып. 9. Т. 3.
158. Цветков Ю.А. Следственная деятельность как операционная система // Российский следователь. 2014. № 23.
159. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. – Харьков, 1928. Вып. 1.
160. Чунаева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). – Ленинград, 1979.
161. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие. – Москва, 1996.
162. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: теоретические аспекты, практическое применение. – Москва, 2006.
163. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – Москва, 2000.
164. Шапарь В.Б. Словарь практикующего психолога. – Москва, 2005.

165. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
166. Шипунов И.В. Юридическая ситуация как общетеоретическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009.
167. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. – Москва, 1998.
168. Шумилин С.Ф. Общие вопросы производства следственных действий: руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – Москва, 1997.
169. Шумилин С.Ф. Общие вопросы производства следственных действий: руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. – Москва, 2005.
170. Шумилин С.Ф. Общие вопросы производства следственных действий / Руководство по расследованию преступлений: научно-практическое пособие / отв. ред. А.В. Гриненко. – Москва, 2008.
171. Шумилин С.Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. – Москва, 2006.
172. Шумилин С.Ф. Следственные действия: процессуальный порядок и тактика производства. – Белгород, 2002.
173. Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2010.
174. Шумилин С.Ф. Цели уголовного судопроизводства по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2004. Выпуск 3(8).
175. Шундилов К.В. Цели и средства в праве: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999.
176. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Ленинград, 1976.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Шумилин Сергей Федорович,
доктор юридических наук, доцент

Следственная деятельность: цели и средства достижения

Монография

Редактор
Комп. верстка

Е.А. Олейникова
И.Ю. Чернышева

Подписано в печать	2017, 8 уч.-изд. л., бумага офсетная, печать трафаретная.
Тираж	экз. Заказ №

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-198-5

